Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кемеровский государственный университет»

На правах рукописи

Бродников Александр Ананьевич

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЕНИСЕЙСКОГО УЕЗДА (1610–1630-е гг.)

5.6.1. Отечественная история
Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор, академик РАН
Н.Н. Покровский

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор С.О. Гаврилов

Кемерово – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……3

Глава 1. Присоединение левобережья Среднего Енисея к Русскому государству во втором десятилетии XVII в. ……..….....35

1.1. Причины присоединения левобережья Среднего Енисея к Русскому государству…….....36

1.2. Образование Енисейского уезда и основание Енисейского острога…….48

1.3. Остяцкие ясачные волости левобережья. Формирование механизма сбора ясака …...……..…….…60

Глава 2. Присоединение правобережья Среднего Енисея, нижнего и среднего Приангарья к Русскому государству в 20-е гг. XVII в….....69

2.1. Расширение территории Енисейского уезда в 20-е гг. XVII в.……..…....70

2.2. Енисейский гарнизон и его командный состав в 20-е гг. XVII в.....102

2.3. Тунгусские ясачные волости правобережья Среднего Енисея и Приангарья **……..……..**115

2.4. Механизм управления новыми территориями, начало создания сети острожков ……..……..……..141

Глава 3. Присоединение территорий бассейна Илима, Верхней и Средней Лены к Русскому государству в 30-е гг. XVII в…….….....167

3.1. Расширение территории Енисейского уезда в 30-е гг. XVII в……169

3.2. Рост численности енисейского гарнизона в 30-е гг. XVII в……..…….191

3.3. Тунгусские ясачные волости Илима и Верхней и Средней Лены…..…….212

3.4. Механизм управления илимскими и ленскими тунгусскими волостями……..……223

Заключение…….……..…….....**239**

Список источников литературы…….…..244

Условные обозначения …….……..263

Приложения ……..……..…… 264

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и научная значимость темы исследования. В отечественной историографии проблема присоединения Сибири к Русскому государству изучается уже несколько столетий[1]. Тем не менее, до настоящего времени сохраняются территории, история присоединения которых, подчинения их власти русской воеводской администрации в научной литературе рассмотрена достаточно поверхностно, можно сказать, мимоходом. Среди таких «недоизученных» регионов остается территория Енисейского уезда. И в этом плане приведенные в качестве эпиграфа к настоящему исследованию слова Б.О. Долгих можно рассматривать как упрек в отношении исследователей истории Сибири XVII в.

Между тем, в современных условиях, при нарастающем давлении на Россию со стороны коллективного Запада, стремлении его апологетов к пересмотру и несоответствующей реальности интерпретации прошлого нашей страны и истории населяющих ее народов, исследование колонизационных процессов, в ходе которых происходили расширение границ Русского государства на восток, инкорпорация в него новых территорий, формирование на них системы административного управления, а также изучение этнокультурного взаимодействия в специфических условиях фронтира – все это приобретает крайне актуальное звучание.

В истории Енисейского уезда важной составляющей является история формирования его территории. То, что именно служилые люди енисейского гарнизона, администрация Енисейского острога сыграли если не определяющую, то значительную роль в процессе присоединения к Русскому государству Восточной Сибири и Забайкалья, в научной литературе выглядит неоспоримым. Но вот история формирования территории самого Енисейского уезда, создание на ней механизма ясачного сбора с аборигенного населения, изучены весьма слабо, поверхностно.

---

[1] Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970; Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1984. С. 14–36.

Деятельность енисейских служилых людей и установка воевод, направленные на вовлечение в ясачный платеж населения территорий, которые вошли в состав Енисейского уезда остаются детально не рассмотренными. До сего времени сохраняется необходимость систематизировать события, связанные с их деятельностью, в хронологической последовательности. Необходимо выяснить, что представлял собой сформировавшийся механизм ясачного сбора, какие особенности в нем существовали на разных территориях уезда, и что могло быть причиной этих различий.

Действия служилых людей енисейского гарнизона по присоединению новых «землиц», вошедших в состав Енисейского уезда к концу 1630-х гг., представляют собой приобретение навыков, использовавшихся ими в последующее время и на других территориях. Это является особенно важным, поскольку в дальнейшем стремительном продвижении отрядов служилых людей по территории Восточной Сибири, ранее служившие по Енисейску предводители этих отрядов, с их приобретенными навыками, играли значительную роль.

Степень изученности темы. Концепция процесса присоединения Сибири к Русскому государству в тот или иной период ее изучения неоднократно менялась в зависимости от уровня развития методологии исторической науки, социальной принадлежности исследователей и политической конъюнктуры[2]. Тем не менее, за прошедшее время российскими, советскими и постсоветскими историками, занимавшимися этой проблемой, введено в научный оборот огромное количество фактического материала, написано значительное число трудов, как обобщающих, охватывающих всю территорию Сибири, так и имеющих региональную направленность.

Согласно закрепившейся в отечественной историографии традиции, процесс присоединения Сибири к Русскому государству принято делить на два этапа, выделяя присоединение Западной Сибири и Восточной Сибири, рубежом между которыми рассматривается р. Енисей, естественная географическая

[2] См., например: Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 1. Культурный космос Евразии. С. 124–136.

грань. Хотя в научной литературе отмечено, что это деление на этапы является достаточно условным[3], тем не менее, еще С.В. Бахрушин выявил серьезную разницу между движущими силами этого процесса в Западной и Восточной Сибири[4], что, несомненно, наложило отпечаток и на характер самого процесса. При этом необходимо отметить, что основные силы историков, занимавшихся исследованием присоединения к Русскому государству Восточной Сибири, были направлены на изучение проблемы присоединения Якутии, Забайкалья, Дальнего Востока (см. работы А.И. Алексеева, А.Н. Алексеева, А.Р. Артемьева, С.В. Бахрушина, М.И. Белова, А.С. Зуева, В.Н. Иванова, Г.А. Леонтьевой, А.П. Окладникова, А.С. Парниковой, Б.П. Полевого, Ф.Г. Сафронова, О.И. Сергеева, Н.Н. Степанова и др.[5]).

---

[3] Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. М., 1987. С. 23–24.

[4] Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII веках // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С.15–160.

[5] Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М., 1982; Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на Северо-Востоке Якутии. Новосибирск, 1996; Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999; Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 176–224; Бахрушин С.В. Исторические судьбы Якутии // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 13–48; Бахрушин С.В. Казаки на Амуре. Л., 1925; Бахрушин С.В. Открытие Якутии русскими в XVII в. и присоединение ее к России // Якутия в XVII в. Якутск, 1953. С. 10–66; Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 7–192; Бахрушин С.В. Покрута на соболиных промыслах XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды**.** М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 137–225; Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 49–85; Белов М.И. Семен Дежнев. М., 1955; Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века // История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т. 1; Белов М.И. Путь через Ледовитый океан: Очерки из истории открытия и освоения Северного морского пути. М., 1963; Белов М.И. Подвиг Семена Дежнева. М., 1973; Белов М.И. По следам полярных экспедиций. Л., 1977; Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций: Сб. науч. ст. Новосибирск, 1999. Вып. 1: Культурный космос Евразии. С. 124–136; Зуев А.С. От завоевания к вхождению, или как присоединяли Сибирь к России советские историки // Родина. 2000. № 5. С. 56–63; Иванов В.Н. Вхождение Северо-востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999; Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991; Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходецземли Камчатки. М., 1997; Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). Москва, 2012; Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937; Парникова А.С. Расселение якутов в XVII – начале XX в. Якутск, 1971; Полевой Б.П. Находка подлинных документов С.И. Дежнева о его историческом походе 1648 г. // Вестник Ленинградского университета. Серия: Геология, география.1962. Т. 6, вып. 1. С. 145–152; Полевой Б.П. К истории формирования географических представлений

При этом, как ни странно, невзирая на, казалось бы, важнейшую роль Енисейского острога в присоединении Восточной Сибири к Русскому государству, непосредственно его историей мало кто занимался. Получается, что «отцу» сибирских городов в научной литературе уделено весьма скромное внимание. Как правило, в работах историков Енисейск упоминается вскользь, как некий транзитный пункт, через который проходило движение русских людей на восток. В результате работ, посвященных непосредственно Енисейску, или таких, где ему, по крайней мере, выделены специальные разделы, не так уж и много.

Первые труды, где упоминаются Енисейск и Енисейский уезд, появляются уже в конце XVII в., хотя их и нельзя назвать научными в прямом смысле слова. Тем не менее, в них зафиксированы весьма интересные наблюдения авторов о состоянии города, об аборигенном населении уезда. Это сочинения проезжавших через Енисейск иностранцев, путь которых затем пролегал по Ангаре. Они фиксировали все, что представляло для них интерес и выглядело необычным. Поэтому их сочинения представляют важное значение для исследователей, так как для русских людей многое являлось обыденным и в русских письменных источниках того времени не отмечалось. Кроме того, проезжавшие через Енисейск иностранцы целенаправленно собирали сведения исторического, этнографического и демографического характера, которые были зафиксированы в их путевых записках. Таковыми яв-

---

осеверо-восточной оконечности Азии XVII в. (Известие о «Каменной преграде». Возникновение и дальнейшая метаморфоза легенды о «необходимом носе» //Сибирский географический сборник. М; Л., 1964. Т. 3. С. 224–270; Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Из истории русских географических открытий на Тихом океане в XVIII в. Южно-Сахалинск, 1982; Полевой Б.П. Новое о Семене Дежневе // Дальний Восток: Лит.-худ. и общ.-пол. журнал. Хабаровск, 1989. № 1. С. 132–139; Полевой Б.П. Первый русский поход на Тихий океан в 1639–1641 гг. в свете этнографических данных // Советская этнография. 1991. № 3. С. 56–69; Полевой Б.П. Новое об открытии Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1997. Ч. 1–2; Сафронов Ф.Г. Ссылка в Восточную Сибирь в XVII веке. Якутск, 1967; Сафронов Ф.Г. Русские на Северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М., 1978; Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М., 1983; Степанов Н.Н. Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII веке // Известия ВГО. 1958. Т. 90. № 5. С. 438–452; Степанов Н.Н. «Пешие тунгусы» Охотского побережья в XVII веке // Экономика, управление и культура Сибири (XVII–XIX вв.). Новосибирск, 1965. С. 128–140; Степанов Н.Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 106–124; и др.

ляются труды Н.Г. Милеску Спафария, возглавлявшего русское посольство в Китай в 1675–1678 гг.[6] и отправленных в 1692–1695 гг. по указу Петра I с посольством в Китай голландцев И. Идеса и А. Бранда[7].

Также в конце XVII столетия появляются картографические труды тобольского сына боярского С.У. Ремезова[8]. В «Чертежной книге Сибири» большую ценность для исследователей представляют сведения о расстояниях между населенными пунктами и времени их преодоления разными способами, в том числе – время, которое может быть затрачено при передвижении по рекам вверх и вниз по течению. Отмечены в его «Чертежной книге» и места проживания некоторых групп аборигенного населения. Но, как установил крупнейший источниковед сибирской истории XVII–XVIII вв. А.И. Андреев, С.У. Ремезов использовал более ранние, не сохранившиеся до настоящего времени сведения, чертежи, в результате чего, расположение им на карте Сибири мест проживания некоторых родовых групп аборигенов было устаревшим на несколько десятилетий[9]. Еще один труд С.У. Ремезова – «Служебная чертежная книга»[10] – также представляет для исследователей большую ценность как источник по истории Сибири XVII в.

В XVIII в. начинается качественно новый этап сибирской историографии, когда исследователи уже целенаправленно, профессионально занимаются изучением сибирской истории. В том числе, появляются исторические труды, где Енисейску и Енисейскому уезду отводятся специальные разделы. Первыми ис-

---

[6] Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария / с введ. и примеч. Ю.В. Арсеньева. СПб., 1882; Арсеньев Ю.В. Статейный список Николая Спафария в Китай (1675–1678 гг.). СПб., 1906; Урсул Д.Т. Николай Гаврилович Милеску Спафарий. М., 1980. С.45, 55; Косвен М.И. Материалы к истории русской этнографии XVII в. // Советская этнография. 1955. № 1. С. 138.

[7] Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай. М., 1967.

[8] Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882; Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. М., 2003. Т. 1.

[9] Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1960. Вып. 1.

[10] Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. С. Ремезов и сыновья. Служебная чертежная книга. Факсимильное воспроизведение рукописи РНБ. Тобольск, 2006. (Этот источник имеет ряд неточностей: ср., например: Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. С. Ремезов и сыновья. Т. 1. С. 101; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 491–494; Спасский Г.Н. Список с чертежа Сибирской земли, заимствованный из рукописного сборника XVII века и объясненный примечаниями. М., 1849. С. 7).

следователями, положившими начало изучению истории Енисейска, были Г.Ф. Миллер и И.Э. Фишер. Возглавлявший Академический отряд Большой Камчатской экспедиции Г.Ф. Миллер, в течение десяти лет (1733–1743 гг.) объехавший почти все уездные центры Сибири XVII в.[11], дважды побывал в Енисейске, где активно работал в местном архиве. Итогом проведенного под его руководством изучения столетнего архива енисейской приказной избы (воеводской канцелярии) стали шесть томов скопированных по его указанию документов, оригиналы которых были в последующем утрачены в результате енисейских пожаров. Но некоторое количество подлинников историк все же смог вывезти из Енисейска. Итогом работы Миллера в сибирских архивах стал его труд «Описание Сибирского царства»[12], в котором историк, опираясь на собранные им сведения из документальных источников, рассказывает о происходивших в Сибири событиях. В том числе уделяется немалое внимание истории основания Маковского и Енисейского острогов, продвижению отрядов енисейских служилых людей по Енисею, Ангаре и их притокам, проникновению в бассейн Лены и выходу к Ледовитому океану и Охотскому морю. Поскольку во время этих походов, как правило, происходили вооруженные столкновения служилых людей с местным населением, то и написанная Миллером сибирская история XVII в. получилась в значительной степени описанием череды взаимных нападений и завоевания Сибири русским оружием, в котором применительно к Восточной Сибири енисейцы играли значительную, если не основную роль. Как бы ни было, «Описание Сибирского царства» Г.Ф. Миллера является первым научным трудом, в котором профессионально, на основе документальных источников (пусть фрагментарно и далеко не полно) излагается история Енисейска и Енисейского уезда.

Что касается И.Э. Фишера, одного из исследователей, участвовавших в работе Академического отряда, которого некоторые советские историки рас-

[11] О работе Г.Ф. Миллера в Сибири см.: Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.
[12] Последнее издание этого труда: Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3-х т. М., 1999–2005.

сматривали как «сотрудника и конкурента Миллера»[13], то, по сути, его сочинение представляет собой популяризированный пересказ труда Миллера (вероятно, по этой причине его сочинение ни разу не переиздавалось), где весь ход присоединения Сибири к Русскому государству представляется как череда походов служилых людей. История Енисейска у него представлена также в большей степени историей походов отрядов енисейцев в районы Восточной Сибири[14]. Тем не менее, необходимо отметить, что в труде Э.И. Фишера события сибирской истории охватывают весь XVII в., в нем приводятся интересные факты, отсутствующие в опубликованной работе Г.Ф. Миллера.

Г.Ф. Миллер и И.Э. Фишер своей деятельностью не только положили научное начало в изучении сибирской истории, но и способствовали формированию российской исторической науки как таковой. Их творческое наследие получило высокую оценку последователей, особенно объем собранного ими фактического материала[15], хотя не обошлось и без критических высказываний[16].

С начала XIX в. в отечественной исторической науке развиваются два основных направления в исследовании процесса присоединения Сибири к России: изучение роли государства и роли торговли в этом процессе и об особом пути развития Сибири в составе России, первыми выразителями которых стали

---

[13] Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1984. С. 19.

[14] Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири. СПб., 1774.

[15] Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937. С. 8, 10; Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. I. С. 61–62; Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1984. С. 18–19; Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 3.

[16] Оглоблин Н.Н. К русской историографии. Герард Миллер и его отношения к первоисточникам // Библиограф. 1889. № 1. С. 1–11; Троцкий И.М. Некоторые проблемы истории Якутии XVII века // Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936. С. III; Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937. С. 12; Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. I. С. 47; Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 3; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 17–18; Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1984. С. 36.

Н.М. Карамзин и П.А. Словцов. Но в работах этих авторов Енисейск только упоминается[17].

Серьезнейшие изменения в сибирской историографии происходят во второй половине XIX столетия: крупнейшие российские историки С.М. Соловьев, В.О. Ключевский обратили внимание на изучение хозяйственного освоения Сибири, что впоследствии привело к изменению концепции ее присоединения[18]. Это отразилось на исследованиях целого ряда историков конца XIX – начала XX в.: Г.В. Вернадского, Н.Н. Козьмина, Д. Садовникова, С. Патканова[19]. Подобный подход наблюдается и в работах сибирских областников – Н.М. Ядринцева[20], Г.Н. Потанина[21], П.М. Головачева[22]. В работах этого времени сибирские землепроходцы нередко сравниваются с испанскими конкистадорами. Но в трудах вышеупомянутых исследователей Енисейск и Енисейский уезд также только упоминаются.

С середины XIX в. историки все больше и больше обращаются к различным частным вопросам сибирской истории. В ряде периодических изданий публикуются научные статьи по истории Сибири XVII столетия. Г.И. Спасский

---

[17] Карамзин Н.М. История государства Российского. Калуга, 1993. Т. IX–XII. С. 155; Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 1.

[18] Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. М., 2004. С. 206–207.

[19] Вернадский Г.В. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Ч. 56. № 4. С. 332–354; Козьмин Н.Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910; Козьмин Н.Н. Заселение русскими Сибири в Московскую эпоху. Красноярск, 1917; Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб., 1911; Садовников Д.Н. Наши землепроходцы: Рассказы о заселении Сибири (1581–1712 гг.). М, 1898; Садовников Д. Подвиги русских в Сибири. Ерофей Хабаров и Семен Дежнев (Рассказы о завоевании и заселении Сибири). М., 1906.

[20] Ядринцев Н.М. Сибирь как колония // Сочинения. Тюмень, 2000. Т. I.

[21] Материалы для истории Сибири / собр. Г.Н. Потанин. Москва, 1867.

[22] Головачев П.Н. Покорение Сибирского царства и личность Ермака // Сибирский сборник. 1891 (1892). Вып. 1. С. 166–196; Его же. Пути сообщения в Сибири XVI и XVII веков: Памяти П.А. Словцова. Б. м., 1893; Его же. Приамурье как русская земледельческая колония // Нар. хозяйство. 1900. Кн. 7. С. 59–72; Его же. Взаимное влияние русского и инородческого населения в Сибири // Земледелие. 1902. № 2–3; Его же. Сибирь: Природа, люди, жизнь. М., 1902; Его же. Характер и значение колонизации Сибири в XVI и XVII столетиях // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 3–44.

публикует ранее неизвестный источник с описанием чертежа Сибири XVII в.[23]. К трехсотлетнему юбилею похода Ермака И.В. Щеглов, несколько лет преподававший историю и географию в енисейской мужской прогимназии, составил хронологию известных событий сибирской истории за обозримый период. Хотя его труд не является исследованием, тем не менее, автор сделал попытку объединить и обобщить накопленные к 80-м гг. XIX в. сведения[24], что было по достоинству оценено В.Г. Мирзоевым, отметившим, что после Миллера и Словцова ни один историк не отважился взяться за составление общей истории Сибири[25].

С конца XIX в. появляются монографические исследования по сибирской истории. Профессор Харьковского университета П.Н. Буцинский внес большой вклад в исследование Западной Сибири XVI–XVII вв. Его основательные труды[26] стали серьезным прорывом в деле фундаментального изучения истории Сибири. Историк пришел к выводу о преимущественно мирном движении в Сибирь торговых и промышленных людей. Для нашего исследования ценность представляет его работа о Кетском уезде, с территории которого началось продвижение отрядов служилых людей к Енисею и часть волостей которого вскоре была передана в ведение Енисейского острога.

К подобным Буцинскому выводам пришел С.А. Адрианов, писавший, что в покорении Сибири определяющим было не столько оружие, а стойкое и упорное колонизационное движение русского народа[27]. К проблеме деятельно-

---

[23] Спасский Г.Н. Список с чертежа Сибирской земли, заимствованный из рукописного сборника XVII века и объясненный примечаниями. М., 1849.

[24] Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Иркутск, 1883; Сургут, 1993.

[25] Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. С. 350.

[26] Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889; Его же. Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645 гг.). Харьков, 1893; Его же. К истории Сибири. Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. Харьков, 1893. Последнее издание указанных работ: Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников // Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 1; Его же. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск // Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2.

[27] Адрианов С.А. К вопросу о покорении Сибири // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. №4. С. 548.

сти сибирских воевод в это время обратился В. Кулешов[28], а Е.Е. Замысловский проявил интерес к истории сибирской картографии[29]. Выходит в это время двухтомная работа по истории Сибири В.К. Андриевича, которую можно рассматривать как продолжение составления общей истории Сибири вслед за Г.Ф. Миллером, П.А. Словцовым и И.В. Щегловым. Для нас интерес представляет первый том, посвященный XVII столетию[30]. Во всех этих публикациях Енисейску и Енисейскому уезду посвящены только небольшие фрагменты, касающиеся продвижения отрядов русских служилых людей от Енисея до Лены.

Во второй половине XIX в. отмечается усиление интереса и к изучению отдельных регионов Сибири. В частности, выходят статья о Енисейске С.С. Висковатова[31] и объемная работа о Енисейской губернии Н.В. Латкина[32]. Но история Енисейска XVII в. и в них упоминается мимоходом.

В конце XIX – начале XX в. проблемы истории Сибири привлекают внимание Н.Н. Оглоблина. Уже имевший большой опыт исследования архивных материалов южнорусских уездов[33], историк проводит огромную работу по изучению и систематизации документальных источников фонда Сибирского приказа. Разбирая документы огромнейшего по объему фонда, исследователь-архивист проделал за два десятка лет невероятную по своему значению работу – описал по годам и по уездам скопившуюся в Сибирском приказе документацию, стекавшуюся в Москву со всей Сибири в течение полутора столетий. В его исследовании «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа» в четырех частях[34], указывается, к каким годам и каким уездным центрам относятся те или иные столбцы и книги. Поэтому фундаментальный труд Н.Н. Оглоблина

---

[28] Кулешов В. Наказы сибирским воеводам в XVII в. Болград, 1894.
[29] Замысловский Е.Е. Чертежи сибирских земель XVI–XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Май. С. 334–347.
[30] Андриевич В.К. История Сибири: в 2 ч. СПб., 1889. Ч. I.
[31] Висковатов С.С. Об основании, устройстве и развитии города Енисейска // Вторая памятная книжка Енисейской губернии. СПб., 1865.
[32] Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб., 1892.
[33] Оглоблин Н.Н. Обозрение историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа. М., 1884. С. 26.
[34] Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1895–1901. Ч. I–IV.

уже более ста лет является для историков путеводителем по фондам Сибирского приказа. Вполне закономерно, что Енисейску в этом «Обозрении...» отводится значительная роль. Некоторые особенно заинтересовавшие исследователя документы разобраны им более подробно. Часть полученного материала использована Н.Н. Оглоблиным при подготовке статей, в том числе и об имевших отношение к Енисейску служилых людях, опубликованных им в различных периодических изданиях конца XIX – начала XX в.[35]

В целом можно отметить, что в досоветской историографии серьезный след в изучении истории Енисейска и Енисейского уезда оставили только Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер и Н.Н. Оглоблин.

В советское время, когда интерес к истории Сибири XVII столетия существенно возрос, ситуация по отношению к Енисейску и Енисейскому уезду изменилась мало. В 1937 г. издается монография А.П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов»[36]. Два ее раздела касаются истории выхода русских служилых людей на Енисей и походам енисейских служилых людей по Ангаре в первое десятилетие существования Енисейского острога[37]. При этом хотя историком и используется активно материал, имеющий непосредственное отношение к истории Енисейска и Енисейского уезда, но он рассматривается только как некая предыстория завоевания Бурятии. Другими словами, Енисейску и его уезду в этой работе отводится роль транзитной территории. Даже такому событию, как разбойничий поход по Ангаре красноярских казаков в

---

[35] См., например: Оглоблин Н.Н. Остяцкие знамена XVII в. // Исторический вестник. 1889. Т. 38. С. 135–149; Его же. Семен Дежнев. СПб., 1890; Его же. Остяцкие князья в XVII в. // Русская старина. 1891. Т. 71. Июль. С. 395–401; Его же. Две сказки Вл. Атласова об открытии Камчатки. М., 1891; Его же. Заговор томской «литвы» в 1634 г. // Чтения в обществе Нестора-летописца. Киев, 1894. Кн. 8. С. 1–11; Его же. К биографии Владимира Атласова. М., 1894; Его же. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина // Русская старина. 1896. Январь. С. 205–224; Его же. Нерчинский заговор о побеге на Амур и на острова Восточного океана // Русская старина. 1896. Октябрь. С. 121–129; Его же. Якутский розыск о розни боярских детей и казаков // Русская старина. 1897. Август. С. 375–392; Его же. Красноярский бунт 1695–1698 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Май. С. 25–69; Его же. Восточносибирские полярные мореходы XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Май. С. 38–62.

[36] Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937.

[37] Там же. С. 23–82.

1629 г., который А.П. Окладников увязывает с «серебряной экспедицией» воеводы Я. Хрипунова, уделяется гораздо больше внимания.

В 1930–1940-е гг. С.В. Бахрушин публикует ряд работ по истории Сибири, которые впоследствии были переизданы в четырехтомнике его научных трудов. Историк обратил серьезное внимание на организацию пушного промысла в Сибири XVII в., хозяйственное освоение сибирских территорий, формирование механизма сбора ясака. Определенное внимание этим проблемам было уделено и в отношении территории Енисейского уезда[38].

В 1957 г. издается краеведческая работа о Енисейске преподавателя Енисейского педагогического института А.И. Малютиной. В книге основное внимание было уделено революционной истории города, а вот XVII в. отведено совсем немного места [39]. Но это была первая книга по истории города, написанная жителем Енисейска.

Одной из важнейших научных работ, где истории Енисейского уезда XVII в. отведен специальный раздел (впрочем, как и другим сибирским уездам), является классический труд Б.О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.»[40]. Хотя автор ставит своей целью разобраться с родовыми отношениями аборигенного населения и его племенной структурой, собранный им архивный материал в большей степени рассказывает о том, как происходило продвижение отрядов служилых людей на новые, еще не закрепленные за русской администрацией «землицы» и как действовали ясачные сборщики на уже «закрепленных» территориях. Б.О. Долгих на основе значительного по своему объему корпуса источников показал процесс объясачивания Левобережья Среднего Енисея – территории, которая в 1618 г. была передана от Кетского уезда еще не построенному Енисейскому острогу, а затем и действия, предпринимаемые енисейской администрацией и служилыми людьми, в

[38] Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII веках // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 15–160; Его же. Покрута на соболиных промыслах XVII в. // Там же. С. 137–225; Его же. Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 49–85.
[39] Малютина А.И. Город Енисейск: историко-краеведческий очерк. Красноярск, 1957.
[40] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

результате которых происходило стремительное расширение территории Енисейского уезда на восток[41]. Фактически, Б.О. Долгих, не ставя перед собой такой цели, показал, как происходило формирование территории Енисейского уезда и как развивались взаимоотношения между енисейскими служилыми людьми и коренным населением присоединенных ими «землиц» – кетоязычными народами, тунгусами и бурятами. Кроме того, в разделе, касающемся других восточносибирских уездов, также в значительной степени присутствуют сведения о походах енисейских служилых людей.

Результатом усилившегося в послевоенное время интереса историков к хозяйственному освоению Сибири в XVII в. стали несколько монографий соответствующего содержания[42]. В.И. Шунков, занимаясь изучением развития земледелия в Сибири XVII в., выделил особый енисейский земледельческий район, который практически соответствовал рамкам Енисейского уезда конца столетия. Историк отметил, что енисейский земледельческий район был вторым в Сибири по своему значению и уже к середине столетия стал полностью обеспечивать себя хлебом, а вскоре енисейский хлеб стал вывозиться в Мангазейский и Якутский уезды и в Забайкалье.

Другой историк, В.А. Александров, занимаясь изучением населения Енисейского края в целом, в том числе уделил значительное внимание населению Енисейского уезда[43]. Исследуя документальные источники, он выяснил время появления многих населенных пунктов Енисейского уезда и места прежнего проживания переселенцев из европейской части России. В.А. Александров первым подсчитал, что на территории Енисейского уезда среди мигрантов преобладали выходцы из районов Русского Севера: в 1629–1691 гг. они, по его подсчетам, составляли от 58 до 92 % прибывших[44].

---

[41] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 183–221.

[42] Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII века. М., 1946; Его же. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956.

[43] Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964.

[44] Александров В.А. Русское население Сибири... С. 146–149.

Через год после издания монографии В.А. Александрова выходит в свет монография А.Н. Копылова, которая посвящена развитию экономики Енисейского уезда в XVII в.[45]. Автор прослеживает развитие земледелия на территории уезда, развитие всевозможных промыслов в Енисейском остроге, в острожках и деревнях уезда, формирование торговых связей енисейцев. Но прежде, чем приступить к рассмотрению всех указанных тем, историк целую главу отводит проблемам формирования русского населения Енисейского уезда по его категориям, касается и истории основания Енисейского острога и образования уезда, хотя и довольно кратко. Следует отметить, что до настоящего времени этот труд остается единственным монографическим исследованием, полностью посвященным истории Енисейского уезда XVII в.

В 1974 г. была издана монография красноярского историка П.Н. Павлова, который, вслед за С.В. Бахрушиным, обратился к истории развития пушного промысла в сибирской тайге в XVII в.[46] Исследователь обращает пристальное внимание на возрастающую сложность добычи пушного зверя, связанную не только с проблемой взаимоотношений русских людей и аборигенного населения, но и с противоречиями между служилыми и промышленными людьми, с давними межродовыми конфликтами местного населения. П.Н. Павлов отмечает умелое использование аборигенами, в том числе тунгусами, определенных противоречий между служилыми людьми и промышленниками: первые сами подстрекали тунгусов грабить торговых и промышленных людей и выплачивать отобранную у них пушнину в качестве ясака[47]. Изучая территориальное происхождение промышленных людей, приходивших в Сибирь в 20–80-е гг. XVII в., историк выясняет, что среди лиц, пришедших за это время в Енисейский острог из европейской части России, выходцы из Поморья составляли в среднем свыше 97 %[48].

---

[45] Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965.
[46] Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974.
[47] Там же. С. 42.
[48] Там же. С. 65–67.

Занимавшийся длительное время изучением общественного сознания русского населения Сибири Н.Н. Покровский в объемной статье о сибирских материалах по «слову и делу государеву» отводит значительное место енисейским событиям, а именно енисейскому бунту 1626 г., впервые подробно осветив ход событий этого, одного из первых в Сибири, социальных волнений[49]. Позднее, в совместной с В.А. Александровым монографии, посвященной изучению проблем взаимоотношений власти и мирских организаций различных категорий русского населения Сибири XVII в., Н.Н. Покровский будет многократно использовать материал, касающийся истории Енисейска и Енисейского уезда[50].

Таким образом, и в советское время история Енисейска и Енисейского уезда, за редким исключением, оставалась малопривлекательной для исследователей сибирской истории XVII в. По-прежнему важнейший русский военно-административный центр на берегу Енисея, в стратегически выгодном месте Сибири, служивший базой для продвижения русского населения на восток, для историков оставался лишь неким транзитным пунктом на пути в Восточную Сибирь и Забайкалье.

Что касается постсоветсткой историографии, то как и в предыдущее время, истории Енисейска и Енисейского уезда XVII в. в ней отводится весьма скромное место. Тем не менее, некоторые работы этого времени заслуживают внимания. В 1999 г. В.В. Буланков и К.Ю. Шумов публикуют работу о застройке территории Енисейского острога и его посада в XVII в. и развитии города в последующее время. Но основное внимание в тексте исследования уделено истории каменного строительства, что лежит за пределами рассматриваемого нами периода[51].

---

[49] Покровский Н.Н. Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 24–61.

[50] Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

[51] Буланков В.В., Шумов К.Ю. Енисейск 1619–1999. Очерки по истории развития и застройки города. Красноярск, 1999.

В 2008 г. выходит в свет монография Л.Р. Павлинской об истории бурят[52]. Вслед за А.П. Окладниковым исследователь делает обзор продвижения отрядов енисейских служилых людей по Ангаре, облагавших ясаком группы тунгусов. Автор привлекает новый, ранее не использованный исследователями материал из копийных книг Г.Ф. Миллера (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук). Но в целом, как и у А.П. Окладникова, присоединение Нижнего и Среднего Приангарья в этой работе остается вводным, проходящим фрагментом, предшествующим присоединению к Русскому государству Бурятии.

В 2009 г. сотрудниками Енисейского краеведческого музея изданы «Очерки истории г. Енисейска и Енисейского уезда (XVII–XIX вв.)», где уделяется некоторое внимание и истории города XVII в., хотя основная часть работы посвящена церковному строительству и деятельности енисейского купечества[53].

В 2016 г. издательством Сибирского федерального университета была опубликована так называемая «Кытмановская летопись», составитель которой, основатель Енисейского краеведческого музея А.И. Кытманов, много лет собирал сведения об истории Енисейска и енисейского Севера из всех доступных ему изданий и источников. В итоге его объемный труд охватывает период от начала проникновения русских людей на Север Сибири до 1892 г. А сведения по истории Енисейска XVII в. взяты из работ Г.Ф. Миллера, И.Э. Фишера, П.Н. Буцинского, В.К. Андриевича, Н.Н. Оглоблина и других историков, публиковавших свои труды во второй половине XIX в. Активно использовались А.И. Кытмановым и опубликованные источники, взятые из Древней российской вивлиофики, Собрания государевых грамот и договоров, Актов исторических и Дополнений к актам историческим. Факты из ранней истории Енисейска, собранные в одном издании, представляют интерес для краеведев и всех интересующихся ранней историей Енисейска и енисейского Севера[54].

---

[52] Павлинская Л.Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб., 2008.
[53] Очерки истории г. Енисейска и Енисейского уезда (XVII–XIX вв.). Енисейск, 2009.
[54] Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год. Красноярск, 2016.

В том же 2016 г. состоялась защита диссертации П.Н. Бараховича о служилых людях Енисейского и Красноярского уездов XVII в. На основе весьма значительного количества фактического материала автор рассматривает все стороны жизни служилых людей этих двух уездов от их происхождения и механизма поступления на службу до условий их службы и социально-экономического положения. Но объемное диссертационное исследование[55], насколько нам известно, пока имеет статус рукописи. Однако в 2019 г. П.Н. Барахович издал другую работу, посвященную Енисейску XVII–XVIII вв., где рассмотрел историю застройки территории Енисейского острога и историю основания енисейских церквей, деятельность енисейского духовенства. Историк опубликовал ряд ранее не известных документов по истории города[56].

В 2020 г. сотрудниками Института истории СО РАН был издан весьма объемный библиографический словарь о служилых людях Сибири. Основная часть сведений о служилых людях в этом труде относится к XVII в., в том числе охватывает значительное количество служилых людей енисейского гарнизона[57].

В 2021 г. житель г. Усть-Кут, краевед, активно занимающийся изучением истории Иркутской области, Ю.И. Чивтаев издал объемную работу о развитии соледобычи в Усть-Куте, где коснулся истории проникновения енисейских служилых людей в бассейн Илима и их выхода на Лену[58].

Подводя итог истории изучения Енисейска и Енисейского уезда начиная с XVIII в. до наших дней, отметим, что отечественными исследователями в целом был обобщен значительный материал по истории освоения русскими Северо-Азиатского региона, включая такую важнейшую ее страницу, как формирование обширного Енисейского уезда и деятельность местного гарнизона. Проч-

---

[55] Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды): дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2016.
[56] Барахович П.Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. Красноярск, 2019.
[57] Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века: биобиблиографический словарь / отв. ред. И.П. Каменецкий. М.; СПб., 2020.
[58] Чивтаев Ю.И. Усть-Кутский сользавод (очерки из истории XVII–XX вв.). Иркутск, 2021.

но утвердился тезис о том, что именно служилые люди Енисейского острога сыграли если не определяющую, то значительную роль в процессе присоединения к Русскому государству Восточной Сибири и Забайкалья. Тем не менее, такие проблемы, как образование и развитие самого города в течение XVII столетия, формирование территории уезда в первые десятилетия его существования, складывание на ней системы сбора ясака, проявление различий в ее механизме в разных районах уезда, все еще остаются недостаточно изученными. Практически ничего не известно о командном составе енисейского гарнизона, о людях, которые возглавляли большинство экспедиций в новые «землицы» и с именами которых связано основание многих населенных пунктов Восточной Сибири, возникших в первой половине XVII в. Без внимания исследователей осталось множество событий, которые были значимыми для самого Енисейска и Енисейского уезда и повлияли на их дальнейшее развитие.

Объектом исследования является Енисейский уезд – территориально-административная единица Русского государства.

Предмет исследования – процесс формирования территории Енисейского уезда, начиная от передачи ему ряда волостей Кетского уезда, с уже сложившимся механизмом ясачного сбора, до присоединения к его первоначальной территории новых районов, лежащих на восток от Енисея и создание в них системы сбора ясака с местного тунгусского населения.

Территориальные рамки исследования охватывают Енисейский уезд в границах конца 1630-х гг. до времени передачи его восточных территорий (бассейн р. Илим и часть бассейна р. Лена) вновь образованному Якутскому уезду.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1610-х гг. до конца 1630-х гг. Нижняя временная граница исследования обусловлена временем выхода к Енисею служилых людей Кетского уезда и последовавшем в 1618 г. решением правительства о создании там новой военно-административной единицы и появлением документальных источников соответствующего содержания. Верхний хронологический предел работы определя-

ется временем передачи восточной части территории Енисейского уезда Якутскому уезду.

Цель исследования – выявить причины и условия формирования территории Енисейского уезда и создания на ней различных механизмов ясачного сбора.

Исходя из поставленной цели были определены следующие **задачи исследования**:

1) проанализировать историографию и документальные источники, уделяя особое внимание сведениям о причинах продвижения енисейских служилых людей на восток и о формировании механизма ясачного сбора во вновь присоединенных к Енисейскому уезду «землицах»;

2) определить первоначальные цели правительства и тобольской воеводской администрации при создании Енисейского уезда;

3) определить причины, условия, особенности и этапы формирования территории Енисейского уезда;

4) охарактеризовать процесс формирования и особенности механизма ясачного сбора на присоединенной к Енисейскому уезду территории;

5) раскрыть связь расширения территории Енисейского уезда с ростом численности гарнизона Енисейского острога;

6) обобщить и систематизировать полученные результаты в целостную картину истории формирования территории Енисейского уезда.

Методологическая база исследования. Методологической опорой при проведении настоящего исследования послужила *теория фронтира*[59], поскольку в течение рассматриваемого периода освоение русскими людьми среднего течения Енисея, Приангарья и части бассейна Лены проходило в условиях не-

[59] Иванова Л.М. Сибирский фронтир: изучение вопроса в отечественной исторической науке // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 72–76; Крупенкин Е.Н. Концепция фронтира в современной отечественной литературе: эвристические возможности и пределы применения // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 1. С. 87–92.

прерывного взаимодействия с аборигенным населением Сибири: вооруженных конфликтов, экономических и бытовых контактов.

Фактический материал рассматривался с учетом *принципа историзма,* что позволило изучать процесс формирования территории Енисейского уезда и создание на ней механизма сбора ясака как явления, соответствовавшего конкретно-исторической ситуации, со времени образования уезда до завершения его существования в рассматриваемых территориальных и хронологических рамках. Также в качестве базового общенаучного принципа в работе был использован *системный подход*, в соответствии с которым объект исследования, Енисейский уезд, рассматривается в качестве административной единицы, обладающей органом и механизмом управления, имеющей контингент служилых людей, материальные ресурсы и прочее, что позволило дать целостную оценку процессу расширения его территории и формированию системы ясачного сбора. Этот процесс, с учетом *феноменологического подхода*, целесообразно рассматривать как совокупность проявления индивидуального и коллективного сознания, составлявших повседневный жизненный мир человека XVII столетия, где интерпретировались значения и смыслы социальных действий и взаимодействий.

При работе использовались и другие методы исторического исследования. При изучении источников применялись *историко-критический и историко-типологический методы* с целью получения достоверной информации, необходимой для проведения исследования, и ее систематизации.

Метод анализа и синтеза, в совокупности со *сравнительно-историческим и конкретно-проблемным методами,* позволил определить этапы формирования территории Енисейского уезда, выявить особенности этого процесса на каждом этапе, определить специфику складывающихся взаимоотношений служилых людей и аборигенного населения, выявить общее и особенное на каждой территории и на каждом хронологическом этапе. *Логический метод* помог дать характеристику процесса продвижения отрядов служилых людей в новые «землицы». А *Проблемно-хронологический метод* исторического позна-

ния был использован при формировании структуры исследования, при определении общего построения диссертационной работы.

Источниковой базой исследования являются документальные источники по истории Сибири XVII в., хранящиеся в трех центральных и одном региональном архивах. Это документы из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА): Портфелей Миллера (ф. 199), Сибирского приказа (ф. 214), Енисейской приказной избы (ф. 838); Санкт-Петербургского филиала архива Российской Академии наук (СПбф АРАН): Фонда Г.Ф. Миллера (ф. 21); Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской Академии наук (СПбф ИРИ РАН): Фонда Якутской приказной избы (ф. 160); Тихомировского собрания рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской Академии наук (ГПНТБ СО РАН, Тих. Дп. XXVI 8.).

Значительная часть источников впервые вводится в научный оборот. Ряд документов ранее использовался историками, некоторые из них были опубликованы в различных изданиях XIX–XX вв.: «Русская историческая библиотека», «Акты исторические», «Дополнения к актам историческим», «Акты архива Якутской области», «Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.», «Город у Красного Яра», «Первое столетие Иркутска», «Сборник документов по истории Бурятии. XVII в.», «Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII века». Особо следует выделить выполненную на высоком уровне публикацию некоторых делопроизводственных документов по ранней истории Енисейска в приложении к изданию «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера[60]. Эти документы были скопированы и вывезены Г.Ф. Миллером из архивов сибирских городов, в том числе из Енисейска, во время пребывания там возглавляемого им академического отряда и в настоящее время хранятся в РГАДА (Ф. 199) и СПбф АРАН (Ф. 21). Работая в центральных архивах, мы имели возможность сравнить опубликованные и исходные тексты относящихся к теме исследования источников. Сопоставление, в частности, показало, что один из

[60] Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. М., 1999–2005. Т. I–III.

документов, вошедший в третий том «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, был опубликован не полностью («Отписка сына боярского П. Бекетова с устья Олекмы»). Приводящиеся в нем сведения использованы в третьей главе диссертации при характеристике тунгусских ясачных волостей Илима, Верхней и Средней Лены. Текст документа помещен в Приложении к настоящему исследованию. Кроме того, при сопоставлении некоторых, давно закрепившихся в научной литературе фактов с текстами архивных источников, обнаружился ряд несоответствий, о чем будет сказано в сносках.

Использованные в исследовании документальные источники, основываясь на их происхождении, форме, структуре и бюрократической направленности, можно сгруппировать следующим образом[61].

1. Законодательные нормативно-правовые акты. *Указы и грамоты* – документы, определявшие отношения центральных органов управления (царя Михаила Федоровича, Боярской Думы и приказов) с нижестоящими должностными лицами (воеводами). Указы носили именной характер и представляли собой законодательные акты высшего порядка, ориентированные на всю территорию Русского государства или на сибирские уезды. Грамоты, составлявшиеся обычно в приказах со ссылкой на решение государя, носили более конкретный и частный характер и были адресованы, как правило, отдельным воеводам.

Содержание приходивших в сибирские города указов и грамот позволяет проследить основные тенденции, проявлявшиеся в политике московского правительства в отношении сибирской «украины», степень понимания проблем ее населения и представления об их решении. Среди них присутствуют рекомендации (или требования) к воеводской администрации в отношении механизма вовлечения аборигенного населения в ясачный платеж, предписания в отноше-

[61] Л.Н. Пушкарев, занимаясь систематизацией и классификацией письменных источников отметил, что цель систематизации – «создание такой системы группировки материала, которая наилучшим способом отвечала бы конкретным целям и задачам историка, которая полнее раскрывала бы содержание изучаемых источников, давала бы ответ на те вопросы, которые ставит исследуемая тема». См.: Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. С. 233.

нии взаимодействия воевод с русским населением сибирских уездов, требования к воеводам по решению проблем пополнения бюджета уезда и т. п.

Отдельно, на наш взгляд, следует отметить *резолюции на отписках и челобитных*. Они присутствуют под текстами воеводских отписок и челобитных просительного характера, но начинаются со слов «государь слушал и указал», что позволяет эти короткие, но весьма ёмкие по своей сути тексты (предложения) рассматривать как своеобразную предтечу царским указам. В последующем, исходя из содержания этих отписок и челобитных, на их основе в приказах составлялись тексты государевых указов.

2. Делопроизводственная документация. Охватывает множество видов документальных источников XVII в. К ней относятся документы распорядительного и предписывающего характера центральных и местных органов власти, документация отчетно-информационного характера, документация частно-заявительного характера, текущая канцелярская делопроизводственная документация отчетно-учетного (финансового) характера.

Наказы – документы распорядительно-предписывающего характера, подготавливавшиеся в органах центрального управления (в приказах) назначаемым в сибирские города воеводам, представляли собой, говоря современным языком, подробную должностную инструкцию. Наказ – документ довольно пространный, причем можно отметить тенденцию увеличения его объема на протяжении всего XVII столетия, что можно расценивать как усиление регламентации деятельности местной администрации со стороны центральных органов власти, являвшимся, в свою очередь, показателем усиления абсолютистской тенденции.

По своему содержанию наказы напоминают указы и грамоты, но в них содержатся требования к воеводам, основанные не только на извлечениях из ранее отправленных в Сибирь указах, но и на сведениях, полученных из конкретного уездного центра (Енисейского острога) в предшествующие годы. В итоге, содержание наказа аккумулировало ранее поступившие в приказ сведения о существовавших в данном административном центре проблем и подробно

регламентировало действия вновь назначенного воеводы по недопущению подобных ситуаций впредь.

Памяти – документы предписывающего или информационного характера, имевшие хождение между центральными учреждениями (приказами) и (или) должностными лицами (воеводами), то есть между учреждениями или должностными лицами одного бюрократического уровня. По своему содержанию память является документом частного, часто – сиюминутного характера. Но она может представлять интерес при рассмотрении конкретной ситуации, возникшей в тот или иной момент времени и ее содержание демонстрирует действие должностного лица (воеводы) по решению возникшей проблемы. Иногда в научной литературе, например у Г.Ф. Миллера, встречаются указания на получение памяти приказчиком от воеводы. Но по ситуации и по содержанию этого документа, очевидно, что речь идет о наказной памяти.

Наказные памяти – как правило, представляли собой письменное предписание последней инстанции, составлялись в воеводских канцеляриях (приказных избах) для вновь назначенных приказчиков, предводителей вооруженных отрядов и дипломатических миссий из числа представителей командного состава служилых людей. Содержание наказных памятей позволяет проследить тенденции в политике центральной власти в отношении сибирских реалий. Именно в наказных памятях предводители отрядов служилых людей получали письменные установки о своих действиях на новых территориях, о способах решения тех или иных проблем (существующих или возможных).

Отписки. Можно выделить три уровня отписок. Во-первых, это переписка воевод, как разрядных, так и уездных, с центральными органами власти. Во-вторых, переписка воевод всех рангов друг с другом, которая могла содержать и информацию рекомендательно-предупредительного характера. В-третьих, переписка должностных лиц низшего звена (адресатов наказных памятей) с воеводами.

Именно в отписках сосредоточена значительная часть сведений о действиях отрядов служилых людей, о результатах выполнения предписаний, по-

лученных их предводителями в наказных памятях, о возникших проблемах в новых «землицах» и их решении. За время своего похода предводители таких отрядов могли неоднократно отравлять такие отписки своим воеводам. Полученные в уездном центре сведения объединялись и в сокращенном виде отправлялись тобольским воеводам или непосредственно в Москву. Нередко в отписках встречается изложение жалоб, просьб аборигенного населения, ранее изложенных в челобитных, которые не сохранились до настоящего времени.

Существнная часть *текущей канцелярской делопроизводственной документацией отчетно-учетного характера – книги (списки)* – содержит статистчиеские данные. Отсутствие строгого единообразия в делопроизводстве воеводских приказных изб и канцелярий не позволило сформировать единый принцип ведения этой документации на протяжении всего XVII века. Тем не менее, книги можно сгруппировать по принципу поступления и расхода денежных средств и различных материальных ценностей. По этой причине некоторые виды книг, исходя из их содержания, можно рассматривать и как статистические материалы.

Приходно-расходные книги (сметно-пометные списки) фиксировали поступления и расходы уездного бюджета. Особый интерес представляют статьи расхода, направленные на приобретение подарков для «иноземцев», на покупку у них пушнины и на угощение среди них представителей социальной верхушки – «князцов» и «лучших людей». В расходной части книг встречаются и сведения о задолженности государства перед служилыми людьми – суммы не выплаченного жалованья за разные годы. Эти сведения могут рассматриваться и как сведения статистического характера.

Окладные ясачные книги и книги ясачного сбора. Первые фиксировали размер ясака, сбор которого планировался с населения окладных волостей, вторые – реальное поступление пушнины по годам (в том числе и с неокладных волостей) и размер ясачной задолженности, тоже по годам. Кроме того, эти книги содержат сведения о численности населения окладных волостей, об ее изменении и причинах изменения. В качестве дополнительной информации не-

которые книги ясачного сбора содержат сведения о сроках проведенного сбора ясака с указанием имен предводителей отрядов ясачных сборщиков. Эти сведения, как и у предыдущего вида источника, могут рассматриваться как сведения статистического характера.

Окладные и раздаточные книги различных видов государева жалованья дают сведения о численности гарнизона (штатном расписании), о размере государева жалованья, получаемого различными категориями служилых людей, их командного состава, о подвижности состава, в том числе – о потерях среди служилых людей, о полноте и своевременности выдачи государева жалованья. Содержание окладных книг позволяет отслеживать перемещение служилых людей из гарнизона в гарнизон.

Роспись рассылок служилых людей часто присутствует в книгах Сибирского приказа вслед за приходно-расходными книгами. В этом документе финансового характера указывается, куда были посланы служилые люди, и какие суммы им при этом были выделены из уездного бюджета для проезда («прогонные») и на пропитание («проезжие»).

«Роспись землям, в которые посланы Енисейского острогу служилые люди и поскольку человек, в которую землицу послано» – документ, встречающийся весьма редко. Его содержание позволяет понять, какие «землицы» уже рассматривались воеводской администрацией как ясачные в конкретный год. Составлялись подобные «росписи» в приказных избах (воеводских канцеляриях), очень вероятно, что по указанию из Москвы. Эти росписи дают сведения о количестве служилых людей, посланных в определенном направлении, последовательности сбора ясака с этих «землиц» и о численности ясачного населения.

К этой же группе документов следует отнести *«расспросные речи»*, которые составлялись в воеводских приказных избах со слов участников определенных событий (походов, вооруженных столкновений, разведывательных действий и т. п.). Чаще всего содержание этих «расспросных речей» излагалось в отписках воевод и являлось аргументацией запроса на определенные действия.

Челобитные. По своему содержанию челобитные являются документацией предельно субъективного свойства и требуют внимательного, критического подхода. По авторству челобитные можно разделить на индивидуальные и коллективные, написанные от имени группы лиц (иногда – десятков и даже сотен человек). В качестве коллективного автора челобитной могли выступать не только представителей различных сословных групп, но и представители различных сибирских этносов.

Челобитные енисейских служилых людей дают сведения не только об их желании получить какое-либо поощрение за свою службу или невыплаченное государево жалованье, но и сведения о самих службах (где, когда, в каких условиях, с кем совершался поход, в каких «драках» с местным населением участвовал челобитчик, какие раны получил и т. п.). Из челобитных почерпнуты сведения о появлении вакансий в командном составе, о численности гарнизона и т. д.

«Скаски» служилых людей» составлялись в приказных избах (воеводских канцеляриях) со слов служилых людей, вернувшихся из длительных походов, и носят субъективный характер. Сведения, полученные таким путем, неоднократно перепроверялись путем опроса других людей, побывавших в тех же местах, причем не только в своем уездном центре, но и в Тобольске. и в Москве (в приказе). Высокая степень субъективности «сказок» приближает их к нарративным источникам, но механизм появления этих источников, составленных при активном участии представителей администрации, и последующего использования, на наш взгляд, все же требует относить их к делопроизводственной документации.

3. ***Актовые источники.*** К разряду актовых источников, встречающихся в документации XVII в. по Енисейску и Енисейскому уезду, можно отнести сравнительно немногочисленные (обнаруженные к настоящему времени) поручные записи, кабальные записи и купчие.

Поручные записи характеризуют систему отношений между государством и служилыми людьми, указывают на происхождение некоторой части вновь по-

верстанных служилых людей, дают возможность объяснить их некоторые действия (в том числе – в отношении аборигенного населения и некоторых категорий русского населения), основанные на круговой поруке.

Кабальные записи и купчие демонстрируют уровень развития социальных отношений в среде сибиряков, их имущественную дифференциацию.

Таким образом, все эти группы документальных источников XVII в. позволяют восстановить хронологию событий и проследить историю формирования территории Енисейского уезда и становления механизма ясачного сбора.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной историографии специально изучена история образования Енисейского уезда как территориально-административной единицы. При этом:

– отмечена особенность образования Енисейского уезда, состоящая в том, что его первоначальная территория была сформирована до основания уездного центра, тогда как ранее в Сибири сначала создавался административный центр, в последующем «обраставший» территорией;

– рассмотрен процесс поэтапного формирования территории Енисейского уезда в хронологических рамках 1610–1630 гг.;

– восстановлена цепь событий, позволяющая рассматривать историю Енисейского уезда как самостоятельный этап в истории Сибири XVII в.;

– выявлена специфика действий отрядов служилых людей, направляемых из Енисейского острога для сбора ясака и поиска «новых землиц»;

– показаны пути создания оптимальных для отдельных территорий уезда механизмов ясачного сбора, определявшихся конкретными ситуациями, связанными с расселением и этнополитической активностью тунгусского населения;

– введены в научный оборот новые архивные материалы, отражающие процесс реализации государственной политики на восточных окраинах Русского государства.

Положения, выносимые на защиту.

1. Решение о создании новой территориально-административной единицы на восточной окраине русских владений в Сибири было связано с планами на дальнейшее продвижение русских служилых людей и необходимостью прочного закрепления Левобережья Среднего Енисея за Русским государством.

2. Возникшие на енисейском левобережье конфликты и столкновения между отрядами служилых людей разных гарнизонов за право сбора ясака прекратились вскоре после образования Енисейского уезда и разграничения территории между Енисейским и Мангазейским уездами.

3. Образование новой территориально-административной единицы – Енисейского уезда – произошло раньше, чем был основан ее военно-административный центр – Енисейский острог, что в истории присоединения к Русскому государству новых территорий является уникальным.

4. Введение воеводского управления и создание собственного гарнизона позволили енисейской администрации ускорить процесс присоединения к Енисейскому уезду правобережья Енисея, в том числе – Нижнего и Среднего Приангарья.

5. Увеличение численности енисейского гарнизона и личные качества представителей его командного состава, их воинский и организационный опыт, позволили отрядам служилых людей в короткий срок найти пути продвижения в бассейн Лены и, используя стратегическое положение Илимского волока, присоединить к Енисейскому уезду территории Верхней и значительной части Средней Лены.

6. Формирование системы ясачного сбора на территории Енисейского уезда происходило с учетом существовавших взаимоотношений между родовыми группами тунгусов и их родовой организацией.

7. В разных частях территории Енисейского уезда формировался разный механизм сбора ясака с местного аборигенного населения. С кетского населения Левобережья ясак собирался путем обхода волостей служилыми людьми. В Приангарье ясак взимался в Рыбинском и Братском острожках, где

содержались аманаты. На территории, отошедшей после 1640 г. к Якутскому уезду, организация сбора ясака осуществлялась из Илимского и из Олекминского острогов.

8. Накапливавшийся практический опыт взаимодействия служилых людей с аборигенным (тунгусским) населением диктовал необходимость использования различных подходов во взаимодействиях с разными родовыми группами – от силового воздействия до задабривания родовой верхушки при помощи подарков – «государева жалованья».

Теоретическая и практическая значимость работы. Исследование позволило составить последовательную хронологию событий, происходивших на территории Енисейского уезда в период 1610–1630-е гг., определить их характер и особенность.

Выявленные на определенных этапах формирования территории уезда особенности процесса присоединения отдельных «землиц» к Русскому государству представляли собой тенденции, получившие развитие на других территориях Восточной Сибири, а приобретенный енисейскими служилыми людьми практический опыт активно использовался ими в дальнейшем на обширных пространствах, что привело к стремительному присоединению всей Северной Азии.

Материалы и выводы исследования могут быть использованы в трудах по истории Сибири и России, при создании обобщающих работ, разработке курсов лекций и учебных пособий по темам образования Русского многонационального государства, колонизационной политики в Сибири в XVII в., развития межнациональных отношений.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации отражены в 44 научных публикациях (общий объем – 71,75 п. л., в том числе лично автора – 54,75 п. л.), включая 8 статей в рецензируемых журналах, входящих в Перечень ВАК при Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук (общий объем – 4,4 п. л., в том числе лично автора – 4,4 п.

л.), включая две авторские монографии объемом 7,5 и 20,25 п. л. и подготовленное в соавторстве документальное издание со вступительной статьей (19,2 п. л., авторский вклад – 2,2 п. л., в том числе во вступительной статье – 0,2 п. л.).

Материалы диссертации использовались автором для подготовки лекционного курса по истории Сибири для студентов-историков, в семинарских занятиях по истории России и основам российской государственности для студентов неисторических специальностей.

Основные положения диссертации были изложены в докладах автора на 11 международных, 22 всероссийских и 7 региональных научных конференциях в 1988–2025 гг. в гг. Абакан, Барнаул, Владивосток, Екатеринбург, Енисейск, Красноярск, Москва, Новосибирск, Омск, Санкт-Петербург, Сургут, Тобольск, Томск, Тюмень, Якутск. Материалы диссертации использовались автором для подготовки лекционного курса по истории Сибири для студентов-историков.

Структура работы определена поставленными задачами и состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

ГЛАВА 1. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XVII В.

Проблема, механизм и сам процесс присоединения левобережья Среднего Енисея к Русскому государству в научной литературе описаны достаточно поверхностно. Пожалуй, более или менее систематизированные описания истории выхода русских служилых людей к Енисею впервые десятилетия XVII в., основания Енисейского острога и образования Енисейского уезда имеются только у Г.Ф. Миллера и И.Э. Фишера. В трудах историков последующего времени эти события изложены весьма кратко, в основном как некий малозначительный фрагмент сибирской истории, предшествующий событиям, связанным с присоединением других территорий Восточной Сибири.

В настоящей главе активно используются ранее известные факты, но вводится в научный оборот и не использовавшийся прежде архивный материал. Целью ставится подробно изложить ход событий по присоединению Левобережья Среднего Енисея к Русскому государству от появления на этой территории первых отрядов ясачных сборщиков, отправлявшихся из Кетского острога, до основания Енисейского острога и образования Енисейского уезда. Анализ событий позволит понять, какая роль отводилась тобольской администрацией закреплению территории Левобережья Среднего Енисея за Русским государством и какие при этом строились планы на ближайшее будущее в ходе присоединения сравнительно слабозаселенных районов таежной Сибири.

Необходимой составляющей параграфов настоящей главы является анализ фактического материала и выявление причинно-следственных связей, которые позволят понять замысел и логику действий тобольских воевод и других должностных лиц административного аппарата Сибири. Изложенный в главе материал позволит понять причины и механизм дальнейшего продвижения рус-

ских людей на восток и присоединения к Русскому государству в последующем Правобережья Среднего Енисея и Нижнего и Среднего Приангарья.

1.1. Причины присоединения Левобережья Среднего Енисея к Русскому государству

Проникновение русских людей в бассейн Енисея началось задолго до его включения в состав Русского государства. Известно, что еще до основания в 1601 г. Мангазеи проживавшие по берегам Белого моря поморы, занимавшиеся пушным промыслом и торговлей мехами, были хорошо знакомы с районами рек Таз, Турухан и низовьями Енисея[62]. Во всяком случае, в 1616–1617 гг. торговые и промышленные люди, вернувшиеся с промыслов в Мангазею, единогласно утверждали, что они ходят в этот район достаточно давно: «для промыслов своих лет по двадцати и по тридцати и больше». Это же подтверждали и аборигены – «мангазейская и енисейская самоядь»[63].

Мангазея была основана в 1601 г. посланным годом ранее на реку Таз отрядом тобольских и березовских служилых людей в количестве 100 человек во главе с князем Мироном Шаховским и Данилой Хрипуновым, ставшими первыми мангазейскими воеводами[64]. Причиной же основания Мангазеи была необходимость установления государственного контроля над потоком пушнины из низовьев Енисея на русский Север, откуда она уже несколько десятиле-

---

[62] Александров В.А. Начало хозяйственного освоения и присоединения к России северной части Енисейского края // Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1962. Вып. 1. Сибирь XVII–XVIII вв. С. 7; Его же. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 13, 297.

[63] Русская историческая библиотека (РИБ). СПб., 1875. Т. 2. № 254. Х. Стб. 1083.

[64] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 302–303, 386, 387–396. №№ 43, 45; В.А. Александров, соглашаясь с П.Н. Буцинским, определяет количество участвовавших в экспедиции казаков в 150 человек. См.: Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601 г. – 1645 г.) // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 17–18; Александров В.А. Русское население Сибири... С. 17.

тий уходила в Западную Европу через Архангельск [65]. Кроме того, существовала реальная опасность захвата севера Сибири англичанами или голландцами, активно искавшими с XVI в. пути в Китай через северные моря и имевшими возможность, учитывая их опыт колонизации отдаленных территорий и ситуацию Смутного времени, превратить сибирские земли в свои колонии. В 1914 г. историк И.И. Любименко обнаружила в британских архивах документы, из которых следует, что в 1612 году Англия планировала захват земель и установление своего протектората на Русском Севере, в Мангазее и на сопредельных территориях[66]. Позднее, в 1940 г., об этих планах английского правительства писал В.С. Виргинский[67].

К началу XVII в. район пушных промыслов русских промышленников охватывал нижнее течение Енисея и значительную часть бассейнов Нижней и Подкаменной Тунгусок. Поэтому можно смело предполагать, что тогда же, в первом десятилетии XVII в., отдельные группы промышленных людей проникали и дальше на юг, к устью Ангары. Основанием для такого предположения является грамота царя Бориса Годунова сургутскому воеводе князю Якову Петровичу Барятинскому, датированная 18 сентября 1601 г., о посылке пятидесяти человек сургутских служилых людей на Енисей ставить острог[68].

К сожалению, каких-либо сведений, подтверждающих или опровергающих факт строительства этого острога, у нас не имеется. Но речь в упомянутой

---

[65] Белов М.И. Путь через Ледовитый океан: Очерки из истории открытия и освоения Северного морского пути. М, 1963; Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Л., 1980 Ч. 1: Мангазейский морской ход; М., 1981. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв.; Головнёв А.В. Европейские мореходы на Русском Севере: путешествия и геополитика XVI–XVII веков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 11–21.

[66] Любименко И.И. Английский проект 1612 г. о подчинении русского севера протекторату короля Иакова I // Научный исторический журнал. СПб., 1914. № 5. С. 1–16.

[67] Виргинский В.С. Проект превращения северо-восточной России в английскую колонию в XVII веке // Исторический журнал. М., 1940. № 11. С. 89–95.

[68] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 111–112. Основываясь на содержании этой грамоты, В.А. Александров не сомневается в существовании «государева» острога на Енисее в начале XVII в., подтверждая свой вывод документом 1617 г. о сборе сведений о путях на Енисей и Верхнюю Тунгуску, опубликованном в Т. II «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера. См.: Александров В.А. Русское население Сибири… С. 34; Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. II. С. 280. № 127.

грамоте могла идти о посылке сургутского отряда «на Енисее острогу ставить»[69] именно на Средний Енисей, поскольку в конце весны того же 1601 г. был подготовлен наказ новым мангазейским воеводам князю Василию Мосальскому и Савлуку Пушкину, в подчинение которых также поступал отряд служилых людей из Сургута численностью в 30 человек[70]. В наказе В. Мосальскому и С. Пушкину, где речь идет о смене прежних воевод князя М. Шаховского и Д. Хрипунова «в Мангазейском и Енисейском остроге», одновременно говорится и о строительстве нового острожка в Мангазее и Енисее, если им удастся «розыскать места лутчево»[71].

Таким же образом и распоряжение сургутскому воеводе 1601 г. о строительстве острога на Енисее вполне вписывается в проводимую в то время правительством политику в отдаленной «государевой вотчине». Тем не менее, факт остается фактом: о существовании «государева острога» на Енисее в начале XVII в. сохранившиеся до настоящего времени немногочисленные источники молчат. Хотя не исключено, что какое-то зимовье или острожек на Енисее в самом начале столетия все же было построено промышленными людьми – отдаленность от Сургута не давала возможность идущим в этот район на соболиный промысел русским людям вернуться обратно в течение одного сезона и необходимость строительства какого-либо пусть не всегда обитаемого, но укрепленного пункта существовала.

Но возможно, что вместо острога на Енисее тогда и был построен острог в верхнем течении р. Кеть, на территории, впоследствии вошедшей в состав Енисейского уезда. Но произойти это могло уже не ранее 1602 г., поскольку датированная 18 сентября 1601 г. грамота Бориса Годунова могла поступить в Сургут не ранее середины – конца зимы 1601/1602 г., а отправлялись отряды служилых людей в «новые землицы» на судах по полой воде только в конце весны. Следовательно, временем основания нового острожка на Кети могло

---

[69] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 111.
[70] Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. I. С. 387–396. № 45.
[71] Там же. С. 389, 393–394.

быть лето 1602 г., что совпадает с мнением П.Н. Буцинского и Б.О. Долгих[72]. При этом и выбор места под строительство нового острога – не на Енисее, а на Кети – и его перенос вниз по течению реки через несколько лет логично связываются с опасением нападения со стороны тунгусов.

Что касается Кетского уезда, воеводы которого до появления Енисейского острога распространяли свое влияние на Левобережье Среднего Енисея от р. Сым до устья Ангары, то он был образован, вероятно, только в первые годы XVII в. или даже на рубеже XVI – XVII вв. Но в исторической литературе принято считать временем основания Кетского острога 1605 г. Например, такой точки зрения придерживался В.А. Александров[73]. Правда еще Г.Ф. Миллер сетовал на то, что год строительства этого острога ему не удалось установить, так как хранившиеся в Сургуте дела давно сгорели, а кетский архив начинается с того времени, как туда стали отправлять собственных воевод[74]: первый известный документ из Кетского острога – отписка воеводы Постника Бельского, датируется не ранее 27 сентября 1604 г.[75]

Однако П.Н. Буцинский считал, что Кетский острог был построен не позднее 1602 г., обосновывая свое предположение усмирением в том году бунта нарымских остяков служилыми людьми: «…Так как из Нарыма невозможно было держать в повиновении верхние кетские волости, из которых некоторые находились от Нарымского острога в расстоянии на две и на три недели пути, плывя вверх по Кети»[76]. При этом историк считал, что первый Кетский острог располагался в отошедшей позднее к Енисейскому острогу Пумпокольской волости[77], а на новое место был перенесен между 1606 и 1610 гг. из-за трудности доставки в острог хлебных запасов по причине мелководности р. Кеть[78].

---

[72] Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 106; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. С. 91.
[73] Александров В.А. Русское население Сибири... С. 34.
[74] Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. I. С. 295.
[75] Там же. С. 403–404. № 56.
[76] Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. С. 106.
[77] Там же. См. так же: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 11. Л. 172.
[78] Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. С. 107.

Б.О. Долгих соглашается с П.Н. Буцинским и относительно года, и относительно места основания первого Кетского острога[79]. По мнению же Г.Ф. Миллера, первый Кетский острог вообще был построен на 215 верст выше места строительства второго острога, позднее перенесенного на новое, более удобное и безопасное место[80].

На наш взгляд, следует согласиться с мнением П.Н. Буцинского, и поддержавшим его Б.О. Долгих, так как, согласно приведенной выше отписки кетского воеводы П. Бельского, уже в 1604 г., сразу после строительства Томского города и образования его уезда, возник спор за ясачные территории между кетской и томской администрациями, т. е. Кетский уезд со своей территорией был образован ранее Томска, до 1604 г.[81] Но до 1598 г. Кетского острога еще не было – об этом свидетельствует тот факт, что в ситуации подготовки восстания против русской администрации, проживавшие по Кети остяки названы «нарымскими», а не «кетскими»[82]. Следовательно, Кетский острог не мог быть построен ранее 1598 г., но к 1604 г. уже не только существовал, что подтверждается письменными документальными источниками, но и имел подведомственные ему ясачные территории. Кроме того, важным является вышеприведенное замечание Миллера о том, что кетский архив стал формироваться только после того как в Кетский острог стали отправлять воевод. Т. е. как административный центр он начал функционировать до учреждения в нем воеводского управления. Забегая вперед, отметим, что с Енисейским острогом была подобная же ситуация: в построенный в 1619 г. уездный центр воевод стали отправлять только с 1622 г.[83] Поэтому есть все основания согласиться с версией П.Н. Буцинского о возникновении Кетского острога не позднее 1602 г., в хронологических рамках 1598–1602 гг.

---

[79] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 91.
[80] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 297.
[81] Там же. С. 403–404. № 56.
[82] Там же. С. 296, 449. № 102.
[83] Первый енисейский воевода Я.И. Хрипунов прибыл в острог 1 апреля 1623 г. (См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 350). Соответственно, решение о его назначении должно было быть принято не позднее конца 1622 г.

Для нашего исследования год основания первого Кетского острога не является принципиальным. Более важным обстоятельством следует считать причину его переноса на новое место. На наш взгляд, предполагаемое П.Н. Буцинским мелководье р. Кеть не могло являться причиной переноса Кетского острога: во-первых, река эта отнюдь не является мелководной – согласно имеющимся источникам, с 1618 г. в течение всего XVII в. и в последующее время, суда с хлебными и другими запасами без проблемы поднимались вверх по Кети до Маковского острожка; во-вторых, Маковский острожек был построен выше предполагаемого места строительства первого Кетского острога в 1,5–2 неделях пути (7–8 недель от Нарыма[84]), где р. Кеть гораздо мелководнее, чем на территории Кетского уезда, но, тем не менее, до этого участка реки могли подниматься суда с грузом до 1500–2000 пудов[85]. Надо полагать, что возможность судоходства и явилась одной из причин строительства в этом месте Маковского острожка, ставшего началом волока к Енисею.

Более серьезной проблемой, связанной, по нашему мнению, с р. Кеть, являлись песчаники, по которым протекает эта река, часто меняющая свое русло: во время весеннего половодья берега сильно подмываются, что приводит к их обрушению. С этим кетская администрация сталкивалась и в последующие годы, о чем свидетельствует отписка кетского воеводы Григория Елизарова «Московского государства боярам» князю Дмитрию Трубецкому и Ивану Заруцкому в 1612 г.: после половодья 1611 г. берег «подошел к острогу на полторы сажени», а в 1612 г. берег подмыло уже под самый острог – «по ворота по самые», в результате чего воевода вынужден был распорядиться перенести острожные ворота на другую сторону и обратиться в Москву об издании указа о переносе острога на новое место.[86]

---

[84] Спасский Г.Н. Список с чертежа Сибирской земли, заимствованный из рукописного сборника XVII века и объясненный примечаниями. М., 1849. С. 4.
[85] Латкин Н. Кеть // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1895. Т. XV. С. 33–34.
[86] Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. I. С. 431–432. № 83.

Но одно дело перенести острог подальше от берега, другое – на несколько десятков верст по течению реки. Здесь уже следует искать иные причины смены места пребывания сургутских годовальщиков на р. Кеть. Поэтому более обоснованной причиной переноса Кетского острога на новое место, поближе к другим русским укрепленным пунктам, Нарыму и Сургуту, может рассматриваться версия возникновения угрозы Кетскому острогу со стороны тунгусов – нового противника на восточных рубежах русских владений в Сибири. Противника весьма агрессивного и пока еще недостаточно знакомого. Не случайно в отписках другого кетского воеводы Григория Елизарова, датируемых не ранее 9 июля 1611 г. высказываются опасения возникновения «тунгусские войны» и «измены» «кецких дальних волостей», которые под влиянием тунгусов «отложатца и государева ясаку давать не учнут»[87].

С основанием Кетского острога необходимость в существовании какого-либо укрепленного пункта на Енисее в тот момент времени отпала, так как в результате этого граница Русского государства резко продвинулась на восток, почти к самому Енисею. Кроме того, строительство Кетского острога дало возможность кетским воеводам проявлять активность в приведении «под высокую государеву руку» «новых землиц», на которые ранее не распространялась власть сибирской администрации. Именно тогда из Кетского острога к берегам Енисея начинают выходить небольшие группы годовальщиков, сургутских служилых людей, что сопровождается образованием ясачных волостей, вошедшие позднее в состав Енисейского уезда. А это, в свою очередь, способствовало проникновению дальше на восток потока промышленных людей, стремившихся идти впереди ясачных сборщиков и «прибирать» пока еще не тронутые пушные богатства Правобережья Енисея и Нижнего Приангарья.

Уже в 1609 г., как свидетельствуют документальные источники, сургутские годовальщики, присылаемые в Кетский острог для увеличения численности служилых людей, побывали в районах, где позднее возникли Маковский и Енисейский остроги. Сложно сказать, насколько регулярно посещалось ими

[87] Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. I. С. 429–431. № 80, 81.

Левобережье Среднего Енисея, но через несколько лет путь до места слияния Ангары и Енисея в Кетском остроге был известен достаточно хорошо. Ясачные сборщики побывали к этому времени даже в Тюлькиной «землице», где через двадцать лет Андрей Дубенский построил Красноярский острог.

В других исторических условиях острог на Енисее (или в низовьях Ангары) мог бы появиться вскоре после строительства Кетского острога, но события «Смутного времени» на некоторое время приостановили дальнейшее расширение Русского государства на восток. По срокам это совпало с активизацией нижнеангарских тунгусов, которые, теснимые, в свою очередь, с юго-востока бурятами, к началу XVII в. уже активно ассимилировали проживавших в низовьях р. Бирюса кетоязычных асанов[88], а в конце первого десятилетия указанного столетия начали совершать регулярные набеги и на кетоязычное население Левобережья Среднего Енисея (енисейских остяков), занимаясь грабежом малочисленных родовых групп, убивая мужчин и захватывая в плен женщин и детей. Не случайно кетский воевода Григорий Елизаров высказывал в 1611 г. опасение возможной войны с тунгусами и прекращение выплаты ясака енисейскими остяками из волостей, не только лежащих по левому берегу Енисея, но и находящихся в верховьях Кети: собирая ясак с енисейских остяков, тунгусы, тем самым, выступали в качестве конкурентов кетских ясачных сборщиков[89].

Отношения же с тунгусами на Левобережье Енисея, как нам удалось установить, выстраивая хронологическую цепь событий, складывались следующим образом. В 1608 г. тунгусский князец Данул «воевал» Кузнецкую волость остяцкого князца Тюметки (южнее окрестностей будущего Енисейского острога), подчиненную в то время Кетскому острогу, и собирался идти с этой целью на р. Кеть[90]. Как сообщил об этом событии в Кетском остроге в 1609 г. другой остяцкий князец Урнук, тунгусы переправились через Енисей на судах

---

[88] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 204–206; Туголуков В.А. Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири. М., 1985. С. 63–64.
[89] Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 9.
[90] РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 477. Ч. I. № 1. Л. 16; Ч. II. № 7. Л. 1–1 об. См. так же об этом: Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. II. С. 244. № 79; РИБ. Т. 2. Стб. 204. № 89; Туголуков В.А. Тунгусы (эвены и эвенки) … С. 47.

осенью, перед самым ледоставом, и внезапно напали на людей Тюметки, ранив при этом двух человек, в том числе и сына князца; остальные ясачные остяки разбежались[91]. Перед самым ледоставом, когда по Енисею уже несет лед («шуга»), остяки никак не могли ожидать нападения тунгусов – слишком опасно в такое время преодолевать Енисей на тунгусских лодках-долбленках, не говоря уже о берестянках.

Нападения тунгусов на кузнецких остяков произошли во время серьезного ухудшения для русской администрации ситуации в Сибири, которая, в свою очередь, также была связана с началом «Смутного времени». В 1609 г. по причине ослабления Русского государства началась «шатость» среди тюменских татар, затем волнение распространилось на кондинских мурз[92]. Сложной оставалась ситуация и в последующие годы: в частности, летом 1612 г. собравшиеся «в скоп» числом до 200 человек остяки и вогулы имели намерение для начала захватить Пелым, объясняя свои действия сложившейся в Русском государстве ситуацией: «Государя на Москве нет, ныне одне в Сибири воеводы, а людей де руских во всех сибирских городех мало»[93].

Однако вряд ли тунгусы имели сведения о ситуации в европейской части России, на «Руси», и в Западной Сибири. Скорее всего, их активизация в эти годы была просто совпадением независимых друг от друга ситуаций. Как бы то ни было, в рассматриваемое время в замыслы тунгусов входило, кроме нападения на ясачных остяков, также перебить русских ясачных сборщиков, которые встретятся им в енисейских остяцких волостях, оставив одного казака и одного переводчика «для вожевания» (т. е. в качестве проводников). Далее тунгусы предполагали идти к Кетскому острогу с целью подчинения себе и кетских

[91] РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 477. Ч. I. № 1. Л. 16.
[92] РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 477. Ч. I. № 1. Л. 17–30 об.
[93] Там же. Л. 28 об. Сведения об этих событиях сохранились и в других источниках, скопированных Г.Ф. Миллером. См.: СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 5. Л. 98 об.–100. № 92; Д.16. Л. 17–19 об. № 8. Позднее документ был опубликован: Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 261–263. № 102, 103.

остяков: «воевать ясачных людей, …чтоб оне государю ясаку не давали, а давали ясак им»[94].

Разумеется, кетский воевода Григорий Федорович Елизаров не мог мириться с подобными действиями тунгусов, попытавшихся выступить в качестве конкурентов государевых служилых людей за сбор ясака с волостей Кетского уезда. В качестве ответной меры против действий тунгусов им был организован поход вверх по Кети. 6 мая 1609 г. Г. Елизаров отправил на тунгусов достаточно большой отряд, в состав которого, кроме находившихся в Кетском остроге стрельцов и казаков, входили промышленники-зыряне, остяки (селькупы) с низовьев Кети и остяки (кеты) князцов Урнука и Намака, чьи волости позднее вошли в состав Енисейского уезда. Численность отряда установить сложно, вряд ли она превышала сто человек, но скорее всего, исходя из небольшой численности находившихся в Кетском остроге служилых людей, участников похода могло быть не больше пяти-шести десятков. В результате этого похода тунгусы были разбиты. Из них несколько раненых попали в плен, но вскоре умерли от ран[95].

Еще одним результатом этого похода стало существенное расширение русских владений по левому берегу Енисея: кетским служилым людям начал платить ясак князец Кобытя, проживавший на территории, получившей позднее название «Тюлькина землица» и тоже позднее вошедшей в состав сначала Енисейского уезда, а несколько позднее – Красноярского. Как писал в Тобольск воевода Елизаров, «новыя ж землицы князец Кобытя, Тулкин сын, убояся войны государевых служилых людей, прислал государю ясаку два сорока соболей к ясашным государевым людям в новую ж землицу в Весловскую волость; а преж сево тот князец Кобыта, Тулкин сын, государю ясаку не давал же»[96]. Весловская волость (по имени князца Веслы) располагалась в верховьях р. Кемь, впадающей в Енисей в нескольких километрах ниже Енисейска. Ее население – небольшая кетоязычная родовая группа, так же в последующем вошедшая в со-

[94] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 48, 247–248. № 83.
[95] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 48, 247–248. № 83.
[96] Там же. С. 247. № 83.

став Енисейского уезда – находилось в родстве с проживавшими в районе будущего Красноярска аринцами. Поэтому и выплата князцом Кобытей ясака при посредничестве весловских остяков не случайна. Как установил Б.О. Долгих, в 1631 г. весловские остяки ушли на территорию Красноярского уезда и образовали отдельную группу аринцев[97].

Однако полученный урок не остановил воинственного Данула. В декабре 1609 г. прибывший в Кетский острог енисейский остяк Кагет сообщил, что этот тунгусский князец все еще сохраняет намерения прошлого года «государевых ясашных остяков воевать»[98].

Летом 1610 г. кетский воевода вновь «посылал войною» служилых людей во главе со стрельцом Иваном Кайдаловым[99]. Результат похода не известен, скорее всего, тунгусов на этот раз наказать не удалось, так как в конце декабря 1610 г. вновь поступило сообщение об осеннем нападении тунгусов на остяков Кузнецкой волости. Прибывший в Кетский острог остяк Кадысской волости (в последующем стала крайней западной волостью Енисейского уезда по р. Кеть) Енея рассказал, что тунгусы, переправившись через Енисей на судах в количестве до ста человек, убили у остяков шесть мужчин и захватили женщин и детей. Оставшиеся кузнецкие остяки вынуждены были спасаться: «побежали в Тюлькину землю»[100].

Через год, 9 июля 1611 г., осмелевшие от осеннего успеха тунгусы, на этот раз в количестве всего лишь пятнадцати человек, вновь переправились на судах через Енисей и напали на касовских остяков (р. Кас – левый приток Енисея; впадает в Енисей между Ангарой и Подкаменной Тунгусской), убив при этом, как и годом ранее в Кузнецкой волости, шесть мужчин[101].

В последующие годы тунгусы не менее активно совершали набеги на левый берег Енисея, держа в постоянном страхе остяков. В 1617 г., по инициативе

---

[97] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 186, 188.
[98] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 252. № 87.
[99] Там же. С. 281–282. № 128.
[100] Там же. С. 256. № 95.
[101] Там же. С. 259. № 99.

тобольского воеводы князя Ивана Семеновича Куракина, против тунгусов даже готовилась экспедиция: после ледохода из Сургута в Кетский острог предполагалось прислать отряд стрельцов в количестве 30 человек, усилить его сургутскими же промышленными людьми и кетскими остяками[102].

Состоялся или нет очередной поход против начавших надоедать русской администрации тунгусов не известно. С большой степенью вероятности можно предположить, что нет. К тому времени стало очевидным, что противостоять воинственным тунгусам и защищать от них ясачные остяцкие волости удобнее не путем периодической организации карательных экспедиций, а прочно обосновавшись в Левобережье Среднего Енисея, тем самым превратив остяцкие волости из приграничных во внутренние. А еще лучше, перспективнее, было начать объясачивание тунгусских «землиц». Надо полагать, именно по этой причине тобольский воевода князь Куракин стал выяснять возможность строительства острога в земле тунгусов – на Верхней Тунгуске (Ангаре)[103].

По нашему мнению, именно необходимость защиты ясачных кетоязычных волостей енисейского левобережья от «немирных иноземцев» – тунгусов – подтолкнула сибирскую администрацию к активизации своих действий на Среднем Енисее: в 1617 г. в Тобольске вернулись к мысли о строительстве нового острога на восточных рубежах «государевой вотчины». Причем на этот раз речь шла о строительстве острога не на Енисее, а, как видимо и замышлял тобольский воевода И. Куракин, на Ангаре[104]. Полностью перспективы предполагаемого укрепленного пункта были еще не понятны, как не было понятно и то, где именно его целесообразно поставить. Но было очевидным, что строительство нового острожка усилит позиции Русского государства на Среднем Енисее, что уже произошло в его низовьях со строительством Мангазеи, и позволит более основательно заняться «замирением» самих тунгусов.

То есть вслед за организацией и поддержкой непрекращающегося с конца XVI в. процесса постепенного проникновения в «новые землицы» промышлен-

[102] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 279–280. № 125.
[103] Там же. С. 280. № 127.
[104] Там же. С. 279–280. № 125–127.

ных людей, а за ними – ясачных сборщиков, на Среднем Енисее у русской администрации возникла необходимость заняться решением проблемы защиты уже находившегося «под высокою государевою рукою» ясачного населения от внешнего противника.

Таким образом, следует констатировать, что нападения тунгусов, все чаще и чаще переправлявшихся через Енисей и ставших настоящим бедствием для енисейских остяков, заставили русскую администрацию активизировать свои действия, направленные на закрепление своего влияния на левом берегу Среднего Енисея. Только постоянное присутствие русских служилых людей в «землицах» енисейских остяков могло изменить сложившуюся во втором десятилетии XVII в. ситуацию радикальным образом: кеты, став подданными русского царя, получили бы защиту против своих притеснителей-тунгусов, а последним теперь бы пришлось прекратить свои нападения на енисейских остяков и сосредоточиться на установлении отношений с ясачными сборщиками нового русского острога.

1.2. Образование Енисейского уезда и основание Енисейского острога

К реализации возникших планов, относительно закрепления территории Левобережья Среднего Енисея в российском подданстве, и действий по «замирению» приангарских тунгусов сибирская администрация приступила в том же 1617 г. По требованию тобольского воеводы князя И.С. Куракина кетский воевода Чеботай Федорович Челищев занялся сбором сведений о пути «в тунгусы». Он расспросил об этом служилых людей Луку Донскова и Артемия Родюкова, незадолго до того побывавших у места слияния Ангары и Енисея. Вскоре из Кетского острога в Тобольск была отправлена отписка с подробным изложением пути не только до устья Ангары, но и до Тюлькиной землицы.

Как писал Ч. Челищев, Лука Донсков и Артемий Родюков добирались от Кетского острога до места основания будущего Маковского острожка («до

князца Намака») две с половиной недели («пол третьи недели»). Далее, со слов упомянутых служилых людей, от р. Кеть путь пролегал через двухдневный волок до р. Тыи, притока р. Кемь. Выяснили они, что и зимний путь от Кети до Тыи занимал так же два дня. Далее, если на Тые построить суда – «струги или зырянские каюки» – то можно продвигаться по рекам: по Тые путь от волока до Кеми занимал пол дня и по Кеми до Енисея – день. Далее, вверх по Енисею до устья Ангары путь занимал еще один день: «по Енисею вверх до Тунгуски реки не оплошно итить день ходу»[105].

Изучение пути «в тунгусы», по нашему мнению, свидетельствует, что в 1617 г. строительство нового острога именно на Енисее не входило в планы ни Москвы, ни Тобольска. Рассматривалась возможность строительства укрепленного пункта (острога, острожка) дальше на восток, на Ангаре, что позволило бы отрядам служилых людей, во-первых, защищать от тунгусов остяцкие волости енисейского левобережья и, во-вторых, начать «замирение» и объясачивание самих тунгусов.

Но в 1617 г. эта задумка не могла быть реализованной, так как требовала серьезной подготовки, а время для этого уже было упущено. В упомянутой выше отписке, а она может быть датирована не ранее 3 июля 1617 г., Ч. Челищев указал, что в течение навигации 1617 г. до Ангары уже не дойти: «И нынешнего 125-го году в Тунгуску не изоспеть и к волоку»[106].

В отписке Ч. Челищева речь идет о переходе от Кетского острога до начала волока налегке: упомянутые служилые люди Л. Донсков и А. Родюков несли с собой припасы весом в два пуда, что было сравнительно небольшой ношей для того времени. Позднее, когда Маковский волок функционировал в полную силу, путь от Кетского до Маковского острога преодолевался груженными судами за шесть-семь недель и далее через волок по реке Кемь до Енисейска еще за два дня[107]. Так что расстояние, которое пришлось бы преодолеть

---

[105] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 281–282. № 128.
[106] Нет сомнения, что имелся в виду будущий Маковский волок. См.: РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 477. Ч. II. № 7. Л. 12–13.
[107] Спасский Г.Н. Список с чертежа Сибирской земли… С. 4.

будущим строителям Енисейского острога, было достаточно большим. Видимо это обстоятельство и привело тобольского воеводу И. Куракина принять решение о строительстве нового острога на Енисее, а не на Ангаре, как предполагалось ранее.

По нашему мнению, было очевидным и то, что новому острогу в будущем предстояло стать базой для продвижения русских служилых людей дальше на восток, так как путь на Средний Енисей лежал по р. Кеть и требовалось только выбрать оптимальный путь (волок) между этой рекой и левыми притоками Енисея. Поэтому вполне разумным становилось сразу делать будущий острог административным центром прилегающих территорий, в том числе и тех, с населения которых к 1617 г. уже собирался ясак. Тем более что расстояние от Кетского острога до Енисея было неблизким, и кетская администрация при организации сбора ясака регулярно сталкивалась с проблемой отдаленности восточных волостей своего уезда. То есть, если труднодоступные для кетских служилых людей ясачные волости передать вновь образованному уезду, а его административный центр построить на восточной окраине этого уезда, то высока вероятность того, что построенный укрепленный пункт достаточно быстро прирастет новыми волостями, отодвинув, тем самым границу русских владений в Сибири еще дальше на восток.

Таким образом, на смену решению тобольских воевод о строительстве русского оборонительного укрепленного пункта на границе Кетского уезда и тунгусских «землиц» к зиме 1617/1618 г. приходит другое решение о создании новой территориально-административной единицы – еще одного уезда, центром которого станет вновь построенный острог. Поэтому становилось логичным сразу передать в подчинение будущему административному центру несколько восточных волостей Кетского уезда. В итоге складывается необычная ситуация: административного центра еще нет, но уже есть подчиненная ему территория. В последующем подобная ситуация сложилась и с образованием Красноярского уезда: Тюлькина землица, на территории которой и предполагалось строительство нового острога, перешла в ведение воеводы А. Дубенского

еще до строительства острога на Енисее в устье р. Кача. Другие же уезды Восточной Сибири образовывались путем выделения определенных территорий «старых» уездов под начало уже существовавших острогов, с возможной перспективой дальнейшего их расширения[108].

18 марта 1618 г. пелымскими воеводами Иваном Вельяминовым и Григорием Орловым была получена отписка от тобольского воеводы князя И. Куракина о посылке к нему двух сынов боярских и десяти человек стрельцов. Этих людей предполагалось отправить в последующем на государеву службу «в Тунгусы». Пелымские воеводы выполнили это указание. В Тобольск были отправлены князь Василий Кондинский и сын боярский Петр Албычев, которым в Пелыме выдали полные оклады годового жалованья, и десять стрельцов, получивших в Пелыме только по половине оклада. Правда, в отписке на имя царя Михаила Федоровича, написанной после 1 сентября 1618 г., упоминаются имена только девяти стрельцов. Там же говорится, что В. Кондинского воевода И. Куракин вернул в Пелым, а остальных отправил на государеву службу «в Тунгусы»[109].

Почему тобольские воеводы не сочли возможным отправить «в Тунгусы» пелымского князя – не известно. Но он был заменен тобольским стрелецким сотником Черкасом Рукиным, представителем уже сформировавшейся к тому времени династии так называемой «служилой аристократии»[110]. Нет у нас сведений и о том, как привлекались для этого похода служилые люди из других городов Западной Сибири. Но надо полагать, что в условиях недостатка служилых людей отписки подобного содержания были разосланы тобольским воеводой и по другим сибирским гарнизонам, учитывая, что в состав сформирован-

[108] См., например: Первое столетие Иркутска. СПб., 1902; Сафронов Ф.Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978; Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999; Бродников А.А. К вопросу о механизме образования уезда // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 67–76; и др.

[109] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 288. № 137.

[110] Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 50. В монографии В.А. Александрова и Н.Н. Покровского этот термин приводится без кавычек. См.: Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 82.

ного отряда входили служилые люди не только из Тобольска и Пелыма, но и из Березова, Нарыма, Сургута[111].

Путь от Тобольска до Кетского острога в XVII в., как указано первым сибирским картографом Семеном Ульяновичем Ремезовым, занимал от шести до восьми недель и примерно столько же от Кетска до волока с р. Кеть на р. Кемь, приток Енисея. Продвижение осуществлялось по рекам: от Тобольска надо было спускаться по Иртышу, затем подниматься по Оби и Кети. «А от Тобольска же вниз по Иртышу реке плыть до Демьянского яму 3 дни; а от Демьянского яму до Самаровского 3 дни; а от того места до усть Иртыша реки вверх по Обе реке до Сургута 10 дней. А от Сургута до Нарыма ходу по той же реке по 3 и 4 недели; а от Нарыма до усть Кети реки ходу день. А вверх по Кете реке до Кецкого острогу ходят по 3 и по 8 дней; а от Кецкого до Маковского зимовья, вверх по Кете доходят по 6 и 7 недель», – свидетельствует С.У. Ремезов[112]. Таким образом, отряд П. Албычева и Ч. Рукина мог преодолеть расстояние от Тобольска до места строительства Маковского острога не менее чем за три месяца. Но скорее всего путь этот отряд преодолел за несколько большее время, так как передвижение было затруднено взятыми на год многочисленными хлебными запасами и «судовыми припасами». Отправиться же из Тобольска отряд мог не раньше середины мая, после ледохода и, следовательно, дойти до волока на Енисей в лучшем случае в конце августа – начале сентября[113].

Как уже говорилось выше, было известно, что от р. Кеть по волоку до р. Кемь и далее до Енисея можно добраться всего за два дня[114]. Но предстояло еще выбрать место под новый острог, что, с учетом его предназначения, было

---

[111] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 290, 291–292. № 140, 143.
[112] См.: Спасский Г.Н. Список с чертежа Сибирской земли… С. 4.
[113] Проблема доставки хлебных припасов по этому пути сохранялась в течение длительного времени. В порядке вещей было, когда отправленные из Тобольска суда с припасами не успевали до конца навигации дойти до Маковского острожка и вмерзали на Кети в лед за несколько дней пути до конечного пункта. Например, вмерзли в лед хлебные припасы, отправленные из Тобольска в 1625 г., что в последующем привело к конфликту между воеводой А. Ошаниным и енисейским гарнизоном, служилые люди которого категорически отказались заниматься их перевозкой: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 43–44, 104–105.
[114] Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. II. С. 281. № 128; Спасский Г.Н. Список с чертежа Сибирской земли… С. 4.

делом серьезным. Вероятно, еще на подходе к волоку П. Албычев и Ч. Рукин получили от остяков известие о намерении тунгусов препятствовать обоснованию русских людей на Енисее. В этой ситуации перетаскивать все припасы по волоку на пустое место было опасно и попросту неразумно. Прибыв к началу волока, служилые люди решили перезимовать на Кети: в результате такого решения первым шагом к строительству Енисейского острога стало появление Маковского острожка, возникшего как укрепленное место зимовки отряда на территории князца Намака и поэтому первое время называвшегося Намацким[115]. В дальнейшем, на протяжении всего XVII в., Маковский острог исполнял роль перевалочной базы: предназначенные для восточносибирских городов припасы, прежде всего хлебные и соляные, в период навигации доставлялись в Маковск, где размещались в «государевых амбарах». Затем по зимнему пути на санях перевозились в Енисейск, где складировались в специально для этого построенных хранилищах в подвале Богоявленской церкви[116]. С наступлением новой навигации из Енисейска их перевозили дальше, к местам назначения – в Красноярск, Якутск, Забайкалье.

Решив отложить строительство острога на Енисее до следующего года, предводители отряда не ошиблись: опасность со стороны тунгусов действительно существовала. В течение зимы 1618/1619 г. и весны 1619 г., отправленные П. Албычевым и Ч. Рукиным из вновь построенного Маковского острожка служилые люди собирали ясак с волостей, которые, согласно решению воеводы И. Куракина, в административном отношении принадлежали теперь еще не построенному острогу «в Тунгусах»[117]. По нашему мнению у тобольского воеводы не было твердой уверенности, что ясак с этих волостей будет собран: после того как Ч. Челищев сообщил в Тобольск о передаче П. Албычеву и Ч. Рукину копий ясачных книг передаваемых им остяцких волостей, князь Куракин отправил в Кетский острог еще одну отписку в которой потребовал от Ч. Челищева выяснить собрали ли будущие строители острога «в Тунгусах» с

[115] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 51, 297. № 150.
[116] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 307. Л. 506.
[117] РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 477. Ч. II. № 7. Л. 15.

этих волостей ясак или нет. Если ясак остается не собранным, то организовать его сбор в Кетский острог[118]. То есть у князя Куракина оставались определенные опасения относительно оправданности своего решения. Тем более, что оно вызвало острое недовольство со стороны кетского воеводы и могло, в случае возникновения каких-либо проблем, привести к обвинению И. Куракина в «нерадении» государеву интересу или того хуже – в корыстном умысле.

Но ясак с этих волостей был собран: 6 июня 1619 г. П. Албычев и Ч. Рукин отправили из Маковского острожка в Нарым березовского казака Таганашку Анфилофьева на разведку «для подлинново изведывания вестей: смирно ли на Оби», чтобы без опаски отправить собранную за зиму пушнину в Тобольск. Тревогу у предводителей отряда вызывало сообщение кетского воеводы, полученное ими еще 11 февраля 1619 г., о том, что в Нарымском и Сургутском уездах произошло антирусское выступление местных остяков: «заворовали бардачники Кинема с товарыщи … и хотят идти под Нарым» [119]. Осенью 1618 г. действительно произошло волнение сургутских остяков. Как сообщает источник – «...заворовали сургуцкие остяки Бардакова родня немногие люди, побили русских людей немногих...», но это волнение имело конкретную направленность, и опасение П. Албычева и Ч. Рукина было напрасным[120].

Кроме сбора ясака с переданных будущему Енисейскому уезду остяцких волостей, ясачные сборщики из Маковского острожка выходили на Енисей и, по всей видимости, на Ангару: группа служилых людей, Давыдка Городчиков «с товарыщи», была отправлена к тунгусам – П. Албычев и Ч. Рукин велели своим людям тунгусов «под государеву высокую руку призывать и ясак с них имать»[121]. Вовлечение ангарских тунгусов в ясачный платеж было делом новым.

---

[118] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 285. № 133. Документ датирован апрелем-августом 1618 г. На наш взгляд, учитывая его содержание и время пути от Тобольска до Кетского острога, более вероятно, что он был составлен осенью 1618 г.
[119] Там же. С. 290. № 140.
[120] Там же. С. 288–289. № 138.
[121] Там же. С. 291–292. № 143.

Ясачные сборщики отправились выполнять задание своих предводителей на коче. На коч к ним, судя по всему – на Ангаре, и пришли два тунгусских князца Харычей и Тасина (Тасей? – *А. Б.*). Князцы заверили служилых людей в своих верноподданнических чувствах и желании дать ясак великому государю, одновременно поставив их в известность о существовании проблемы, связанной с непослушанием молодых тунгусов, вынашивавших план очередного нападения на остяков переданных Енисейскому острогу волостей. «Да лихие де у нас молодые люди, говорили князцы, нас ни в чём ни слушают и, собрався, хотят итти на Кеть под остроги, и кецких и касовских ясашных остяков воевать»[122]. Как бы ни было, в этом документе, отписке П. Албычева и Ч. Рукина на имя кетского воеводы, зафиксирована первая известная нам попытка служилых людей получить ясак с приангарских тунгусов.

Вероятность нападения тунгусов на ясачные остяцкие волости и кетские остроги, в том числе на только что построенный Маковский острожек, серьезным образом спутала планы предводителей отряда. Перезимовав в Маковском острожке, П. Албычев и Ч. Рукин должны были после половодья со своим отрядом, преодолев волок, побыстрее спускаться по р. Кемь к Енисею, чтобы иметь возможность продвинуться как можно дальше по Ангаре и поставить там острог.

Но последующие документы сообщают, что ожидаемое нападение со стороны тунгусов состоялось. В Маковском острожке будущие строители Енисейска столкнулись с нападением приангарских тунгусов и даже выдержали осаду с их стороны, произошло это, судя по всему, вскоре после 6 июня. Причем обошлись служилые люди без чьей-либо помощи: взять острожек штурмом для тунгусов, не имевших соответствующих навыков, было нереальным, осады же казаки не боялись – хлебные запасы они взяли из Тобольска в достаточном ко-

[122] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 291–292. № 143. В этом социальные отношения тунгусов напоминают социальные отношения североамериканских индейцев в XVII–XVIII и даже XIX вв. Как отмечал Л. Морган, «каждый воин имел законное право организовать отряд и искать приключений в любом избранном им направлении» (Морган Л.Г. Лига ходеносауни, или ирокезов. М., 1983. С.45–46).

личестве, и их должно было хватить, по крайней мере, до осени. По всей видимости, осаждавшие поняли бессмысленность своих действий, и вскоре сняли осаду. Не следует забывать и о том, что в руках русских служилых людей было огнестрельное оружие, с которым тунгусы ранее не встречались. Еще И.Э. Фишер отмечал, что «огненный бой» вносил довольно серьезное смятение в ряды сибирских аборигенов, что умело использовалось стрельцами и казаками[123].

Кетский воевода должен был оказать помощь осажденным, однако не только ничего для этого не предпринял, но и задержал в Кетске сургутского казака новокрещена Семейку Тумача, посланного из Маковского острожка за помощью[124]. Надо полагать, что действие (вернее, бездействие) Ч. Челищева определялось его стремлением воспрепятствовать строительству П. Албычевым и Ч. Рукиным острога на Енисее. Дело в том, что кетским служилым людям иногда удавалось брать ясак с приенисейских «иноземцев», а решение тобольского воеводы И. Куракина о передаче в подчинение новому, еще не построенному, острогу ряда прилегающих к нему восточных кетских волостей, сокращало его ясачную территорию, тем самым, более чем в два раза, с чем кетский воевода никак не мог смириться. Стоит обратить внимание, что ранее, в 1604–1605 гг., Кетский уезд уже потерял часть своей территории по р. Чулым, отошедшей к Томскому уезду. Бывший в те годы кетским воеводой Постник Бельский так же предпринимал попытки сохранить за своим уездом теряемые ясачные территории[125]. Кроме того, известно, что Ч. Челищев отличался изрядным самодурством. Об этом свидетельствуют его достаточно напряженные отношения с населением Кетского острога (в том числе и со служилыми людьми) и с

[123] Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири. СПб., 1774. С. 276; Бродников А.А. Послать «людей добрых, с вогненным боем» // Родина. 2004. № 6. С. 40–43.
[124] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 297. № 150.
[125] Там же. Т. I. С. 403–405. № 56, 57; См.: Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Т. 112. Томск, 1950. С. 76–78.

ясачными остяками, о чем позднее писал патриарху Филарету тобольский архиепископ Киприан[126].

Когда в Тобольске стало известно о нападении тунгусов на Маковский острожек и неоказании помощи осажденным служилым людям кетским воеводой, тот был обвинен в «воровстве», «измене», нежелании «государю служити» и вызван новыми разрядными воеводами князьями М.М. Годуновым и И.Ф. Волконским в Тобольск «для сыску». Правда, отзыв Ч. Челищева с воеводства произошел только в июле 1620 г.[127]. Отряд же П. Албычева и Ч. Рукина после снятия тунгусами осады с Маковского острожка смог приступить к выполнению основной цели похода – выходу на Енисей и строительству острога.

Побывавший в Енисейске в 30-е гг. XVIII в. историк Г.Ф. Миллер записал устное предание жителей деревни Марково Городище (ныне – село Городище на правом берегу Енисея, примерно в 50 км ниже устья Ангары – *А.Б.*) о том, как выбиралось место для строительства Енисейского острога. Было выбрано три места, и служилые люди долго не могли прийти к единому мнению, где строить острог. Первое место – при впадении р. Кемь в Енисей, в восьми километрах от нынешнего Енисейска. С учетом того, как часто эта река меняет свое русло, можно предположить, что выбранным местом мог быть один из высоких берегов старицы Кеми, находящийся сейчас в центре села Усть-Кемь. Второе – место нынешнего расположения села Городище, на правом берегу Енисея, несколько выше по течению – между Енисейском и устьем Ангары. И третье – у впадения в Енисей р. Мельничной, где и был поставлен Енисейский острог. Решение вопроса было достигнуто жребием[128].

Насколько это предание соответствует действительности – судить сложно. Но оно не лишено оснований: строители Енисейска были отнюдь не первыми русскими на Енисее, и их предшественники – сборщики ясака, торговые и промышленные люди – вполне могли построить какое-либо зимовье или не-

---

[126] Буцинский П.Н. Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 224.
[127] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 297. № 150.
[128] Там же. С. 51.

большой острожек на месте нынешнего села Городище, отсюда и его название, и появление этого предания. Вполне вероятно, что устье р. Кемь также было привлекательно для казаков – они спускались по этой реке от волока до Енисея.

Выбор же места под новый острог в устье р. Мельничной мог определиться следующими причинами: во-первых, левый берег Енисея, учитывая опасность со стороны тунгусов, был гораздо безопаснее правого, тем более что в осаде у тунгусов будущие строители Енисейского острога уже побывали; во-вторых, р. Кемь часто меняет русло и подмывает берега, что служилые люди не могли не заметить, в то время как р. Мельничная имеет постоянное русло. Во всяком случае, основатели Енисейска выполнили поставленную перед ними задачу – новый острог появился в стратегически выгодном месте и сразу стал базой для быстрого расширения русских владений в Восточной Сибири.

Необходимо упомянуть, что в более позднее время в Енисейске существовала еще одна версия о возможном месте строительства острога. Известный исследователь истории Енисейска М.П. Миндаровский в 30-е гг. XX в. поведал находившемуся в то время в Енисейске в ссылке историку А.И. Андрееву, что в детстве бабушка рассказывала ему о возможном месте выбора под острог горы, находящейся в с. Верхнепашино, в 8 км от Енисейска[129].

Точное время строительства Енисейского острога установить сложно: московский пожар 1626 г. уничтожил архив Приказа Казанского дворца, а с ним и все «сибирские дела» за 1613–1626 гг. Поэтому сведения о первых годах Енисейска очень отрывочны и скудны. Известно лишь, что отправленный весной 1619 г. на смену П. Албычеву и Ч. Рукину тобольский сын боярский Максим Трубчанинов, дойдя со своим отрядом до Енисея, обнаружил острог построенным[130]: в памяти тобольского воеводы И. Куракина вновь назначенному

---

[129] См. примечания к главам 6–9 «Истории Сибири»: Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 669.

[130] Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. II. С. 51. А.И. Андреев указывает и на другие встречающиеся в литературе сроки основания Енисейского острога. См.: Примечания к главам 6 – 9 «Истории Сибири» // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 667–669. См. также: Фишер И.Э. Сибирская история... С. 277.

приказчику Енисейского острога М. Трубчанинову от 16 декабря 1619 г. говорится, что новый острог «ныне поставили Петр и Черкас»[131].

Это уточнение, на наш взгляд, свидетельствует о том, что острог на Енисее был построен П. Албычевым и Ч. Рукиным не ранее сентября 1619 г. Воевода И. Куракин мог, конечно, основываться на времени доставки в Тобольск отписок из Енисейского острога, но в этом случае строительство острога произошло месяца на полтора раньше, т. е. в середине лета 1619 г.

Стоит обратить внимание на то, что предполагавшееся продвижение по р. Кеть отправленного из Тобольска на смену отряду П. Албычева и Ч. Рукина нового отряда енисейских годовальщиков во главе с М. Трубчаниновым должно было проходить в период летнего обмеления таежных рек. Для отправки отряда М. Трубчанинова вверх по реке до Маковского острожка кетский воевода получил указание из Тобольска собрать всякие мелкие суда у остяков и торговых и промышленных людей, и отдать их Трубчанинову для прохождения кетских мелей. С новым приказчиком следовало отправить и местных остяков для того, чтобы они все суда, в том числе и отправленные из Тобольска годом ранее с П. Албычевым и Ч. Рукиным, вернули с волока в Кетский острог, а затем переправили их до Нарыма[132].

Таким образом, по нашему мнению, выбрав единственный логичный путь закрепления среднеенисейского левобережья под властью Российского государства, сибирская администрация успешно реализовала его сравнительно небольшим усилием, при помощи небольшого, даже по меркам Сибири, количества служилых людей. Основание Енисейского острога в 1619 г. явилось завершающим этапом в присоединении Левобережья Среднего Енисея к Русскому государству, результатом которого стали защита кетоязычного населения от набегов тунгусов и сохранение его как этноса. Одновременно обозначилась проблема «замирения» приангарских тунгусов, родовые группы которых, с появлением русского военно-административного укрепленного пункта, из конку-

[131] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 292. № 144.
[132] Там же. С. 290–291, № 141.

рентов русских служилых людей за подчинения остяцкого населения теперь сами становились объектом ясачных интересов енисейской администрации и енисейского гарнизона.

1.3. Первоначальная территория Енисейского уезда и ее границы. Формирование механизма сбора ясака

Как уже говорилось выше, еще до возникновения самого Енисейского острога была определена подведомственная ему территория: решение о передаче новому острогу ряда восточных ясачных волостей Кетского уезда принималось до отправки отряда Петра Албычева и Черкаса Рукина из Тобольска. Отправляя с будущими основателями нового острога (документ датируется мартом-апрелем 1618 г.) сопроводительное письмо в Кетский острог, тобольский воевода князь И.С. Куракин велел кетскому воеводе Ч.Ф. Челищеву сделать списки (копии) с ясачных окладных книг тех волостей, которые должны были отойти к будущему острогу «в Тунгусах»[133]. В отписке указывалось, что все ясачные люди из волостей, плативших ранее ясак в Кетский острог, но находящиеся ближе к острогу, который должны будут построить П. Албычев и Ч. Рукин, теперь должны будут платить ясак в Енисейск, чтобы им это было удобней: «А как, аже даст Бог, острог поставят, а которых волостей ясачные люди ясак платили наперед сего в Кецкой острог, а ныне к тому острогу, которой поставят, те волости будут Кецкого ближе и тех ясачных людей … ясак велено имать в новой Енисейской острог, … чтоб ясачным людям в дальнем проезде за ясаком нужи не было»[134]. В данном случае можно предположить, что тобольские воеводы перекраивали территорию уездов с целью удешевления механизма сбора ясака: появление среди остяцких волостей нового уездного

[133] Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. II. С. 52, 284. № 132; Александров В.А. Русское население Сибири… С. 36; Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965. С. 23–24.
[134] Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. II. С. 284. № 132.

центра позволяло не отправлять к ним группы ясачных сборщиков, а привлекать самих князцов в новый острог. Таким образом, сбор пушнины с кетоязычного населения енисейского левобережья удешевлялся, а служилые люди получали возможность заняться вовлечением в ясачный платеж населения новых «землиц» на правом берегу Енисея.

Судя по всему, у князя Куракина так и не сформировалось четкого представления о перспективах вновь построенного острога на Енисее. Обращает на себя внимание то, что в первые годы Енисейским уездом управляли присылаемые из Тобольска приказчики, что как-то не соответствовало рангу новой территориально-административной единицы, называемой уездом. А службу в нем несли небольшие отряды годовальщиков из гарнизонов Западной Сибири.

Ч. Челищев выполнил указание тобольского воеводы – ко времени прибытия в Кетский острог отряда П. Албычева и Ч. Рукина копии ясачных книг для них были готовы. Об этом он сразу же сообщил в Тобольск. В подготовленных им копиях указывалось количество плательщиков ясака в каждой волости и количество собираемой с этих волостей пушнины – «почему платили государева ясаку и поминок».

Таким образом, согласно приведенной отписке И. Куракина в Кетский острог, весной – летом 1618 г. к еще не построенному острогу уже были приписаны десять волостей. Правда, в документе перечислено только девять из них: «волость Панпукольская Урнукова, а в ней ясашных людей 37 человек; волость Кадисская Намакова, ясачных людей 8 человек; Кас волость, Сым волость, Енисея, ясачных людей 24 человека; волость Кемские вершины, ясачных людей 15 человек; волость Макутцкая, ясачных людей 3 человека; волость Ямышская, ясашных людей 2 человека; волость Тюлькина, а в Тюлькиной волости 250 человек»[135]. В документах последующих лет наряду с упомянутыми остяцкими волостями упоминается и Кипанская волость, располагавшаяся в устье Ангары рядом с Енисеем, которая вскоре стала называться Кузнецкой[136]. Возможно от-

[135] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 285. № 133.
[136] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 185–187.

сутствие Кипанской волости среди перечисленных в упомянутом документе волостей связано с банальной небрежностью лица, занимавшегося перепиской документов в Кетском архиве по заданию Г.Ф. Миллера[137].

Расположение перечисленных выше волостей было следующим. По р. Кеть по мере удаленности от Кетского острога располагались волости Пумпокольская (или Кунгонская, Кунгопская), за ней в районе будущего Маковского острожка Кадисская Намакова (Нацкая) и в верховьях р. Кеть – Ямышская. Енисея (или Кузнецкая волость) находилась в районе самого будущего Енисейского острога или чуть южнее, еще южнее, у устья р. Ангары – Кипанская волость. На р. Кемь, в ее среднем течении, между устьем Ангары и р. Кеть, находилась Макуцкая волость. А выше ее по течению – волость Кемские вершины. Южнее Ямышской и Макуцкой волостей находилась Тюлькина волость, которая через десять лет отошла к Красноярскому уезду. Севернее по левому берегу Енисея, в низовьях одноименных рек располагались волости Касовская и Сымская[138]. Последняя граничила с Мангазейским уездом.

В результате переподчинения этих волостей Енисейский острог сразу получил под свое начало Левобережье Енисея от бассейна р. Сым на севере до р. Кача на юге. К новому острогу отошло также верхнее и среднее течение р. Кеть. К волости Кемские вершины первое время относились весловские остяки, названные так по имени князца Веслы. Они жили у истоков Малой Кети, в 1630 г. перешли на сторону енисейских киргизов и вскоре после того соединились с жившими недалеко от Красноярска родственными им аринцами[139].

Через девять лет в Тюлькиной волости был построен Красноярский острог, и она вышла из ведения Енисейска. Но и без нее Енисейский острог получил в подчинение территорию с численностью ясачных в 89 человек. Исходя из принятой в настоящее время методики подсчета численности коренного

---

[137] Подобную точку зрения высказывал и Б.О. Долгих. См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 187.
[138] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 184–187.
[139] Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. II. С. 52.

населения Сибири[140], в ведении Енисейского острога ко времени его строительства в 1619 г. оказалась территория с населением в 350–370 человек кетоязычного населения[141].

Серьезной проблемой оставалось отсутствие четкого разграничения территории между уездами на севере и на юге. Если разграничение между Енисейским и Кетским уездами определялось вышеприведенной отпиской тобольского воеводы князя И. Куракина о передаче в ведение Енисейского острога части отдаленных кетских остяцких волостей, то разграничение территории с Мангазейским уездом, а позднее и с Красноярским уездом продолжительное время оставалось условным.

На севере борьба за объясачивание сымских остяков развернулась задолго до образования Енисейского уезда. Первыми в том районе начали собирать ясак служилые люди из Кетского острога, вероятно, вскоре, после его основания[142]. А в 1610 г., так же до строительства Енисейского острога, возник конфликт между служилыми людьми Кетского острога и мангазейскими годовальщиками, присылаемыми туда из разных городов Западной Сибири, за право сбора ясака в районе р. Сым, левого притока Енисея[143]. Обращение кетских ясачных сборщиков в Москву привело к половинчатому для них результату: согласно полученной грамоте, адресованной тогдашнему кетскому воеводе Григорию Федоровичу Елизарову, сымские и касовские остяки должны были сами выбрать место уплаты ясака[144]. Возникали аналогичные спорные ситуации и позднее, в начале 20-х гг. XVII в.: отсутствие четкой границы между Енисейским и Мангазейским уездами давало возможность отдельным группам казаков из западносибирских гарнизонов выходить к Енисею и даже переправляться на его правый берег. В 1621 г. сургутские казаки братья Федоровы прошли воло-

[140] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 13.
[141] Там же. С. 188.
[142] Г.Ф. Миллер считал, что ясак они брали с сымских и касовских остяков уже в 1605 г., хотя в прилагаемых источниках точный год начала сбора ясака с тех мест в Кетский острог отсутствует. См.: Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. II. С. 28, 253–254, 256–257. № 90, 91, 96.
[143] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 28, 253–254. № 90, 91; Фишер И.Э. Сибирская история… С. 234.
[144] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 256–257. № 96.

ком с Тыма на Сым и, дойдя до Енисея, собрали ясак с тунгусов в устье Подкаменной Тунгуски. В 1622 г. ясак с этого района успешно собирали нарымские служилые люди Петрушка Тимофеев «с товарыщи». Но в 1623 г. о своих правах на район Подкаменной Тунгуски заявили енисейцы. Отправившийся в том году из Нарымского острога небольшой отряд служилых людей под предводительством новокрещена Алешки Алтайки встретил жесткий отпор со стороны енисейских ясачных сборщиков во главе с атаманом Поздеем Фирсовым[145] (подробнее об этих событиях см. в Гл. II).

С основанием на Енисее в устье р. Кача Красноярского острога возникла проблема енисейско-красноярских взаимоотношений, которая сохранялась до 50-х гг. XVII столетия – до окончательного разграничения территории между Енисейским и Красноярским уездами. Существование такой проблемы отметил еще И.Э. Фишер. На это же серьезным образом обратили внимание А.П. Окладников и С.В. Бахрушин[146].

Строительство нового, независимого от Енисейска, острога на территории, ранее отнесенной к Енисейскому уезду и передачи ему самой многолюдной ясачной волости – так называемой «Тюлькиной землицы» – вызвало острое недовольство енисейской администрации и гарнизона. А устроенный красноярскими казаками грабительский поход по Ангаре летом 1629 г., в котором от них пострадало не только ясачное население Енисейского уезда, но и русские торговые и промышленные люди, что привело к серьезному спаду в поступлении пушнины в Енисейский острог в виде ясака и таможенных пошлин, что привело к направленной против красноярцев активности енисейцев[147].

Еще не испытав опасности со стороны кочевников, не понимая стратегического значения острога на Красном Яре, енисейские служилые считали его

---

[145] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 160–162; А.Н. Копылов указывает на это событие, ссылаясь на другой источник. См.: Копылов А.Н. Русские на Енисее… С. 25.

[146] Фишер И.Э. Сибирская история…; Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937.; Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 7–192.

[147] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 505–507; СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. № 27. Л. 21 об.–24; № 28. Л. 24–28 об.; Фишер И.Э. Сибирская история... С.346; Окладников А.П. Очерки из истории... С.50–53.

совершенно бесполезным («от разных иноземцев не обороняет»), находящимся «Енисейского острогу в стороне», оценивая пользу конкурентов-красноярцев только по количеству собираемого ими ясака. Отправляя свои коллективные челобитные в Москву, енисейцы так и писали, обращаясь к царю Михаилу Федоровичу: «…красноярцы живут за нашими головами даром, не учинили тобе, государь, прибыли нисколько, ясак не собирают»[148].

В итоге, в 1630–1631 гг. существовала реальная возможность ликвидации Красноярского острога: часть гарнизона уже была переведена в Томск и Енисейск[149]. Только возникшая угроза со стороны кочевников остановила необдуманные действия правительства и навсегда прекратила потуги енисейского гарнизона избавиться от конкурентов.

Однако территориальные претензии Енисейска и Красноярска друг к другу сохранялись еще несколько десятилетий. Только сельскохозяйственное развитие двух уездов и необходимость установления точного налогообложения заставили воеводскую администрацию более четко определить разграничение их территории[150].

Одновременно со строительством Енисейского острога начался процесс «приведения под высокую государеву руку» территории за Енисеем. Тунгусы Нижнего Приангарья в течение короткого времени из конкурентов русских ясачных сборщиков превратились в объект их пристального интереса: тунгусские князцы с 1621–1622 гг. сами начали платить государев ясак енисейским служилым людям иногда даже привозя пушнину в Енисейский острог[151].

В такой ситуации тунгусам было уже не до енисейских остяков. Набеги на левый берег Енисея прекратились, что благоприятно сказалось на росте чис-

---

[148] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 407; Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда… С. 24–25. О проблеме разграничения территории между Енисейским и Красноярским уездами подробнее см.: Бродников А.А. Енисейск против Красноярска: из истории борьбы гарнизонов за ясачные территории в XVII в. // Сибирь в XVII–XX веках. Проблемы политической истории. Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск, 2002. С. 19–30.

[149] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. № 35. Л. 36–41.

[150] Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда… С. 108.

[151] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 303–304, 320, 341. № 158, 175, 195; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 195.

ленности его аборигенного населения: за какое-то десятилетие оно увеличилось на треть – с 350–370 человек в 1618 г.[152] до 450–500 человек в 1630 г.[153].

Все это подтверждает вывод историков, сделанный семьдесят лет назад: «Если бы не приход русских, то еще неизвестно, сохранились бы кеты до наших дней как особая этническая группа»[154]. Красноречивый пример тому – участь асанов, по мнению Б.О. Долгих, в значительной степени «отунгушенных» уже к 1669 г. и полностью исчезнувших как этнос в течение XVIII в.[155]. Более того, историк предполагает, что сами нижнеангарские тунгусы представляли собой результат смешения местного кетоязычного и пришлого тунгусского населения[156].

Что касается механизма сбора ясака с населения вновь образованного Енисейского уезда, то он представлял собой хождение групп ясачных сборщиков, отправляемых непосредственно из Енисейского острога. Сравнительно невысокая мобильность кетоязычного населения енисейского Левобережья позволяла служилым людям достаточно просто находить места пребывания енисейских остяков. А те, в свою очередь, рассматривая русских людей как спасение от грозных для них тунгусов, и не стремились уходить в отдаленные места, а при необходимости, активно участвовали в походах енисейцев против тунгусов.

Выход русских служилых людей к Енисею в первые годы XVII века представлял собой продолжение процесса расширения русских владений в Северной Азии, начавшегося походом Ермака. Но в отличие от низовьев Енисея, где на примыкающей территории на р. Таз уже в 1601 г. был построен город Мангазея, в районе Среднего Енисея строительство какого-либо русского укрепленного пункта в это время только планировалось, но, по разным объективным причинам, затянулось почти на два десятилетия. Связано это было с

---

[152] *Миллер Г.Ф.* История Сибири... Т. II. С. 285. № 133.
[153] *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав... С. 187–189.
[154] Историко-этнографический атлас Сибири. С. 9.
[155] *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав... С. 206.
[156] Там же.

тем, что московские власти и сибирская администрация стремились взять под контроль поток пушнины в низовьях Оби и Енисея, достигший к рубежу XVI–XVII вв. огромного размаха. В то время как на Среднем Енисее в это время выход русских людей к богатым пушниной районам только начинался.

Но вскоре и здесь эпизодичный выход небольших групп служилых людей из Кетского острога и некоторых других административных центров Западной Сибири к Енисею в первом и втором десятилетиях XVII столетия и начавшийся сбор ясака с кетоязычного населения бассейна Кети и Левобережья Среднего Енисея привел к определенному противоборству за эти территории между русскими ясачными сборщиками и приангарскими тунгусами, что, в свою очередь, стимулировало сибирскую администрацию к активизации своих действий по закреплению пока еще отдаленной новой территории под «высокой государевой рукой».

Строительство острога на берегу Енисея обеспечивало, таким образом, укрепление позиций Русского государства в центре Сибири, а создание новой административной единицы – Енисейского уезда, стимулировало продвижение отрядов служилых людей дальше на восток, в Приангарье, в результате чего теперь сами тунгусы становились объектом ясачной политики московского правительства и сибирской администрации.

Присоединение к Русскому государству Левобережья Среднего Енисея было явлением неизбежным и представляло собой продолжение присоединения территории, не принадлежавшей какому-либо государственному образованию, т. е., в понимании русских людей того времени – «ничейной». Возможно, что активизация нижнеангарских тунгусов, их экспансия на запад несколько ускорили этот процесс, но в любом случае он состоялся бы несколькими годами спустя: малочисленные этнические группы были обречены на подчинение или поглощение их более многочисленными этносами, также как не знавшие государственности территории неизбежно должны были попасть в сферу интересов ближайших государств или государственных образований.

Для русской администрации, для служилых людей присоединение левого берега Енисея было рядовым, обыденным событием, так как достаточно малочисленное население этого района Средней Сибири не представляло серьезного ясачного интереса, хотя и было обложено самым высоким размером ясака, но взгляды всех заинтересованных лиц были устремлены дальше на восток, за Енисей.

Одновременно для местного кетоязычного населения распространение власти сибирской администрации до Енисея означало не только и не столько вовлечение его в сферу торговых отношений, пусть даже в форме примитивного товарообмена. Для енисейских остяков подчинение русской администрации являлось единственной возможностью сохранить себя как этнос.

Восстановленная хронология событий, на наш взгляд, достаточно красноречиво демонстрирует мотивировку действий тобольских воевод при принятии решения о создании новой территориально-административной единицы и проблемы, с которыми столкнулся тобольский воевода князь И.С. Куракин, инициировав образование нового уезда, а также особенность, специфику возникновения новой территориально-административной единицы под названием «Енисейский уезд».

ГЛАВА 2. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ, НИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИАНГАРЬЯ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ В 20-Е ГГ. XVII В.

Процесс присоединения Правобережья Среднего Енисея к Русскому государству в научной литературе описан также поверхностно, как и присоединение его Левобережья. Продвижение русских служилых людей вверх по Ангаре до самых Братских порогов рассматривалось как их действия на транзитной территории, не имеющей самостоятельного значения, а только как некая прелюдия к продвижению в Бурятскую землю, в Якутию и в Забайкалье. Нечто подомное можно отметить уже в трудах Г.Ф. Миллера и И.Э. Фишера. Но наиболее красноречиво такое положение прослеживается в монографиях А.П. Окладникова и Л.Р. Павлинской о присоединении Бурятии к Русскому государству. В трудах историков-якутоведов и исследователей Забайкалья и Приамурья подобная «транзитность» прослеживается в меньшей степени.

В настоящей главе, как и в предыдущей, активно используются ранее введенные в научный оборот материалы, но многие из них рассматриваются более детально. При этом вводится в научный оборот не использовавшийся ранее архивный материал, или использовавшийся совершенно недостаточно, поверхностно. В настоящей главе ставится цель подробно изложить ход событий истории присоединения Правобережья Среднего Енисея к Русскому государству, в котором значительное место занимает присоединение Нижнего и Среднего Приангарья. Особенностью закрепления этих территорий за Енисейским уездом является формирование нового для Енисейского уезда механизма сбора ясака с их населения, отличающегося от сложившегося процесса ясачного сбора на Левобережье. Изучение архивного материала, анализ событий позволят понять, что явилось причиной столь стремительного продвижения отрядов енисейцев вверх по Ангаре к рубежам Братской земли – Братским порогам – и к

бассейну Лены и роль енисейской администрации и служилых людей в этих событиях.

Необходимой составляющей параграфов настоящей главы, как и в предыдущей главе, являются анализ фактического материала и выявление причинно-следственных связей, которые дают возможность характеризовать рассматриваемые события. Изложенный в главе материал позволит понять причины и механизм дальнейшего продвижения русских людей дальше на восток, в бассейн Лены.

2.1. Расширение территории Енисейского уезда в 20-е гг. XVII в.

В Главе I уже говорилось, что интерес московского правительства и тобольской администрации был направлен на расширение ясачной территории, поставлявшей казне (и не только казне, а всем заинтересованным сторонам – воеводской администрации и самим ясачным сборщикам)[157] пушнину. Поэтому вполне естественно, что после основания Енисейского острога ясачные сборщики стали переходить на правый берег Енисея, а затем активно продвигаться вверх по его правым притокам. А их продвижение вверх по Ангаре (Верхней Тунгуске) с ее многочисленными порогами было невероятно быстрым даже для Сибири.

На наш взгляд, столь стремительное продвижение отрядов енисейских служилых людей по Ангаре связано с попыткой, в первые годы существования Енисейского острога, найти на востоке от Енисея неизвестную реку, о которой основателям Енисейского острога пелымскому сыну боярскому Петру Албычеву и тобольскому стрелецкому сотнику Черкасу Рукину говорили аборигены. Летом 1619 г. остяцкий князец Илтик рассказал им о большой реке где-то на востоке, по которой ходят большие суда. Как сообщали в своей отписке П. Албычев и Ч. Рукин, ссылаясь на Илтика, «что де та река великая, а имени он той реке, как ее и по которому языку зовут, не знает, а ходят де тою

[157] Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974.

рекою суды большие, и колокола де на них великие есть, и звон де они слышат часто, и из пушек де с тех больших судов стреляют»[158]. По всей видимости, рассказ Илтика был не чем иным, как дошедшим до енисейских остяков слухом о далеком Китайском государстве.

Основатели Енисейского острога проинформировали об этом тобольских воевод. А в декабре 1619 г., сменившему их в качестве приказчика, сыну боярскому Максиму Трубчанинову пришла из Тобольска память, по которой ему следовало сосредоточить внимание на продвижении служилых людей вверх по Ангаре, а князца Илтика «и иных ясачных людей Кипанской земли» привлечь для этих походов в качестве проводников[159].

Вполне естественно, что продвижение отрядов енисейских служилых людей вверх по Ангаре стало сопровождаться объясачиванием тунгусского населения. Первые тунгусские родовые группы начали платить ясак енисейским ясачным сборщикам уже через год после основания Енисейского острога[160]. В частности, зимой 1620/1621 гг. енисейские служилые люди взяли ясак с тунгусов, живших в низовьях Ангары, рядом с находившейся на левом берегу Енисея остяцкой Кипанской волостью[161]. Для тунгусов стало очевидным, что об их конкуренции с русскими за сбор ясака с остяков теперь не может быть и речи – слишком неравные силы. А в мае 1621 г. в Енисейск пришли сами князцы других групп нижнеангарских тунгусов – Ялым и Иркиней. Тогда же в острог был привезен ясак еще от одного тунгусского князца – Югани[162].

В 1622 г. дали ясак приангарские князцы Тасей и Тарей. Год спустя, в 1623 г., был собран ясак с князцов Улуса, Куюпки, Мунти и некоторых других, проживавших по притокам Ангары[163]. Место пребывания родовых групп князцов Иркинея и Тасея можно определить по названиям этих притоков, носящих

---

[158] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т.II. С. 292–293, № 144; РИБ. Т.II. Стб. 373–376. №121.
[159] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 1–2. № 1.
[160] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 302–304. № 158.
[161] Там же. С. 54, 319–320. № 175.
[162] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 54, 319–320. № 175; Туголуков В.А. Тунгусы (эвены и эвенки) … С. 48.
[163] Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. I. С. 54–55.

и в настоящее время их имена; князец Мунти жил по р. Мура. О местах проживания других упомянутых князцов источники не дают точных сведений, но очевидно, что они проживали в близлежащих к ним районах по берегам Ангары и ее притоков между рр. Тасеевой и Мурой.

В 1623 г. ссыльный «литвин» Яков Плешевский, отправленный первым енисейским воеводой Яковом Игнатьевичем Хрипуновым с отрядом в 50 человек служилых людей на Ангару, прошел вверх по этой реке почти до самой излучины, где Ангара меняет северное направление на западное, и взял ясак с «новых землиц», с «тунгусских далних и аплинских князцов». В результате этих походов в составе Енисейского уезда появились новые волости – Асанская, Аплинская, Калякшинская[164].

В 1624 г. Я. Хрипунов послал на кочах по этому же пути к тунгусам и аплинцам[165] дворянина Андрея Дубенского и атамана Василия Тюменца с 40 служилыми людьми. За десять недель похода они собрали ясак и привели «под государеву руку» несколько новых родовых групп тунгусов: «аплинских князцов Пауню, да Корока и шаманских князцов Трежу, Макауля, Елданю». Енисейцам удалось установить, что в результате этого похода они приблизились вплотную к Братской земле, так как выяснилось, что выше по Ангаре родовые группы тунгусов находятся в даннической зависимости от бурят: «за теми шаманскими людьми живут братские кыштымы»[166]. Но для дальнейшего продвижения в многолюдные «новые землицы» требовалась более основательная подготовка. Поэтому А. Дубенской и В. Алексеев не рискнули переходить пороги и начинать процесс объясачивания бурят.

Следующий поход в этом направлении был предпринят год спустя, 30 мая 1625 г., после завершения на Ангаре ледохода. Из Енисейского острога вверх по Ангаре на кочах отправился отряд атаманов П. Фирсова и

---

[164] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 354–364; Стб. 1674. Л. 25–26.

[165] В источниках последующих лет аплинцы уже не отделялись от тунгусов. Подобным же образом практически все вновь объясаченные группы тунгусов в первые годы упоминаются в источниках по их родовым названиям, выделяясь из основной массы тунгусов.

[166] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 351–352, 353–355.

В. Алексеева в количестве 40 человек[167]. Атаманам следовало собрать ясак с ранее приведенных «под государеву руку» тунгусов, в том числе с аплинских и шаманских князцов, и, объясачив вокруг них «новые землицы», идти в поход на «братскую землю». Согласно полученной в Енисейском остроге наказной памяти П. Фирсов и В. Алексеев должны были использовать соседские отношения родовых групп тунгусов. Собрав ясак с ближайших князцов Иркинея (приходившегося Тасею братом[168]) и Карнея «с товарыщи», атаманы должны были взять их с собой до аплинской и шаманской «землиц» князцов Ечаны, Мунты и Тренги, а тех, в свою очередь, уговорить сопровождать их далее – «итти в брацкую землю и в ыные новые землицы». Разумеется, что поход должен был сопровождаться не только сбором ясака и приведением в русское подданство ранее не объясаченных «иноземцев», но и сбором максимального количества сведений об их соседях[169]. За шесть недель атаманы собрали ясак с ранее объясаченных енисейскими служилыми людьми «землиц», но после того смогли дойти только до Шаманских порогов[170] (в 80 км выше устья р. Илим. – *А. Б.*). Побывав в этих местах первыми из русских людей и собрав более детальные сведения о бурятах, П. Фирсов и В. Алексеев вновь не решились с отрядом такой численности начинать покорение лежащих вверх по Ангаре сравнительно густонаселенных бурятских земель. Но собранные ими сведения в дальнейшем оказались весьма полезными.

Тем не менее, всего за пять-шесть лет после основания Енисейского острога, отряды енисейских служилых людей достигли устья р. Илим и территории, где проживали племена бурят, оказавших им вскоре серьезное сопротивление, чем приостановили на несколько десятилетий дальнейшее продвижение русских людей вверх по Ангаре[171]. О поиске неизвестной реки и в Енисейском

---

[167] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 4–4 об. № 6; 8 об.–9 об. № 14; Фишер И.Э. Указ. соч. С. 342; Окладников А.П. Очерки из истории... С. 31.
[168] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 320. № 175.
[169] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 8 об.–9 об. № 14.
[170] Там же. Л. 4 об. № 6.
[171] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 351–352, 353–364; Стб. 1674. Л. 25–26; Туголуков В.А. Тунгусы (эвены и эвенки) … С. 48. Об этом см. также: Окладников А.П. Очерки из исто-

остроге, и в Тобольске, к этому времени, получается, уже успели забыть. Во всяком случае, в известных нам источниках о ней больше не упоминается. Отряды служилых людей отправляются вверх по Ангаре и ее притокам только для сбора ясака и прииску «новых землиц», т. е. для расширения тех же ясачных территорий.

Одновременно с начавшимся продвижением отрядов енисейцев по Ангаре происходило объясачивание аборигенного населения других районов енисейского правобережья, в том числе Подкаменной Тунгуски и ее притоков. Оно, в отличие от Приангарья, сопровождалось конфликтами за право сбора ясака с этих родовых групп между енисейцами и служилыми людьми других гарнизонов. По нашему мнению, эти конфликты являлись продолжением ситуации безвластия начала XVII столетия на территории будущего Енисейского уезда, когда группы служилых людей из уездных центров Западной Сибири стремились увеличить поступление пушнины путем поиска «новых землиц» и вовлечения их населения в ясачный платеж. Налицо была конкуренция между администрацией и служилыми людьми приграничных уездных центров за обладание пушными ресурсами.

Первый известный нам конфликт за ясачные волости на Среднем Енисее относится к 1602 г.: спор тогда возник между мангазейскими и сургутскими служилыми людьми о праве сбора ясака с «кузнецкой самояди», кетоязычной группы, проживавшей на левом берегу Енисея, в месте впадения в него Ангары и позднее получившей название «кузнецких остяков»[172].

В 1611 г. в районе р. Сым произошел новый конфликт, на этот раз между кетскими и мангазейскими служилыми людьми. В Главе I говорилось, что тобольский воевода князь Иван Буйносов-Ростовский решил тогда спор в пользу Мангазеи[173]. Но в дальнейшем, до самого появления Енисейского острога, эта территория все-таки была подведомственна Кетскому острогу.

рии...; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 195–221; Павлинская Л.Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб., 2008; и др.

[172] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 113–115.

[173] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 269–270. № 114.

Подчинение в 1618 г. Сымской и Касовской волостей Енисейску не ликвидировало конкуренцию в этом районе: отсутствие четкого разграничения сфер влияния, административной границы между Енисейским и Мангазейским уездами позволяло отрядам из других гарнизонов просачиваться через спорные районы на восточный берег Енисея. Как следствие этой неопределенности, первыми собрали ясак с тунгусов-варгаганцев в устье р. Подкаменная Тунгуска в 1621 г. сургутские казаки братья Федоровы, прошедшие волоком с р. Тым (правый приток р. Кеть) на р. Сым (левый приток Енисея). В своей челобитной они сообщили, что встретили «тунгусов человек с шездесят, а в тех … тунгусах нихто не бывал»[174]. При этом стоит отметить, что тунгусы низовьев Подкаменной Тунгуски с 1610 г. уже периодически платили ясак в Закаменном зимовье Мангазейского уезда, построенном на левом берегу Енисея[175]. А с 1622 г. отмечены случаи, когда они передавали ясак в Енисейский острог через сымских остяков[176].

Однако подобные выходы на Енисей сургутских ясачных сборщиков, на наш взгляд, следует рассматривать только как их личную инициативу, поскольку в следующем, 1622 г. ясак с населения Подкаменной Тунгуски собирали уже нарымские служилые люди во главе с Петрушкой Тимофеевым[177]. Почему сургутские сборщики ясака перестали претендовать на эту территорию, не известно. А вот нарымчане, судя по всему, уже рассматривали низовья Подкаменной Тунгуски как свою ясачную территорию. Через год, в 1623 г. из Нарыма в этот район воеводой Василием Яковлевым вновь была отправлена группа ясачных сборщиков во главе с новокрещеном Алешкой Алтайкой, которые должны были не только собрать пушнину с ранее объясаченных тунгусов, но и найти новых плательщиков ясака: «Сыскивати князцов и лутчих людей тунгусов и вор-

[174] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 190 об.–191.
[175] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 146.
[176] РГАДА. Ф. 199. Ед.хр. 477. Ч. I. № 1. Л. 87. Б.О. Долгих отмечает существование добрососедских или даже дружеских взаимоотношений между остяками и тунгусами на территории, примыкающей к низовьям Подкаменной Тунгуски. См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 177–179.
[177] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л.158; СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 7 об. № 12.

надойцев и остяков, которые в том месте живут, а к Тазовскому городу и к тунгускому к Енисейскому острогу не приписаны, а нашего ясаку и поминков по 130 год не в которых городех и в остроги не плачивали»[178].

В устье Подкаменной Тунгуски нарымские ясачные сборщики встретили отряд енисейских служилых людей численностью в 16 человек во главе с атаманом Поздеем Фирсовым (состоявшем в Енисейском остроге в должности стрелецкого сотника), посланный из Енисейского острога для этой же цели. Естественно, что енисейцы не пропустили конкурентов по ясачному сбору на территорию, рассматриваемую как свою. Впервые при решении спорного вопроса о праве сбора ясака на определенной территории в Восточной Сибири была использована сила. Разумеется, сила была на стороне более многочисленного отряда енисейцев. На этот раз нарымцы вернулись из отдаленной «землицы» без пушнины.

Нарымский воевода Василий Яковлев проинформировал о возникшей конфликтной ситуации приказ Казанского Дворца, но почему-то с сильным запозданием: отписку об этом он отправил в Москву видимо только зимой 1624/1625 г. Тем не менее, 19 августа 1625 г. новому енисейскому воеводе Андрею Леонтьевичу Ошанину, еще не прибывшему к месту своей службы, был отправлен указ, согласно которому тот должен был сообщить в Москву сведения о том, как давно енисейские служилые люди собирают ясак в низовьях Подкаменной Тунгуски и в каком размере, а также каково расстояние до этих мест от Енисейского острога и от Нарыма[179]. Грамота эта пришла в Енисейск, как и отписка нарымского воеводы в Москву, с большим опозданием – только 17 апреля 1626 г.[180].

Выполняя распоряжение из Москвы, А. Ошанин расспросил служилых людей о сборе ясака с «иноземцев» Подкаменной Тунгуски. Воеводе удалось

---

[178] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 157.
[179] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 157–160; СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 7 об.–8. № 12. Б.О. Долгих датирует эти события 1630–1631 гг. См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 192.
[180] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 156–157.

установить, что до 1623 г. с тунгусов-варгаганцев в Енисейский острог ясак не собирался, а брали ли с них ранее ясак нарымские ясачные сборщики, енисейским служилым людям не известно. Выяснил А. Ошанин и то, что от Енисейска до устья Подкаменной Тунгуски ходу четыре дня водяным путем, а от Нарыма – больше шести недель. Кроме того, выяснилось, что из Енисейского острога в тех местах ясак брали только однажды, когда Я. Хрипунов посылал отряд атамана П. Фирсова[181]. Отписку енисейского воеводы А. Ошанина в приказе получили только 6 января 1627 г. Вероятно, такая неоперативность со стороны енисейского воеводы объясняется тем, что в тексте первой грамоты не шла речь о срочном ответе, а требовалось собрать более точные сведения о расстояниях. Кроме того, у А. Ошанина было предостаточно проблем, связанных с замирением Приангарья и ожидаемым нападением кочевников с верховьев Енисея – проблемами, возникшими в результате конфликта воеводы Ошанина с гарнизоном Енисейского острога в апреле – мае 1626 г.[182]

В результате всей этой переписки летом 1627 г. тогдашний тобольский воевода князь Андрей Андреевич Хованский получил из Москвы предписание самостоятельно принять решение о территориальной принадлежности низовьев Подкаменной Тунгуски, но только после расспроса енисейских и мангазейских служилых людей об отдаленности этого района от двух уездных центров, о чем сообщить в приказ Казанского Дворца[183]. Так как по сообщению воеводы А. Ошанина «водяным» путем от Енисейского острога до устья Подкаменной Тунгуски идти было «четыре дни», а от Нарымского острогу «водяным путем ходу болши шти недель», что подтвердили расспрашиваемые служилые люди, вопрос решился в пользу енисейцев[184].

Нельзя сказать, что у енисейской администрации к тому району отсутствовал интерес, по всей видимости, эта нестабильность сбора ясака енисейца-

[181] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 156–157.
[182] Бродников А.А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск, 2019. С. 154–185.
[183] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 156–170.
[184] Там же. Л. 160.

ми на рассматриваемой территории была связана с нежеланием вступать в конфликт с Мангазеей (Тазовским городом, как в источниках иногда называли Мангазею, стоявшую на р. Таз): как оказалось, в устье Подкаменной Тунгуски стоят служилые люди из Мангазеи (отряды численностью по 10–20 человек) и енисейских служилых людей в Подкаменную Тунгуску не пропускают. При этом енисейцам было не известно, брали ли они ясак с варгаганских тунгусов[185].

Тем не менее, зимой 1622/1623 г. ясак с тунгусов, проживавших в низовьях Подкаменной Тунгуски, собрали енисейцы. Тогда же, в 1623 г., енисейские служилые люди предприняли попытку пройти вверх по реке: атаман П. Фирсов со своим отрядом за шесть дней дошел по Подкаменной Тунгуске до местечка под названием Летняя Рассоха, где у него произошло столкновение с тунгусами. В результате произошедшего боя енисейцам удалось захватить в плен двух тунгусов. Затем отряд еще в течение трех дней поднимался по реке до «варгаганской землицы», до князцов Конделя и Юлтеги, которые были приведены к шерти[186]. В итоге в «Книге сбора ясашной мягкой рухляди» Енисейского острога за тот год было записано: «Да вновь же с Средние Тунгуские реки с князца Конделя да с Яндеги с товарищи государева ясаку 21 соболь с пупки и с хвосты, да 4 рассомахи взято»[187].

Продолжающиеся появления на Енисее служилых людей из западносибирских острогов заставили енисейцев более активно действовать в низовьях Подкаменной Тунгуски. Но их очередными конкурентами в этом районе, как уже говорилось выше, оказались северные соседи – мангазейцы. В 1624 г. енисейский атаман П. Фирсов, в очередной раз направляясь с отрядом служилых людей на Подкаменную Тунгуску, выдержал нападение тунгусов. В коротком бою удалось не только разбить противника, но и захватить их имущество и

[185] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 156–157.
[186] Там же. Л. 156, 158–159, 339, 351, 352–353.
[187] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 341. № 195.

ясырь – жен и детей[188]. Но вскоре в Тобольск последовала жалоба из Мангазеи о том, что побитые П. Фирсовым тунгусы оказались из рода, платившего ясак в Закаменное зимовье Мангазейского уезда: «преж сего государю ясак в Тазовский город (т. е. в Мангазею – *А. Б.*) давали», говорится в источнике. Более того, атаман обвинялся в том, что избил и ограбил ясачных же «закаменных» остяков – князца Скетку Лампеева «с товарыщи», забрав у них всю пушнину – соболей, лисиц и бобров – и котлы, и заставил их на себя ловить рыбу. Результатом этой жалобы явилось требование тобольского воеводы князя Д. Трубецкого провести сыск[189].

Выполняя распоряжение вышестоящего начальства, 11 июня 1625 г. енисейский воевода Я. Хрипунов отправил для сыска на Подкаменную Тунгуску енисейского стрелецкого десятника Якунку Комарова и церковного дьячка Пятунку Арбенева. П. Фирсов позднее продолжал утверждать, что побил он пятерых неясачных тунгусов по необходимости самообороны: «оне пришли на него войною и побити ево хотели». Сыщики же провели опрос остяков, пострадавших от атамана, и записанные показания вскоре доставили в енисейскую съезжую избу. До конца лета 1625 г. воевода Я. Хрипунов выполнил требование князя Трубецкого и отправил отчет о сыске в Тобольск[190].

Необходимо отметить, что во время похода 1623 г. отряд енисейцев, поднимаясь по Подкаменной Тунгуске, дошел до Варгаганской «землицы», где казаки встретили вышеупомянутых князцов Конделя и Яндегу. Их заставили шертовать – присягать на верность государю по тунгусскому обычаю[191]. Впоследствии Варгаганская волость оказалась самой северной из волостей Енисейского уезда. Местонахождением ее был бассейн р. Вельмо. Варгаганские тунгусы не ограничивали территорию своего проживания пределами волости и кочевали на более широких пространствах, от притоков Енисея рек Кий и Тис – че-

---

[188] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 353; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 192; Туголуков В.А. Тунгусы (эвены и эвенки) … С. 71.
[189] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 3 об.–4. № 5.
[190] Там же.
[191] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 353.

рез которые выходили на Енисей, и до низовьев р. Чуня[192], правого притока Подкаменной Тунгуски[193].

Обратим внимание на то, что Варгаганская «землица» впервые фигурирует в книге ясачного сбора Енисейского острога в качестве «новой» только в 1628/1629 г.: собрано 73 соболя «с пупки и с хвосты» и шуба соболья с бобровыми рукавами. В книге ясачного сбора за предыдущий год варгаганские тунгусы не упоминаются. Не упоминаются в обеих книгах и имена варгаганских князцов Конделя и Яндеги[194], с которых П. Фирсов собирал ясак в 1623 г.

Таким образом, к середине третьего десятилетия XVII столетия, менее чем за десять лет существования первого русского острога на Среднем Енисее, под управление енисейских воевод, по крайней мере, номинально, была «приведена» обширная территория правобережья Енисея – практически все Нижнее и значительная часть Среднего Приангарья и нижняя половина бассейна Подкаменной Тунгуски. Тунгусское население[195] этих территорий начало, казалось бы, стабильно платить ясак в Енисейский острог. Дальнейшие перспективы расширения ясачной территории на восток для енисейской администрации выглядели достаточно радужными, и, казалось, необходимо было только решить проблему численности гарнизона, малолюдство которого уже сказывалось на стремительности продвижения служилых людей в новые «землицы».

Но в середине 20-х годов XVII в. подчинившиеся было тунгусы Нижнего Приангарья во главе с князцом Тасеем, начали оказывать усиленное сопротив-

---

[192] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 192.

[193] Б.О. Долгих датирует этот поход 1623 г., а расстояние до варгаганских тунгусов оценивает в шесть недель ходу, в то время как В.А. Туголуков указывает на 1625 г. и отдаленность «Варгаганской землицы» от низовьев Подкаменной Тунгуски оценивает в три дня ходу. (См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С.176, 192; Туголуков В.А. Тунгусы (эвены и эвенки)… С. 71.) Интересно отметить, что Б.О. Долгих упоминает о походе П. Фирсова по этому пути в 1630 г., хотя известно, что атаман утонул в Оби в декабре 1625 г., возвращаясь из Томска в Енисейский острог (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 91).

[194] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 16–21., № 24, 25.

[195] О расселении тунгусских родовых групп на территории Енисейского уезда см. п. 2 настоящей главы.

ление, что создало дополнительные проблемы в расширении границ Енисейского уезда[196].

Первый случай нападения тунгусов на енисейских служилых людей произошел 30 октября 1624 г., когда пятидесятник Терентий Савин с небольшой группой стрельцов отправился на Ангару. Целью похода было собрать ясак за 1624/1625 г. с князца Иркинея и привести «под государеву руку» ранее не объясаченных окрестных тунгусов. В местечке под названием Рыбная Ловля на Ангаре для этой цели было построено зимовье. Внезапно ночью у зимовья появились люди князца Тасея, пришедшие, по предположению Т. Савина, «ис Тасеевы реки»[197].

Нападение Тасея было для енисейских ясачных сборщиков полной неожиданностью, так как он уже рассматривался енисейской администрацией и служилыми людьми как «замиренный», а его имя впервые было зафиксировано в окладных ясачных книгах Енисейского острога 24 мая 1622 г.[198] На предложение служилых людей заплатить ясак тунгусы ответили обстрелом их из луков. В результате чего сам Т. Савин был ранен в руку стрелой навылет. Енисейцам хотя и удалось убить нескольких нападавших, но все же пришлось укрыться в избе, где они просидели в осаде шесть дней. Только уход тунгусов, не ориентировавшихся на длительную осаду русского зимовья, дал возможность ясачным сборщикам вернуться в Енисейск. Собранная же с других родовых групп тунгусов пушнина досталась нападавшим. Вернулся пятидесятник со своим небольшим отрядом в Енисейский острог 26 декабря 1624 г. В съезжей избе Т. Савин сообщил воеводе Я. Хрипунову о происшедшем нападении и пе-

---

[196] Об этом подробнее см.: Бродников А.А. Документальные источники о русско-тунгусских отношениях в Нижнем Приангарье в 20-е гг. XVII в. // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т.2, вып.2. История. Новосибирск, 2003. С. 127–132. См. также: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С.209; Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 37; Быконя Г.Ф. Андрей Дубенский – основатель Красноярска. Красноярск, 1998. С. 13.

[197] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 7. № 10.

[198] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 319–320. № 175.

редал ему слова тунгусов: «Нам де государю ясак не платить, а буде де к нам будут служилые люди по ясак и им бы (тунгусам – *А. Б.*) их побивать…»[199].

Таким образом, перед енисейскими служилыми людьми встала необходимость «замирения» и возвращения в ясачный платеж князца Тасея, кочевавшего со своими людьми в низовьях Ангары и на ее притоках. Опасный Тасей теперь оказывался в тылу у уходивших вверх по Ангаре енисейцев, чем создавал серьезное препятствие для нормального поиска и объясачивания новых «землиц». Необходимость «замирения» Тасея становилась совершенно очевидной.

30 мая 1625 года, после завершения ледохода на Ангаре, отряд енисейцев, численностью в 25 человек во главе с атаманом Василием Тюменцом отправился на поиск непокорного князца. Атаман должен был вернуть Тасея в ясачный платеж, добиться от него раскаяния и выдачи заложников-аманатов для отправки их в Енисейск[200]. Несмотря на доставленные тунгусами Тасея серьезные неприятности енисейскому гарнизону, Тюменец получил от своего воеводы четкую установку решать проблему мирным путем, что было обычным требованием для служилых людей со стороны и воеводской администрации, и московских властей[201].

Три недели отряд В. Тюменца поднимался вверх по р. Бири, левого притока Ангары (вскоре получившей в нижней части название р. Тасеева). Миновав пятнадцать порогов, енисейцы не только не встретили по пути ни одного человека, но и следов чьего-либо пребывания. На шестнадцатом, самом большом пороге, где лес подходил вплотную к воде, а ширина реки, зажатой между высокими скалами, не превышала половины перелета пущенной из лука стрелы, произошло столкновение с тунгусами. Тунгусы вновь обстреляли служилых

---

[199] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 6 об.–7. № 10. В.А. Александров считал, что во время этого похода по Ангаре Т. Савин объясачил варгаганских тунгусов, в то время как известно, что варгаганцы жили на Подкаменной Тунгуске. См.: Александров В.А. Русское население Сибири… С. 39; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 191–193; Туголуков В.*А.* Тунгусы (эвены и эвенки) … С. 71–73.

[200] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 3. № 4.

[201] См.: СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 3. № 4; Л. 4 об. №6; Л. 9–9 об. № 14; и др.

людей из луков. Четверо енисейцев сразу же было убито, а пятый ранен. Отведя суда на середину реки и встав на якоря, атаман попытался при помощи толмача вступить с нападавшими в диалог, но безуспешно: тунгусы вести переговоры не пожелали – «языка и голосу не отдали». Простояв, таким образом, на якоре около трех часов, служилые решили отходить. Тунгусы вновь начали интенсивно обстреливать суда из луков и даже пустились в преследование – гнались за енисейцами три плеса. Вступать с противником в открытое сражение атаман не решился – нападавшие в несколько раз превосходили служилых людей по численности. Вернулся отряд в Енисейский острог 29 июня 1625 г.[202]

Неудачный поход В. Тюменца и распространившаяся по приангарской тайге молва о сопротивлении Тасея привели воеводу Я. Хрипунова к выводу о необходимости срочно организовать против непокорных тунгусов более многочисленную экспедицию с привлечением давних врагов тунгусов енисейских ясачных остяков[203]. Но для этого необходимо было дождаться возвращения в Енисейск отряда атаманов П. Фирсова и В. Алексеева, который отправился из Енисейского острога вверх по Ангаре на кочах одновременно с отрядом В. Тюменца.

Им, П. Фирсову и В. Алексееву с отрядом численностью в 40 человек[204] следовало собрать ясак с ранее приведенных «под государеву руку» тунгусов, в

---

[202] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 3 об. № 4.

[203] Там же.

[204] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 4–4 об. № 6; 8 об.–9 об. №. 14; Фишер И.Э. Указ. соч. С. 342; Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. С. 31. А.П. Окладников объединил в одном лице, Василия Тюменца, двух атаманов: Василия Алексеевича Новоторженина и Василия Андреевича Тюменца. Б.О. Долгих не только повторил ошибку А. П. Окладникова в отношении В. Тюменца, доведя объединение двух атаманов до логического завершения – назвав его Василием Алексеевым Тюменцом (См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 185.), но и «отправил» в этот поход по Ангаре вместо Поздея Фирсова Андрея Дубенского, в то время как последний с В. Тюменцом ходил вверх по Ангаре в 1624 г. (См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 351–352, 353–355. Сноска Б.О. Долгих на эти события содержит фактическую ошибку и не соответствует сведениям источника. См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 209.), а после сбора ясака за 1624/1625 г., был послан воеводой Я.И. Хрипуновым с пушниной в Москву. В тот год из Енисейского острога было отправлено в качестве ясака, «поминков» (подарков) и десятой пошлины 1791 соболь, 69 бобров и многочисленные обрезки соболиных шкурок: «пупки», «выимки» и хвосты всего на сумму 1954 рубля по енисейской цене. Вместе с А. Дубенским в Москву поехали десятник Вихорко Савин и рядовые стрельцы Афонька Микитин и Завьялко Дементьев

том числе с аплинских и шаманских князцов, и, объясачив вокруг них «новые землицы», идти далее, в «Братскую землю. За шесть недель атаманы собрали ясак с ранее объясаченных енисейскими служилыми людьми «землиц», но после того смогли дойти только до Шаманских порогов[205]. Побывав в этих местах первыми из русских, П. Фирсов и В. Алексеев не решились с отрядом такой численности начинать покорение лежащих вверх по Ангаре сравнительно густонаселенных бурятских земель. Но собранные ими сведения в дальнейшем оказались весьма полезными для енисейцев.

Однако по возвращении отряда двух атаманов в Енисейский острог стало понятным, что нечего и думать о подчинении бурятской земли, пока князец Тасей не будет приведен к покорности: перед енисейской администрацией возникла опасность объединения приангарских тунгусов. Тасей не только отказался платить ясак сам, но и интенсивно вел среди родственных ему тунгусских родовых групп антирусскую агитацию. Как позднее писал в Москву сменивший Я. Хрипунова воевода А. Ошанин, князец «Тасейко ходит по многим землицам и многую неправду своим безделием вмещает и воровство заводит великое: многих … ясашных людей своим воровским умыслом от тебя, великий государь, отговаривает и з собою на воровство взывает и многие землицы по ево злому умышленью смущаютца»[206]. Все это привело к ситуации, что молва о Тасее и его сопротивлении русским разошлась по тайге, в результате чего не только тунгусы, но уже и качинские татары и даже енисейские остяки начали говорить ясачным сборщикам обидные слова, обвиняя их в беспомощности, «что людей у царя много, а с одним мужиком управитца не умеют»[207]. Для енисейской администрации стало очевидным, что без «замирения» Тасея дальней-

---

(См.: СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 4 об.–6. № 7, 8). С.В. Бахрушин поездку А. Дубенского в Москву относил к осени 1624 г. См.: Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 17.

[205] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 4 об. № 6.

[206] Там же. Л. 13 об. № 18.

[207] Там же. Л. 13–13 об. № 18; Александров В.А. Русское население Сибири… С. 39; Окладников А.П. Очерки из истории… С. 31.

шее продвижение енисейских служилых людей в «новые землицы» невозможно.

А. Ошанин, быстро вникнув в суть проблемы, не только не отверг намерение своего предшественника организовать против князца Тасея карательную экспедицию, но и обозначил для нее более или менее конкретный срок: идти «зимним путем», ориентируясь на время, когда в острог возвращается большинство ясачных сборщиков[208]. Сохраняющийся при этом недостаток служилых людей в енисейском гарнизоне, численность которых едва превышала в то время сто человек[209], он, как и его предшественник Я. Хрипунов, решил покрыть путем привлечения к походу ясачных остяков, в памяти которых еще были свежи воспоминания о набегах тунгусов на их стойбища.

Но, как оказалось, тунгусы тоже вынашивали далеко идущие планы, помня о своих успешных набегах на левый берег Енисея десятью годами ранее. В конце 1625 г. до енисейской администрации от остяков южных волостей Енисейского Левобережья дошли сведения о том, что князец Тасей замыслил организовать лыжный поход тунгусов для захвата Маковского волока и изоляции Енисейского острога с последующим его захватом[210]. Эти же остяки сообщили и о намерении ясачного населения Тюлькиной волости весной совершить набег на Енисейский острог[211].

Если поначалу енисейская администрация, в соответствии с требованиями свыше, стремилась вернуть Тасея в ясачный платеж «приветом и ласкою», то в новой ситуации пришлось действовать более жестко: теперь поход против Тасея носил откровенно карательный характер и, как было задумано несколько ранее, кроме енисейских служилых людей в нем участвовали давние враги тунгусов – енисейские остяки[212].

---

[208] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 10 об.–11. № 16; Л. 13 об. № 18.
[209] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 113.
[210] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 10 об. № 16; Л.13 об. № 18.
[211] Там же. Л. 7, 10 об.–11. № 16; Л. 14. № 18.
[212] Там же. Л. 3. № 4; Л. 4 об. №6; Л. 9–9 об. № 14; Л. 10 об.–11. № 16; Л. 13 об. № 18; и др.; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 18–19, 29–30; и др.

В 1626 г., во время одного из таких походов выяснилось, что князец Тасей, ушедший «с товарыщи» далеко вверх по р. Чуна, убит бурятами[213]. Вскоре, уже летом 1626 г., стало понятно, что со смертью князца Тасея возглавляемое им объединение тунгусских родовых групп оказалось непрочным и распалось[214]. Но проблемы для Енисейского острога этим не исчерпались – большинство населения Приангарья необходимо было приводить в ясачный платеж вновь. Продолжали еще некоторое время поступать сведения об активности енисейских киргизов, которые, вроде бы собирались напасть на Енисейский острог. По слухам, им даже удалось склонить на свою сторону часть остяков из енисейских волостей. Однако опасения эти оказались напрасными, а слухи – преувеличенными.

В реальности грозившая Енисейскому острогу опасность летом 1626 г. отпала, и можно было вновь обратиться к проблеме замирения тунгусов и дальнейшему продвижению вверх по Ангаре. События апреля – мая 1626 года – енисейский бунт и его последствия, когда гарнизон острога во главе с атаманом В. Алексеевым выступил против воеводы А. Ошанина и его окружения (торговых людей)[215] – на некоторое время все же приостановили этот процесс. Но именно в 1626–1627 гг. в командный состав енисейского гарнизона влились люди, сыгравшие большую роль в окончательном присоединении Среднего Приангарья, а впоследствии и земель бурят и якутов к Русскому государству – ставший атаманом енисейский подьячий Максим Перфирьев и прибывший из Тобольска сын боярский Петр Бекетов[216].

После того, как нависшая над Енисейским острогом угроза нападения «иноземцев» отпала, вновь появилась возможность сбора ясака в Приангарье.

---

[213] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 29–30.

[214] Александров В.А. Русское население Сибири… С. 39.

[215] Об этих событиях см.: Покровский Н.Н. Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 24–61; Бродников А.А. О причинах и последствиях Енисейского бунта 1626 г. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 11–19; Бродников А.А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск, 2019. С 154–185.

[216] Об этом см. п. 2. настоящей главы.

Поэтому 18 июня 1626 г., из Енисейска вверх по Ангаре был отправлен небольшой отряд служилых людей во главе с М. Перфирьевым, тогда еще енисейским подьячим, прибывшим в острог, вероятно, в 1623 г. вместе с воеводой Я. Хрипуновым.

Отряд численностью в 15 человек на одном коче отправился вверх по Ангаре для сбора ясака за 1625/1626 г. «к тунгуским и к оплинским и к шаманским людем» и, уже имея сведения, полученные в 1625 г. П. Фировым и В. Алексеевым, вновь «проведывать» про лежащую выше Шаманских порогов Братскую землицу. Собственно говоря, первоначальной целью похода М. Перфирьева был сыск «изменников» чипагирских тунгусов князца Болтурина «с товарыщи», которые убили енисейских служилых людей Левку Туренинова и толмача Куземку Семенова. М. Перфирьев князца сыскал, уговорил быть «под государевою рукою» и взял с него ясак – 60 соболей и 10 шуб собольих[217].

Это был не единственный успех М. Перфирьева в том походе: он не только взял ясак с тунгусов ангарской излучины, но и смог привести вновь «под государеву руку» ранее взбунтовавшихся князцов Нижнего Приангарья – «тунгуского князца Тасея братью Иркинейка, да Лукашку (брата и сына Тасея. – *А. Б.*), которые … государю изменили … служилых людей побивали», и взять с них ясак[218]. В книгах ясачного сбора Енисейского уезда последующих лет эти князцы продолжают упоминаться в неокладных волостях [219].

Собирая ясак с тунгусов, М. Перфирьев поднялся по Ангаре до Шаманского порога, но, как и его предшественники, дальше не пошел[220]. В итоге, по оценке Перфирьева, его отряд не дошел до Братской земли расстояние всего в три дня пути. И причиной этого, по его мнению, была только небольшая численность отряда: для енисейцев стало очевидным, что труднопроходимые братские пороги с таким количеством людей перейти невозможно – слишком тяжело перетаскивать суда. Тем не менее, именно в результате этого похода в Ени-

[217] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 44. № 38.
[218] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 89.
[219] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 17. № 24; Л. 19 об. № 25.
[220] Окладников А.П. Очерки из истории… С. 33.

сейском остроге стало известно о богатстве и многолюдстве Братской земли – об этом служилым людям из отряда М. Перфирьева рассказывали шаманские тунгусы[221].

Позднее, объясняя свое возвращение, М. Перфирьев говорил енисейскому воеводе, что порог «пришел добре велик, и место пришло тесно, и поднятца по порогу было не мочно», что «люди с ним были невеликие и вода в пороге была мелка». Но был и положительный результат: от тунгусов, плативших ясак бурятам, удалось собрать более подробную информацию о живших по Ангаре бурятах. Кроме того, встретившиеся у порогов тунгусы утверждали, что буряты ждут казаков и готовы идти в подданство к «белому» царю[222]. Правда, ходившие в тот поход с М. Перфирьевым промышленные и служилые люди позднее рассказывали, что тунгусы с притоков Ангары все же отказывались давать ясак без подарков[223].

Сведения, полученные от М. Перфирьева, вдохновили воеводу А. Ошанина. Он поспешил проинформировать Москву о своем замысле на следующий год отправить «в новую землицу» большую экспедицию в количестве 60 человек[224] – то есть сразу более половины енисейского гарнизона. Для организации такого похода воеводе необходимо было собрать нужное количество служилых людей, которые почти постоянно находились «на службах». При этом необходимо было своевременно собирать ясак с уже находившихся «под высокою государевою рукою» родовых групп приангарских тунгусов.

К концу лета 1626 г. в енисейский воевода А. Ошанин получил из Тобольска распоряжение князя А. Хованского назначить на место опального атамана В. Алексеева подьячего М. Перфирьева: «да на Васкине месте в атаманех велел бы ты и енисейских стрелцов ведать подьячему Максимку Перфирьеву и государево ему денежное и хлебное жалованье давать Васкин оклад»[225]. Но

[221] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 88–90. Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. (СДИБ). Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 14–15. № 8.
[222] Окладников А.П. Очерки из истории… С. 33–34.
[223] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 174–175.
[224] Там же. С. 34.
[225] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 14 об.–15. № 20.

служилые люди решили добиваться, чтобы М. Перфирьев возглавил енисейский гарнизон и отправили в Москву коллективную челобитную с просьбой назначить его сотником на место П. Фирсова, утонувшего в Оби зимой 1625/1626 г. Аргументацией этой просьбы служило то, что М. Перфирьев имел к тому времени большой опыт общения с сибирскими «иноземцами»[226]. К тому же М. Перфирьеву «были за обычай» трудности дальних походов: в 1700 г. его сын, иркутский сын боярский Иван Максимович Перфирьев, писал в своей челобитной на имя Петра I, что его отец еще в 1600 году в качестве атамана принимал участие в походе к устью реки Таз в составе отряда князя Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова, бывших первыми мангазейскими воеводами[227]. Хотя необходимо отметить, что это единственное известное нам упоминание о столь ранней службе М. Перфирьева в командном составе служилых людей. Воевода А. Ошанин, вероятно не сомневаясь в обоснованности челобитной енисейских служилых людей и имея после недавних событий енисейского бунта личную заинтересованность в выдвижении лояльного к нему человека в командный состав гарнизона, даже успел назначить М. Перфирьева сотником, не дожидаясь из Москвы ответа на челобитную енисейских служилых людей. Во всяком случае, в отдельных документах конца 1626 г. М. Перфирьев упоминается как стрелецкий сотник[228].

Но зимой 1626 г. в Москве посчитали целесообразным назначить на должность сотника сына боярского Петра Бекетова, жившего в то время, по всей видимости, в Тобольске и не имевшего определенного занятия: согласно его челобитной о поверстании в енисейские стрелецкие сотники, он в Тобольске тогда «скитался меж двор». Положительная резолюция на челобитной П. Бекетова датирована 12 января 1627 г.[229] Учитывая возможности передвижения в условиях Сибири в XVII в., вновь назначенный стрелецкий сотник мог

[226] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 91–91 об.
[227] ГПНТБ СО РАН. Тих. Дп. XXVI 8. Л. 1.
[228] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 93–94.
[229] Там же. Л. 92–92 об.

прибыть в Енисейский острог не ранее весны 1627 г., но скорее всего – после ледохода на Оби и Кети.

Что касается М. Перфирьева, то его в Москве планировали использовать в качестве подьячего при бывшем енисейском воеводе Я. Хрипунове, который инициировал отправку вверх по Ангаре так называемой «серебряной экспедиции». 30 января 1627 г. в Тобольск была отправлена грамота соответствующего содержания за приписью дьяка приказа Казанского дворца Ивана Грязева с резолюцией: «А тому подьячему Максимку в Енисейском остроге в сотниках не бывать … того Максимка Перфирьева велено быти для убел (т. е. для подготовки чистовых вариантов документов – *А.Б.*) с собе Якову Хрипунову для сыску серебреной руды»[230]. Однако все же, пока эта экспедиция готовилась, М. Перфирьев остался на некоторое время в Енисейске атаманом.

Таким образом, ориентируясь на отправку достаточно большого отряда служилых людей в Братскую землю в 1627 г., енисейский воевода при этом должен был попутно решать проблему с наведением стабильности на ранее объясаченной территории Нижнего и Среднего Приангарья. В действительности же собрать в Енисейске в то время для отправки в поход в братские земли 60 человек было не реально. Кроме того, в отношении А. Ошанина уже велся сыск по делу о енисейском бунте 1626 г., что должно было сковывать его инициативу. Возможно, по этой причине А. Ошанину не довелось отправить запланированную им экспедицию вверх по Ангаре.

Задуманное осуществил новый енисейский воевода Василий Алексеевич Аргамаков: в конце навигации 1627 года М. Перфирьев с отрядом в 40 человек вновь отправился в поход вверх по Ангаре. Под первым братским порогом, называвшимся Шаманским, в «двух днищах» (в двух днях пути – *А. Б.*) выше Илима он поставил острожек, где енисейцы перезимовали. За зиму было объясачено несколько тунгусских родов по Ангаре и ее притокам, в том числе ранее плативших ясак бурятам. В отписке 1631 г. енисейского воеводы князя Семена Шаховского о службах М. Перфирьева говорится, что во время этого похода он

[230] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 94.

привел в ясачный платеж по Илиму тунгусские родовые группы налягов – князцов Кинегу, Балея и Курябуля; мунгулей – князца Сидека и Корока; верхних тунгусов, живущих выше Шаманского порога рядом с бурятами князца Халенгу; привел в ясачный платеж бурят-ордынцев, предводителем у которых был Чеунку. Всего с «новых землиц» удалось собрать 428 соболей, 30 недособолей, 3 шубы тунгусские собольи. И это – не считая той пушнины, что атаману удалось собрать с ранее взбунтовавшихся тунгусов[231].

Вскоре от служилых и торговых людей, посланных в 1626/1627 г. с атаманом М. Перфирьевым под Братский порог, енисейскому воеводе поступила жалоба о нападениях на них тунгусов. Вернувшись с Ангары, они рассказали о столкновениях с тунгусами, говорили: «посылал их М. Перфирьев по речкам для ясаку и тунгуские люди прошают у них подарков олова и одекую и себе корму – муки и масла и жиру. И как де им подарков олова и одекую дадут, и их накормят, и они де против того по упросу з дву или с трех семей по соболю дадут, а бес подарков ничево дать не хотят, а толко де … о ясаке с ними встречась говорить, … и они де их побивают»[232]. То есть причины нападения на русских людей тунгусов оставались все те же, что и при Тасее – тунгусы не желали платить ясак без подарков и угощения.

Однако сибирская администрация старалась до последнего соблюдать требования, изложенные в царских грамотах. Несколько ранее, несмотря на столь серьезную обстановку в приангарской тайге, тобольский воевода князь А. Хованский писал В. Аргамакову, чтобы он отправил к тунгусам человека с еще одним предупреждением о возможной посылке к ним ратных людей для расправы: «их воевати, а жон их и детей в полон имати и улусы их до конца разорить…»[233]. Но и в этой ситуации резолюция на отписке князя Трубецкого требовала от енисейского воеводы пытаться уговаривать тунгусов, а ратных

---

[231] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 17–18. № 24; Л. 44–44 об. № 38; Окладников А.П. Очерки из истории… С. 34.
[232] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 174–175.
[233] Там же. Л. 176–177.

людей на них посылать «по самой конечной неволе», при этом «преж уговору задиратца с ними отнюдь не велеть»[234].

Ориентируясь на приходящие инструкции, В. Аргамаков писал в течение зимы 1627/1628 г. под Братский порог М. Перфирьеву о необходимости продолжения попыток мирного урегулирования отношений с тунгусами, чтобы он со служилыми людьми тех тунгусов уговорил, а убийц русских людей прислал в Енисейский острог.

Сразу после ледохода 1628 г., еще остававшийся в Енисейском остроге атаманом М. Перфирьев с группой служилых людей, оставив часть своего отряда в острожке на Ангаре, построенном по осени под Братским порогом (Шаманским. – *А. Б.*), возвращался в Енисейск. Проплывая мимо местечка, под названием Рыбная Ловля, служилые всего за три дня пути от Енисейского острога («за 3 днища») увидели на берегу тунгусов и решили взять с них ясак[235]. Вступив в переговоры, енисейцы пытались уговорить «иноземцев», чтобы те не «изменяли» и ясак платили. Одновременно служилые потребовали от тунгусов выдачи тех людей, которые годом ранее «побили» Леонтия Туренинова и Кузьму Семенова и дали в аманаты «лутчих людей»[236]. В результате между служилыми людьми и тунгусами произошла очередная вооруженная стычка. Князцы Иркиней, Боткей и Лукашка Тасеев со своими людьми, общей численностью свыше двухсот человек[237], как оказалось, целенаправленно «приманили» к себе енисейских служилых людей обещанием дать ясак, но, «забыв к себе государеву милость и свою правду, на чом они государю шертовали», стали стрелять в русских из луков. Среди енисейцев 11 человек было ранено, стрелец Поспел Никитин убит. Сам М. Перфирьев в том бою получил несколько ран: ему стрелами пробили насквозь обе руки и прострелили левое

[234] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 174 об., 175 об., 176 об.
[235] По версии самого М. Перфирьева, тунгусы приманили их к себе обещанием дать ясак. См.: СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 46. № 38.
[238] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 209.
[237] М. Перфирьев определял численность напавших тунгусов более чем в 300 человек: «человек с 300 и болше». См.: СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 46. № 38. А.П. Окладников также определяет численность напавших тунгусов в 300 человек. См.: Окладников А.П. Очерки из истории… С. 35.

бедро. Раны, полученные им в этом бою, были настолько серьезными, что и летом 1631 г. Максим все еще не владел правой рукой[238].

Так как силы были явно неравные, служилым людям пришлось уходить[239]**.** Указанная численность нападавших тунгусов представляется вполне реальной: пятнадцатью годами ранее другой нижнеангарский князец Данул также собирал большое количество воинов, готовясь к нападению на остяцкие ясачные волости[240]. Родственные отношения князцов Иркинея, Боткея и Лукашки Тасеева не вызывают сомнения: зафиксированные в источниках места их пребывания постоянно пересекаются[241].

Таким образом, 16 мая 1628 г. атаман Перфирьев и его люди вернулись в Енисейск перераненными. В приказной избе они рассказали обо всем случившемся. Но и в этой ситуации В. Аргамаков не решился без государева указу послать служилых людей войной на тунгусов[242].

Однако сохранявшиеся напряженные отношения с приангарскими тунгусами не помешали енисейскому воеводе вновь отправить под братские пороги отряд служилых людей, на этот раз во главе со стрелецким сотником П. Бекетовым. Как и у М. Перфирьева, отряд был небольшой численности. Участники похода до ледостава успели собрать некоторое количество ясака с приангарских бурят. Причем буряты дали ясак, со слов Бекетова, «без войны»[243], но в небольшом количестве, так как «не ждали к себе служилых людей и соболей пасли (т. е. выслеживали – *А.Б.*) мало». Но предложили приходить к ним «на весну». Эти же буряты предупредили енисейцев, что не следует им сейчас ходить в улусы на Оку, так как путь «последний» – дойти в те места до ледостава они уже не успеют[244].

---

[238] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 44 об.–45. № 38.
[239] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 178; Окладников А.П. Очерки из истории… С. 35.
[240] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 48, 244, 247–248. № 79, 83.
[241] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 17–17 об., 19 об., 29 об. № 24, 25, 30.
[242] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 177–179.
[243] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 26. № 28.
[244] Там же. Л. 142 об. № 93.

Но в 1629 г. деятельность енисейской администрации и служилых людей в направлении расширения территории уезда вновь замедлилась. На наш взгляд, связано это было, с одной стороны, с тем, что тобольская администрация, не имея четкого представления о реалиях на восточных границах русских владений в Сибири, пыталась возложить на енисейцев обязанности по обеспечению сначала, зимой 1628–1629 г., транспортировки хлебных и соляных запасов красноярского гарнизона, а вслед за этим, в 1629 г. – обеспечения продвижения «серебряной экспедиции» Я. Хрипунова по Ангаре[245].

Кроме того, в 1629 г. вновь серьезным образом осложнились взаимоотношения с население Приангарья в результате действий красноярских казаков, которые, взбунтовавшись, совершили грабительский поход по Ангаре до самых братских порогов[246]. Более того, перед этим, в середине июня 1629 г., была пресечена попытка захвата Енисейского острога красноярцами (а дело принимало именно такой оборот. – *А. Б.*). Не сумев захватить Енисейский острог, красноярские казаки и прошлись по берегам Ангары, грабя промышленных людей – забирая их продовольственные запасы, пушнину, оружие и т. д. Те же самые действия они совершали и в отношении тунгусов, а затем и бурят, которые уже начинали платить ясак.[247]

Летом 1629 г. из Енисейска были послан по притоку Ангары р. Тасеевой и по р. Чуне (так эта река называется выше места впадения в нее р. Бирюсы. – *А. Б.*) пятидесятник В. Черменинов с отрядом в 20 человек к бурятским князцам Кохоне и Кадыму и «для прииску» других «новых землиц», с которых прежде енисейские служилые люди ясак не брали[248]. 9 сентября 1629 г. отряд вернулся в Енисейский острог. Ясачные сборщики привезли с собой тунгуса Сивоулка Теминова и рассказали, что жившие недалеко от устья р. Тасеевой тунгусы

---

[245] От этом см.: Бродников А.А. Серебряная экспедиция Я.И. Хрипунова (1627–1630 гг.) // Провинция в русской культуре. II Ремезовские чтения 2005. Новосибирск, 2008. С. 367–380; Бродников А.А. Енисейск и Енисейский уезд... С 284–326.

[246] Окладников А.П. Очерки из истории… С. 44–56; Павлинская Л.Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб., 2008.

[247] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 24–28 об. № 28.

[248] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 371.

ушли из тех мест. Причиной их ухода явилось нападение на них красноярских казаков, проходивших в июле – августе 1629 г. вверх по Ангаре и грабивших всех на своем пути. У тунгусов «качинские служилые люди» забрали не только пушнину, подготовленную для уплаты ясака в Енисейский острог, но и заготовленные на зиму запасы продовольствия. Прибывший с енисейскими ясачными сборщиками тунгус бил челом с просьбой защиты, «чтобы их оборонить от качинских служилых людей и впредь им не велеть по Тунгуске ходить». В последовавшей затем отписке воеводы В. Аргамакова в Москву подчеркивалось, что все тунгусы с рек, впадающих в Тунгуску (Ангару) платят ясак в Енисейский острог со времени его основания – «с того времени как он стал»; в результате же разбойничьих действий красноярских казаков, прошедших с грабежами по берегам Ангары, в 1629/1630 г. ожидается существенное сокращение поступлений в государеву казну пушнины: «будет убыль великая в ясачном сборе и в десятой пошлине»[249].

Но на этом проблемы енисейской администрации и ясачных сборщиков не закончились. Организованная по инициативе бывшего енисейского воеводы Я. И. Хрипунова «серебряная» экспедиция также внесла свой в клад в дело дестабилизации обстановки в Приангарье. Собранные для участия в этом походе из гарнизонов разных сибирских городов служилые люди не очень то и стремились подчиняться своему предводителю. Да и цель похода, по всей видимости, не особенно их интересовала. Вероятно, что и сам Я. Хрипунов, добравшись со своей экспедицией до устья Илима, понял бесперспективность своей затеи. Во всяком случае, совершенно очевидно, что и служилые люди, и сам воевода сосредоточились на добыче пушнины[250]. Енисейский воевода В. Аргамаков, судя по всему, предвидел такое развитие событий уже в январе 1629 г., после того как Я. Хрипунов «в Маковском острожке у <енисейских> служилых людей от-

[249] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 37–37 об. № 35.
[250] По мнению А.П. Окладникова, в этом и была истинная цель экспедиции. См.: Окладников А.П. Очерки из истории… С. 48–51.

нял насилством» калмыцкого толмача [251]. Отправляя 29 января 1629 г. из Енисейска память П. Бекетову, Аргамаков дал тому указание поставить в устье Илима острог со всеми укреплениями, «чтоб Яков Хрипунов Илим реки не отнял и ясаку по Илиму збирать не послал»[252].

Енисейский воевода оказался совершенно прав. Позже стало известно, что некоторые из участников «серебряной» экспедиции вместе с красноярцами пограбили и погромили окинских бурят. Затем, когда всем стало понятно, что продовольственных запасов хрипуновцев, в случае зимовки вместе с ними красноярских казаков, на всех не хватит, часть красноярцев и некоторые из подчиненных Я. Хрипунова, взяв свою долю награбленного имущества, решили вернуться в города Западной Сибири. В результате их похода на Средней Ангаре вновь началось возмущение аборигенного населения[253].

Когда в Енисейский острог привезли пленных бурят, захваченных в результате разбойничьих действий красноярских казаков и участников «серебряной» экспедиции Я. Хрипунова, воевода князь С. Шаховской распорядился взять их на аманатский двор и кормить из красноярских запасов[254].

Но и после участия служилых людей своего отряда в инициированном красноярцами набеге на бурят Я. Хрипунов продолжал вмешиваться в процесс сбора ясака в этом районе. 21 октября 1629 г. енисейский стрелецкий десятник Василий Бугор с еще одним служилым человеком и с толмачом отправились для сбора ясака на р. Куту. С ними вместе пошли люди Я. Хрипунова: два человека из числа служилых да толмач. Вместе они взяли ясак с ранее объясаченного енисейцами князца Акинеги и с новой группы тунгусов, «новых людей сатягов». Но на р. Игирме люди Хрипунова весь ясак сборщиков забрали и унесли в Илимское (Усть-Илимское, на Ангаре – *А.Б.*) зимовье, где руководитель «серебряной» экспедиции определил, кому что оставить. В результате взятые с

---

[251] Когда русские служилые люди впервые столкнулись с бурятами и выяснили, что язык у них близок калмыцкому, енисейские воеводы тут же запросили в Тобольске толмача со знанием калмыцкого языка.
[252] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 142 об.–143 об. № 93.
[253] Окладников А.П. Очерки из истории… С. 44–56.
[254] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 42–42 об. № 36.

тунгусов-налягов две собольих шубы Яков оставил себе, хотя, по мнению енисейцев, вся собранная пушнина должна была быть поделена поровну, так как ходили ее собирать вместе – «за един человек»[255].

Таким образом, в результате разбойничьих действий красноярцев и хрипуновцев на окраинных владениях Русского государства перед енисейской администрацией вновь возникла необходимость «замирения» «иноземцев», с которыми вроде бы уже удавалось устанавливать мирные отношения.

14 марта 1630 г. были отправлены в Братскую землю для решения проблемы замирения бурят енисейские служилые люди десятник Вихорко Савин и стрелец Сидорко Аникеев[256]. 8 апреля они пришли к устью р. Илим, где ранее отрядом Я. Хрипунова было поставлено зимовье. М. Перфирьев, принявший на себя после смерти Я. Хрипунова (скончался 17 февраля 1630 г.)[257] не столько командование его отрядом, сколько обязанность по сохранению остатков имущества экспедиции, поставил их к себе на подворье. В. Савин и С. Аникеев по поручению енисейского воеводы князя С. Шаховского должны были с несколькими пленными бурятами, захваченными по осени красноярскими казаками и отобранными у них в Енисейске по приказу воеводы, побывать в бурятских улусах и в качестве своих добрых намерений сказать государево жалованное слово и представить бурятам пленников, чтобы те подтвердили, что в Енисейске с ними обращаются хорошо, а красноярцы действовали не по государеву указу. Однако в зимовье из-за пленников вспыхнул конфликт: часть участников «серебряной» экспедиции высказалась за необходимость отобрать у енисейцев пленных. В итоге дошло до драки, в ходе которой одного бурятского подростка убили ослопом. А привезенные из Енисейска две бурятки подверглись групповому изнасилованию[258].

---

[255] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 31. № 32.
[256] Дата их отправки указана в отписке С. Шаховского томскому воеводе князю Петру Ивановичу Пронскому. См.: СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 32. № 34.
[257] Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. III. С. 46.
[258] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 29 об.–30 об. № 31.

Когда В. Савин и С. Аникеев наконец-то пришли к бурятам, князец Баракан увез Вихорка к себе в улус, а Сидорка сначала также «свезли» в другой улус, но затем отпустили. Вернувшись в Енисейский острог, С. Аникеев сказал, что буряты оставили у себя В. Савина в заложниках до того времени, пока из Енисейского острога отпустят их жен, детей и шамана. Но вскоре после Аникеева в Енисейск пришли с Лены служилые люди с В. Бугром и сказали со слов, проживающих под Братским порогом тунгусов, что тот бурятский князец Бурукан Вихоря Савина у себя в улусе убил, а за Сидором Аникеевым они хотели гнаться, но его не дал убить другой бурятский князец Кодогон – спровадил его из своего улуса к ясачным тунгусам[259].

Вопрос с замирением бурят необходимо было решать. Правда, только 3 августа 1630 г. енисейский воевода князь С. Шаховской послал в Братскую землю бывшего подьячего экспедиции Я. Хрипунова М. Перфирьева, вновь назначенного им атаманом, и десятника Семена Родюкова с отрядом в 30 человек и с ними трех братских ясырей – «робят» (подростков). Целью этого похода было отодвинуть границу русских владений на юг, что обеспечило бы большую безопасность Ленскому волоку. Поэтому енисейский воевода велел участникам похода поставить под Братским порогом острог, хорошо его укрепить и только после этого отправить к бурятам верных тунгусов, живущих поблизости от бурят и «государю которые прямят», чтобы звали бурятских князцов в этот острог. Когда князцы и «лутчие люди» приедут в острожек, Максиму велено взять их в аманаты, а взятых ранее красноярцами в плен детей отпустить. Приглашенных требовалось привести к присяге на верность государю – взять «шерть». Что касается убийц Вихоря Савина, то вместо карательного похода было решено потребовать, чтобы буряты сами меж себя их нашли и привели в острог к М. Перфирьеву и С. Родюкову[260].

25 октября 1630 г. в Енисейском остроге была получена отписка «из-под Братского порога» из Илимского острожка, «где стоял наперед сего

[259] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 33. № 34.
[260] Там же. Л. 33–33 об. № 34.

Я. Хрипунов». М. Перфирьев и С. Родюков писали, что ходили они в легких стругах из-под Братского острога к бурятам до устья р. Геи. Не доходя мест проживания бурят, послали к ним ясачного тунгуса Халнику: позвать их в новый острожек. Князцы Кодогун и Кодогур, которые и ранее ясак платили, приехали по первому зову. В качестве ясака они дали только 15 соболей, объясняя отсутствие пушнины набегом красноярцев: люди они грабленые, в прошлом году не промышляли, опасаясь набегов со стороны русских – «жили в побегах блюдяся от служилых людей досталново раззоренья». Но ближе к весне князцы обещали заготовить нужное количество пушнины: «А ныне зимою учнут они братцкие люди государевым ясаком промышлять и весною ясак дадут сполна». Бурятские князцы просили предводителей отряда отдать им пленных. М. Перфирьев решил не рисковать, но для демонстрации своих честных намерений отдал князцам одного заложника. Он, как сказано в источнике, «для веры отдал им одново парня Ивашка Грошева сына для веры и для приучки», а сына и дочь князцов вновь оставил у себя. Говорил Максим с бурятами и о розыске убийц Вихоря Савина. На что князец Кодогон сказал, что князец Баракан сейчас недоступен – откочевал из своих жилищ «на степь от их далече»: «для того, что блюдетца де на себя от служилых людей приходу». А убил Вихоря брат Бараканов, который «напился пьян»[261].

Начав устанавливать с бурятскими князцами мирные отношения, М. Перфирьев сообщил об этом в Енисейск, добавив, что весной, как только реки освободятся ото льда, они пойдут поближе к братским улусам и поставят еще один острог и возьмут аманатов. Однако атаман отнюдь не почивал на лаврах, понимая, что проблемы во взаимоотношениях с местным населением накопились достаточно серьезные и для окончательного закрепления в этом районе требуется больше людей, чем посылалось до сих пор. Учитывал М. Перфирьев и проблему отдаленности от уездного центра, которая создавала необходимость периодической отправки туда людей из планируемого острожка: «У них убудет в отсылку в Енисейской острог … с ясашною казною и с от-

[261] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 33 об.–34 об. № 34.

писками шесть человек». Атаман также просил весной по первой воде прислать к ним замену и запасы, «чтобы де им сидеть в острожке от брацких людей было бесстрашно, и голодною смертию не помереть»[262].

Что касается расследования убийства В. Савина, М. Перфирьеву удалось выяснить, что у князца Баракана были собственные причины мстить русским – его ранили красноярские казаки «на бою». Тем не менее, встреча с бурятскими князцами и здесь принесла некоторый положительный результат: Кодогун обещал атаману призывать Баракана в острог. Прибывшие для переговоров князцы должны были остаться довольны: М. Перфирьев и С. Родюков в соответствии с государевым указом и наказом воеводы их накормили и напоили «довольно» и отпустили в свои улусы[263].

Предполагаемое строительство острога, который выполнял бы не только роль опорного пункта Енисейского уезда на границе с Бурятской землей и должен был иметь постоянно находившихся там годовальщиков, но и надежно прикрывал бы вновь открытый енисейцами Ленский волок, требовало серьезного увеличения енисейского гарнизона. Выше говорилось, что воевода А. Ошанин и служилые люди еще в 1626 г. обращались в Москву с просьбой об увеличении численности служилых людей в Енисейске. Писал об этой проблеме и В. Аргамаков. Но только в 1631 г. у енисейской администрации появилась реальная возможность отправлять во вновь построенные острожки и на Лену более многочисленные, чем ранее, отряды.

Таким образом, М. Перфирьев, посланный в Братскую землю «для уговору» бурят после «войны» Я. Хрипунова и красноярцев и «острожной ставки», выполнил все, что было поручено ему воеводой: «уговорил» бурятских князцов Кодогоня, Кодогора, Баратая, Уныгевея, взял с них ясак 183 соболя и острог поставил в «крепком и угожем» месте. Даже князца Маярахана (брата Баракана), который убил Вихоря Савина, «уговорил» вернуться в ясачный платеж. С

[262] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 35. № 34.
[263] Там же. Л. 34 об.–35. № 34.

тунгусов за время пребывания у устья Илима он взял 127 соболей[264]. Дождавшись прибытия в новый острожек смены – отряда В. Москвитина, М. Перфирьев вернулся в Енисейский острог 18 июня 1631 г.[265] Именно его действия на Средней Ангаре определенным образом стабилизировали обстановку: взаимоотношения с тунгусами и окинскими бурятами уже не носили столь конфронтационного характера, что позволило енисейской администрации и служилым людям заняться освоением территорий по Лене.

Казалось бы, выход русских служилых людей к Енисею и строительство Енисейского острога должны были обеспечить довольно легкое подчинение русской администрации обширных территорий енисейского Правобережья и Приангарья, тунгусское население которых не находилось в чьей-либо данни-ческой зависимости. Первые несколько лет так и происходило – тунгусские князцы довольно легко согласились платить ясак. Однако уже через несколько лет они, не получая от ясачных сборщиков товары и угощение, начали оказывать русским служилым людям довольно упорное сопротивление, причина которого последним несколько лет оставалась непонятной. С точки зрения русских ясачных сборщиков, эти подарки – «государево жалованье» – были лишь поощрением за вступление в ясачный платеж, в то время как для тунгусов это было обычным обменом товара на товар. В результате енисейской администрации пришлось прилагать значительные усилия для «замирения» ранее уже приведенных «под государеву руку» тунгусских родовых групп. В конце 20-х гг. XVII столетия проблема взаимоотношений ясачных сборщиков и аборигенного населения вновь была обострена действиями взбунтовавшихся красноярских казаков и служилых людей из отряда Я. Хрипунова.

В северной части Енисейского уезда в первой половине 20-х гг., где процесс объясачивания тунгусского населения проходил вроде бы легче, енисейские ясачные сборщики столкнулись с конкуренцией со стороны служилых людей из некоторых уездных центров Западной Сибири, и проблему прав на эти

[264] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 45–46. № 38.
[265] Там же. Л. 47–48. № 39.

территории пришлось решать при посредничестве московских чиновников и тобольской администрации.

2.2. Енисейский гарнизон и его командный состав в 20-е гг. XVII в.

В первые годы существования Енисейского острога службу в нем несли присылаемые из разных городов Западной Сибири «годовальщики», пребывание которых в новом острожке должно было ограничиваться одним годом. Причем это могли быть не только русские служилые люди. Согласно некоторым источникам, в отрядах П. Албычева и Ч. Рукина, а затем и М. Трубчанинова были кодские остяки (ханты), отправленные к ним кодским князем Михаилом Алачевым по приказу тобольского воеводы князя И.С. Куракина[266].

Тем не менее, необходимо отметить, что с первых лет существования Енисейского острога его администрация сталкивалась с проблемой недостатка служилых людей. При этом тобольские власти были вынуждены подключаться к решению проблем нового острога. После того как тунгусы едва не помешали П. Албычеву и Ч. Рукину в 1619 г. поставить острог, в Тобольске сочли необходимым оперативно реагировать на тревожные сигналы из Енисейска о возможной опасности. Осенью 1620 г. енисейский приказной человек сын боярский М. Трубчанинов информировал тобольского воеводу Матвея Годунова о поступившем ему от остяков Кузнецкой волости сообщении, что «тунгуские многие люди с рек с Пити, с Тысу, с Елеку, с Харчика и иных речек пошли на сход на большую реку на Верхнюю Тунгуску; а что у них за дума, тово не ведает»[267]. Скорее всего, это родственные группы приангарских тунгусов собирались на свой обычный ежегодный праздник – суглан[268] и не представляли для Енисейского острога никакой опасности. Но тобольские власти решили подстрахо-

[266] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 668. Примечание А.И. Андреева.
[267] Там же. С. 298. № 152.
[268] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 202, 203.

ваться и обязали томского воеводу Максима Радилова весной 1621 г. отправить в Енисейск 40 человек томских служилых людей, чтобы те могли обеспечить безопасность острога, пока енисейские служилые люди будут собирать ясак по территории уезда: «...в великое говенье для обереганья в Енисейской острог на время, покаместа государев ясак зберут, чтоб к Енисейскому острогу тунгуские люди не пришли и над острогом дурна какова не учинили»[269]. Получается, что предполагаемая опасность была обнаружена в 1620 г., но предотвращать ее было решено через год. У нас нет сведений о том, отправлялась ли эта запоздалая помощь из Томска в Енисейск. Но проблема недостатка служилых людей во вновь образованном уездном центре была очевидной.

Однако первый «свой» гарнизон в Енисейске был сформирован, судя по всему, только с началом воеводского управления – с прибытием в острог первого воеводы Я.И. Хрипунова[270]. В коллективной челобитной енисейских служилых людей, составленной осенью 1625 г. енисейские стрельцы сообщали, что для службы в Енисейском остроге они были «прибраны» в Тобольске: «По твоему государеву указу прибраны мы, холопи твои, в Тоболску в Енисейской острог в служивые людишки в стрелцы вновь и велено нам, холопем твоим, твоя государева служба всякая служити струговая и пешая»[271]. Казалось бы, текст этого документа свидетельствует, что с 1623 г. весь енисейский гарнизон состоял из «прибранных новоявленно» (т. е. ранее не служивших) в Тобольске стрельцов. Но, тем не менее, необходимо отметить, что, по сведениям А.Н. Копылова, ко времени прибытия в Енисейск Я. Хрипунова в остроге уже находилось 27 «жилецких» служилых людей (т. е. проживающих постоянно). А вслед за первым воеводой в острог должны были прибыть только 23 человека «новоприборных», набранных в Тобольске. При этом, по мнению историка, в Енисейск продолжали присылать на годовую службу по 90 человек из гарнизонов западносибирских городов и только к 1626 г. енисейский гарнизон стал

[269] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 298. № 152.
[270] Я.И. Хрипунов прибыл в Енисейский острог 1 апреля 1623 г. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 350.
[271] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 113.

насчитывать 100 человек[272]. Но упомянутая выше челобитная опровергает такую точку зрения, так как ее содержание свидетельствует о том, что гарнизон насчитывал 100 человек, по крайней мере, к лету 1625 г., и в его командном составе были сотник, два атамана и два пятидесятника, а свои службы стрельцы описывают, начиная с 1623 г.[273] Кроме того, если воевода Я. Хрипунов имел возможность уже летом 1623 г. отправить вверх по Ангаре отряд численностью в 50 человек[274], то явно, в его распоряжении оставалось достаточно людей для сбора ясака в других волостях Енисейского уезда и для выполнения караульной службы в самом Енисейском остроге. А в 1625 г. Я. Хрипунов отправил в один день, 30 мая, отряд численностью в 40 человек во главе со стрелецким сотником П. Фирсовым и атаманом В. Алексеевым вверх по Ангаре «в Брацкую землю» и отряд численностью в 25 человек во главе с атаманом В. Тюменцом вверх по р. Бирь (которая вскоре стала называться р. Тасеева. – *А. Б.*) к князцу Тасею[275]. Сам острог при этом не мог быть оставлен без служилых людей, хотя бы в небольшом их количестве. А ведь у служилых людей были и другие обязательные «службы», на которые воевода не мог их не отправить.

При стремительном расширении территории уезда уже Я. Хрипунову было очевидно, что ста человек служилых людей в енисейском гарнизоне совсем не достаточно. Об этом и сам воевода, и енисейские служилые люди писали в Москву. Позднее, в 1626 г., уже в Москве, в Приказе казанского дворца, Я. Хрипунов подтвердил необходимость увеличения численности енисейского гарнизона до 300 человек[276]. Между тем о необходимости увеличения численности служилых людей в Енисейском остроге вскоре по прибытии к месту службы, в августе 1625 г., писал сменивший Хрипунова на воеводстве А. Ошанин[277]. В Приказ эта отписка поступила только 25 мая 1626 г.[278] Но по-

[272] Копылов А.Н. Русские на Енисее... С. 32.
[273] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 113–117.
[274] Там же. Л. 354 - 364.
[275] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. № 4. Л. 3; № 6. Л. 4–4 об.
[276] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 125–126.
[277] Там же. Л. 107–117.
[278] Там же. Л. 123.

ступившие от прибывших с Ангары служилых людей сведения подтолкнули А. Ошанина уже через пару месяцев отправить в Москву еще одну отписку, в которой он также высказал просьбу об увеличении численности гарнизона до 300 человек[279]. Свое новое обращение о необходимости увеличения численности гарнизона Енисейского острога воевода Ошанин обосновывал возможностью, в этом случае, подчинения русской администрации бурятских земель[280].

По имеющейся у него инструкции, воевода Ошанин должен был, в случае надвигающейся на Енисейский острог опасности, сообщать об этом в Тобольск, чтобы разрядные воеводы могли своевременно оказать Енисейску вооруженную помощь, – показательный момент, говорящий о том, насколько хорошо в Москве представляли сибирские реалии. Тобольские воеводы, судя по всему, также имели подобные указания: летом 1626 г. А. Ошанин получил от тобольского воеводы князя А.А. Хованского отписку, в которой тот извещал его о полученных от кетского воеводы Ивана Кологривова сведениях о появлении под Маковским волоком («пришли под Намацкой острог на волок, что промеж Енисейского и Намацкого острогу») противника: пришли «изменники, тутошных околных землиц люди войною». Тобольский воевода информировал своего енисейского коллегу о предпринятых действиях: «И по тем вестям посланы для того ис Тобольска многие ратные люди в Енисейской острог с нарядом, да с ними ж послано зелье и свинец, да ис Томскова города велено послати многих людей с огненным боем тотчас»[281].

У нас нет сведений, добралась ли эта подмога до Енисейска, и если добралась, то в какое время. Никакого нападения со стороны аборигенного населения ни на волок, ни на Енисейский острог в 1626 г. не произошло. Но при реальном нападении противника на Енисейск пришедшая через несколько месяцев подмога стала бы бессмысленной. Это было очевидно для енисейцев и раньше, не случайно еще в своей осеней (1625 г.) отписке в Москву енисейский воевода выказывал обеспокоенность: если ему писать «из Енисейского острогу

[279] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. № 18. Л. 12–12 об.
[280] Там же. Л. 12 об.
[281] Там же. № 22. Л. 15 об.

в Тоболеск об людех по вестям (т. е. при получении информации об угрозе острогу. – *А. Б.*), и те... люди ис Тоболска в Енисейской острог не поспеют и в год»[282]. Тем не менее, проблема острого недостатка служилых людей в Енисейском остроге еще несколько лет не решалась.

Однако обращает на себя внимание, с какой стремительностью происходило продвижение отрядов енисейских служилых людей вверх по Ангаре в 20-е гг. XVII столетия. Для нас совершенно очевидно, что, несмотря на малочисленность гарнизона, значительную роль в этом играли личные качества представителей командного состава енисейского гарнизона.

Принятая в XVII в. система организации воинских людей основывалась на десятичном принципе. Самым малым подразделением был десяток во главе с десятником. Пять десятков объединялись под руководством пятидесятников и назывались пятидесятнями. Во главе сотни стоял сотник, назначавшийся, как правило, из детей боярских. В Енисейском остроге первым сотником был атаман Поздей Фирсов. Вторым, если не считать занимавшего эту должность очень короткий промежуток времени – лишь несколько месяцев – Максима Перфирьева, был сын боярский Петр Бекетов. В Енисейске, и это уникальная ситуация среди сибирских гарнизонов, в первые годы существования собственного гарнизона численностью в сто человек, было сразу три старших офицера – стрелецкий сотник и два атамана[283]. Если ориентироваться по окладным книгам, атаманы должны были занимать положение ниже сотника, но разницу в их положении выявить проблематично: функции они выполняли одинаковые – возглавляли отправляемые из Енисейского острога отряды служилых людей. Что касается их окладов, то у появившегося в Енисейском остроге несколько позднее атамана Ивана Галкина был самый высокий оклад среди служилых людей енисейского гарнизона [284]. Возможно, сотник стрелецкий отвечал за общую организацию воинской службы в Енисейском остроге, а атаманы, пока енисей-

[282] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. № 18. Л. 12–12 об.; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 111.
[283] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 113.
[284] Например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 305, 313.

ский гарнизон насчитывал только 100 человек стрельцов, возглавляли отряды служилых людей при их отправке в «новые землицы».

Каждый командный чин полностью отвечал за свое подразделение. При этом, когда происходило образование нового подразделения, то все служилые одного десятка писали «поручные записи», что будут удерживать друг друга от всякого «воровства». Под «воровством» подразумевалась растрата полученного государева жалованья не по назначению, т. е. не для подготовки к предполагаемому походу, если такой намечался. Во избежание бегства служилых людей со службы предусматривалась целая процедура их оформления, «прибора» на службу. При зачислении на службу нового служилого человека представители его десятка должны были составить «поручные записи», по которым они несли ответственность за вновь принятого. Если формировалось подразделение из новичков, то заключалась круговая порука всего десятка. Только после этого имя вновь принятого на службу заносилось в «имянной список»[285].

Командный состав должен был следить и за тем, чтобы в их подразделениях не было пьянства, зерни (очень распространенный в XVII в. вид азартной игры. – *А. Б.*), блуда и тому подобных порочных явлений. Начальники должны были обо всем криминальном немедленно сообщать воеводам. В том случае, если они покрывали нарушителей, им грозил штраф и даже телесное наказание, что очень широко использовалось в практике того времени. Естественно, ни десятники, ни тем более пятидесятники, которые были в числе первых претендентов на чин атамана, не хотели терять свои должности и расположение к ним со стороны воевод.

Выше говорилось, что в Енисейске с образованием своего гарнизона в командном составе числились один сотник, два атамана, два пятидесятника. Количество десятников колебалось по причине периодических потерь в их составе, а вот на вакансии сотника и атаманов желающих было предостаточно, в том числе и за пределами енисейского гарнизона.

---

[285] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 339. Л. 228.

Сотник П. Фирсов, по всей видимости, был прислан в Енисейский острог целенаправленно, чтобы возглавить гарнизон – стрелецкую сотню. Что он и делал до самой своей смерти зимой 1625/1626 гг., когда утонул в Оби, возвращаясь из Томска в Енисейск[286]. А как и для чего в остроге на Енисее оказались атаманы Василий Алексеев Новоторженин и Василий Андреев Тюменец – загадка. При имевшемся до начала 1630-х гг. штате служилых людей, которых возглавлял стрелецкий сотник, два атамана были явно лишними. Можно только предполагать, что в Тобольске или даже Приказе Казанского дворца еще в начале 20-х гг. возникла мысль довести енисейский гарнизон до 300 человек, но по какой-то причине пришлось реализацию этого решения отложить до лучших времен. Во всяком случае, следует обратить внимание на то, что первые енисейские воеводы в своих отписках просили увеличить гарнизон именно до 300 человек[287].

Каким образом и почему атаман В. Алексеев попал в Енисейский острог и где служил ранее, нам неизвестно. Но это был уже весьма опытный и авторитетный в глазах служилых людей воин и предводитель. В известной нам документации по Енисейску он упоминается с 1624 по 1626 г., и сведения о нем прекращаются после того, как он, будучи главным зачинщиком бунта против воеводы А. Ошаина, осенью 1626 г. был вызван в Тобольск для сыска по этим событиям[288].

Другой енисейский атаман – В. Тюменец, не менее опытный воинский предводитель, чем В. Алексеев, отметился в источниках более раннего времени. По имеющимся сведениям, в 1616 г. В. Тюменец, будучи атаманом г. Тара, возглавлял русское посольство Монголию к Алтын-хану. Вместе с тарским же десятником «литовского списку» Ивашкой Петровым они, пройдя через земли енисейских кыргызов, пересекли территорию нынешней Тувы, добрались до

---

[286] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 92.
[287] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. № 18. Л. 12.
[288] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 481–482; СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. № 20. Л. 14 об.–15.

ставки Алтын-хана, где удостоились приема монгольского правителя[289]. Позднее, уже в Москве, В. Тюменец сделал описание всего пути и церемониала во время приема у хана[290]. Казак Т. Иванов, также бывший участником этого посольства, на обратном пути заболел и остался в Томске. Позднее он жаловался, что Тюменец и Петров во время своего пребывания в Москве были удостоены государева жалованья, а он нет[291]. За успешное посольство к влиятельному монгольскому правителю В. Тюменец и И. Петров, действительно, были щедро награждены: атаман получил 15 руб. деньгами, десятник – 13 руб., оба получили по чарке стоимостью в 2 руб., несколько видов тканей: «да по камке, да по тафте, да по 2 сукна добрых лундышных»[292]. Получили они и другое материальное поощрение за свою успешную службу: «да им же прибавлено к старым их окладом к денежному окладу по рублю, к хлебному, ко ржи, х крупам, к толокну по чети»[293]. Кроме этого, во время приема у Алтын-хана участники посольства понесли издержки, преподнеся «Алтыну царю» подарки из своих средств – сабли и «самопалы» – фитильные ружья[294]. Поэтому за понесенный «изрон» им была выдана компенсация: Тюменец получил 19 руб., а Петров – 15руб.[295] Поскольку в 1637 г. в Москве самопал стоил 1 руб. 11 алтын[296], получается, что монгольский правитель получил в подарок от русских посланников не менее десятка ружей, что для кочевников представляло большую ценность.

Упоминание имени В. Тюменца имеется в документах г. Тара и более позднего времени. Как оказалось, в 1629 г. в Таре место атамана все еще пустовало: в том году некто неверстанный и беспоместный Евсейка Микифоров сын Поливанов, обратившись в приказ Казанского дворца, просил поверстать его «на выморочное место на Таре на Васильиво место Тюменцово. А тот Василей

---

[289] Банников А.Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. М., 1949. С. 4.
[290] Там же. С. 15.
[291] РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 477. Ч. I. № 1. Л. 39–39 об.
[292] Лундыш – сорт английского сукна (от названия г. Лунд).
[293] РГАДА. Ф. 126. Д. 2. Л. 281.
[294] См.: Даль В. Толковый словарь… Т. 4. С. 134.
[295] РГАДА. Ф. 126. Д. 2. Л. 281.
[296] Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 72. Л. 54–56, 61.

был на Таре в отаманех у казаков. А ныне тот Василей сведен в тунгусы на житье, а на иво место ни хто не пущон»[297].

О челобитье Е. Поливанова было доложено государю. В подготовленной для доклада выписке сказано, что в приказе Казанского Дворца в тарских окладных книгах 134 г. (1625/1626), присланных из Тобольска после московского пожара 1625 г., когда сгорели почти все сибирские дела, имя атамана В. Тюменца, на чье место Поливанов «бьет челом», действительно «не написано». Челобитчик дал объяснение и по этому поводу: «И у выписки челобитчик Евсевей Поливанов сказал, что тово Василья Тюменца в тарских в окладных книгах не написано потому, что он с Тары переведен в Енисейской острог тому лет з десять. А на ево место иной ни хто служити не пущен»[298]. Таким образом, если В. Тюменец к 1629 г. уже «тому лет з десять» как был переведен из Тары в Енисейск, то получается, что он был одним из первых «жилецких» служилых людей Енисейского острога. Не очевидно, что он был среди строителей первого острога с П. Албычевым и Ч. Рукиным, но вполне мог быть в отряде М. Трубчанинова.

Сведения, предоставленные Е. Поливановым, в приказе перепроверили: в Москве нашли «для подлиннова веденья» находившегося там тарского служилого человека Куземку Горбскова, который подтвердил сказанное Е. Поливановым: оказалось, что в Таре у станицы, в которой числился В. Тюменец, было два атамана; с его уходом остался только один – Алексей Романов. Выяснилось также, что в Таре оклад Тюменца был 12 руб., 12 четей ржи, 2 чети круп и толокна[299]. В Енисейском же остроге размер его жалованья был выше: «А в енисейских роздаточных книгах 134-го году написано: атаману Василью Тюменцу государева денежного жалованья оклад 16 рублев»[300]. Иначе говоря, кроме увеличения денежного оклада на 2 руб. за посольство к Алтын-хану, денежное довольствие В. Тюменеца было увеличено за какие-то заслуги

[297] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 3. Л. 267.
[298] Там же. Л. 268–272.
[299] Там же. Л. 268.
[300] Там же. Л. 269.

еще раз, не исключено, что уже за службу в Енисейске. Рассмотрением челобитной Поливанова в приказе стали заниматься по той причине, что он был по происхождению из детей боярских, и его отец когда-то служил по Рязани. Но поскольку, как оказалось, атаман В. Тюменец был в Таре сверх штата, то Е. Поливанов был принят на службу в Таре по другой статье – его поверстали в дети боярские[301].

Таким образом, получается, что В. Тюменец уже в Таре оказался на службе в чине атамана сверх положенного штата и таким же образом, сверх штата, в последующем в чине атамана продолжал служить в Енисейском остроге. Можно предположить, что он был в свое время произведен в чин атамана за какие-то особые заслуги (назначение послом к Алтын-хану может свидетельствовать об этом) и, переходя из гарнизона в гарнизон, в виде исключения, имел право сохранять свое особое положение и чин даже вне штата. Подобная ситуация была во второй половине столетия с Семеном Дежневым, который за свои заслуги (доставка в Москву большого количества «рыбьего зуба» – моржовой кости) был в Сибирском приказе поверстан в чин атамана сверх штата Якутского гарнизона.

Вообще, складывается впечатление, что в окладных книгах и прочей документации XVII в. вперемежку упоминаются должности и чины. Совершенно очевидно, что сотник, пятидесятник и десятник – это должности. А когда указывается, что сотником является атаман или сын боярский, то последние два наименования скорее являются чинами.

Была у атамана В. Тюменца семья или нет, точных сведений у нас не имеется. Но стоит обратить внимание на то, что в окладной книге Енисейского острога за 138 г. (1629/1630) встречается рядовой стрелец Омелька Васильев[302]. А в окладной книге 141 г. (1632/1633), также в списке рядовых стрельцов, он именуется Омелькой Васильевым Тюменцовым[303]. Очень вероятно, что это сын атамана В. Тюменца. Не понятно только, почему он не претендовал на место

[301] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 3. Л. 269–272.
[302] Там же. Оп. 1. Кн. 27. Л. 306 об.
[303] Там же. Кн. 47. Л. 86 об.

своего отца в енисейском гарнизоне. А может, и пытался претендовать, но не имел нужной поддержки или только в 1629 г. был поверстан в рядовые стрельцы, не имея до этого времени какого-либо срока службы: по сложившейся к тому времени традиции, чтобы претендовать на командное место, необходимо было иметь определенные навыки, чтобы служба была «за обычей». Кроме того, далее мы увидим, какая борьба велась в енисейском гарнизоне за командные чины. В енисейских окладных книгах более позднего времени имя Омельки Васильева Тюменцова отсутствует[304].

Однако исчезновение в енисейском гарнизоне стрельца Омельки Тюменцова можно объяснить появлением в последующие годы в красноярском гарнизоне атамана Емельяна Васильева Тюменцова[305]. Если так, то становится понятным, почему енисейский Тюменцов не претендовал на место атамана в Енисейском остроге. Исследователи родословной Тюменцовых выяснили, что потомки атамана Е. Тюменцова и в настоящее время проживают в Красноярске и в селе Атаманово (ранее Тюменцово) Сухобузимского района Красноярского края[306]. Любопытно, что в литературе встречается версия о том, что атаман В. Тюменец был Тайбугидом, родственником свергнутого Кучумом сибирского хана Едыгея[307].

Если назначение десятников в сибирских гарнизонах осуществляли воеводы, то производство в более высокие чины происходило уже через согласование с Москвой: воевода мог назначить кого-либо на вакантную должность, но при этом должен был отправить в столицу обоснование, а там уже с его решением соглашались или нет. Так произошло в Енисейске с М. Перфирьевым в 1626 г.: после смерти сотника П. Фирсова енисейские служилые люди отправили в Москву коллективную челобитную с просьбой назначить енисейского по-

---

[304] См., например, окладные книги 145 и 151 гг.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 100–118; Кн. 153. Л. 49–68.

[305] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 127.

[306] Аференко В.А. Тюменцевы: V веков на сибирской земле. Красноярск, 2009.

[307] Муратов Б.А. и др. История фамилии Тюменцовых – 2 // Бюллетень этногеномико-исторического проекта (БЭИП) «СУЮН». 2016, Январь. Т. 3. № 1 [1, 2]; ISSN62410-1788 http://suyun.info/userfiles/bulletin/2016-1/Tyumentcevs-2_3_20160 103_1_%5B1_2%5 D_3_BEHPS _2016_1.pdf. (посещение 12.10.2023 г.)

дьячего М. Перфирьева на освободившуюся должность сотника, мотивируя свою просьбу тем, что он уже является опытным воинским предводителем – ему такая служба «за обычей»[308].

Воевода А. Ошанин, заинтересованный в возложении командования енисейским гарнизоном на лояльного ему человека и уверенный в том, что в Приказе Казанского дворца пойдут навстречу пожеланиям гарнизона, не дожидаясь ответа из Москвы, по факту, осенью 1626 г. произвел назначение М. Перфирьева. Но в Енисейск, по решению чиновников Казанского приказа, в стрелецкие сотники был прислан сын боярский Петр Бекетов[309], поскольку в Москве было принято решение отправить Перфирьева с воеводой Я. Хрипуновым в «серебряную экспедицию»[310]. Решение это принималось при непосредственном участии самого Хрипунова, хорошо знавшего деловые качества Максима по совместной службе в Енисейске. М. Перфирьев, который уже упоминался в документации как сотник, после приезда Бекетова записан везде атаманом[311]. Иначе говоря, на место П. Фирсова был поверстан П. Бекетов, а М. Перфирьев в итоге продолжил службу на месте В. Алексеева. Оба они оставались в командном составе енисейского гарнизона много лет, до середины 1650-х гг.

М. Перфирьев с начала лета 1629 г. в качестве подьячего «серебряной экспедиции» отправился вверх по Ангаре с отрядом Я. Хрипунова. Тем не менее, позднее он, пережив серьезные потрясения в своей карьере, после многих лет службы все же стал стрелецким сотником в енисейском гарнизоне, а чуть

---

[308] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 91–91 об.; Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 3. С. 116–117.

[309] Назначенный сотником П. Бекетов, согласно датировке получения его челобитной в Приказе Казанского дворца, мог прибыть в Енисейский острог не ранее июня 1627 г. (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 92–92 об.). Но реально, видимо, прибыл гораздо позднее, так как в ясачном сборе 1627/1628 г. он еще не участвовал, а вот в следующем 1628/1629 г. собирал ясак «под Брацким порогом» с бурятских князцов Кулдуза и Адаеи. См.: СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. № 24, 25. Л. 16–21.

[310] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 94.

[311] Например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 69 об., 88–90, 92, 177–179; СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. № 24. Л. 17 об. и др.

позднее даже получил чин сына боярского, который в течение XVII в. передавался его потомкам[312].

Не позднее сентября 1629 г. в Енисейском остроге появился атаман Иван Галкин: имя его присутствует в окладной книге енисейского гарнизона за 138 г. (1629/1630). Его отец, Алексей Галкин, прослужил атаманом в г. Березове почти 30 лет с самого его основания и, предположительно, был соратником Ермака. А. Галкин, по имеющимся сведениям, погиб во время вооруженного столкновения с «иноземцами» в Мангазейском уезде во втором десятилетии XVII в.[313] За заслуги своего отца И. Галкин, начавший службу в березовском гарнизоне рядовым казаком, был вскоре после смерти отца поверстан в атаманы по Енисейску. Во всяком случае, среди енисейских служилых людей существовало убеждение, что И. Галкин был поверстан в Тобольске «в атаманы за отцову службу»[314]. Причем поверстан он был в оклад В. Тюменца, самый высокий оклад среди служилых людей енисейского гарнизона: деньгами он получал 16 руб. в год, в то время как П. Бекетов – 12,25, а М. Перфирьев – 10[315] А хлебный оклад Галкина был вдвое выше, чем у Бекетова и Перфирьева, – 14 четей ржи и 8 четей овса против 7 четей ржи и 4 четей овса у Петра и Максима[316] (**Приложение 2**). В феврале И. Галкин уже возглавлял большой поход енисей-

---

[312] О службе сына и внуков М. Перфирьева см.: Бродников А.А. Иван Максимович Перфирьев (из истории сибирской служилой династии XVII в.) // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX века. Тобольск, 2005. С. 151–168; Его же. Третье поколение Перфирьевых (из истории сибирской служилой династии XVII века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 8: История. С. 27–34.

[313] Верхотурские грамоты конца XVI– начала XVII века. М., 1982. Вып. 1. С. 246; Александров В.А. «Войско» – организация сибирских служилых людей XVII века // История СССР. 1988. № 3. С. 99; Преображенский А.А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 381; Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993. С. 45; Солодкин Я.Г. Родоначальники «династий» березовских казаков XVII века // Казачество: Альманах. История. 2017. № 27. С. 67.

[314] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 72. Л. 34.

[315] Там же. Оп. 1. Кн. 27. Л. 313.

[316] Там же. Л. 305.

ских служилых людей, отправленных на коттского князца Сойта, кочевавшего в верхнем течении р. Усолки, притока р. Тасеевой[317].

В результате, возглавляемые активными и опытными предводителями – П. Бекетовым, М. Перфирьевым и И. Галкиным – енисейские служилые люди («стрельцы старой сотни», как их называли в енисейских окладных книгах первой половины 1630-х гг. – *А. Б.*) достаточно стремительно продвигаясь вверх по Ангаре и ее притокам, за какое-то десятилетие серьезным образом, более чем в три раза, расширили территорию вновь созданного Енисейского уезда. При этом перспективы дальнейшего увеличения его территории сохранялись. Но для этого требовалось увеличение численности енисейского гарнизона.

2.3. Тунгусские ясачные волости правобережья Среднего Енисея и Приангарья

Как говорилось выше, вплотную занявшись объясачиванием родоплеменных групп енисейских остяков, проживавших непосредственно по берегам Енисея, русские служилые люди столкнулись с конкурентами – нижнеангарскими тунгусами, которые в течение всего второго десятилетия XVII в. достаточно активно нападали на кетоязычное население енисейского левобережья, переправляясь через Енисей на достаточно большой территории: от устья Ангары до устья р. Кас. По всей вероятности, подобные действия тунгусов представляли собой часть процесса их постепенной миграции на северо-запад[318]: к началу XVII в. родовые группы тунгусов заселяли все таежное правобережье Енисея, начав продвижение в Западную Сибирь. Во всяком случае, на левом берегу

[317] Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. II. С. 66–67, 422–423. № 273.

[318] В научной литературе имеется точка зрения о занявшем несколько столетий расселении тунгусов из Приамурья на север и северо-запад. См., например: Карцов В. Народы Сибири. Очерки прошлого. М., 1935. С. 103. Впрочем, есть и точка зрения, согласно которой направление миграций тунгусов определялось всего лишь течением рек. См.: Ермолова Н.В. Возвращаясь к тунгусской проблеме: поиск этнических истоков эвенков и новые предположения // Сибирь: Древние этносы и их культуры. СПб., 1996. С.128. Хотя очевидно, что в условиях Средней Сибири эти две точки зрения совпадают.

Енисея в районе Подкаменной Тунгуски проживала группа тунгусов, платившая с середины 1620-х гг. ясак в Закаменное зимовье Мангазейского уезда[319]. Возможно, что отдельные родовые группы тунгусов к этому времени могли доходить и гораздо дальше на запад, до Оби. Во всяком случае, в научной литературе есть упоминание, что в 1610 г. тунгусов встречали не только в нижнем течении Оби, но и у реки Печоры[320]. Но на наш взгляд, такая версия выглядит довольно сомнительной. Во-первых, строго опиравшийся на документальные источники Г.Ф. Миллер упоминает о тунгусах на Левобережье Среднего Енисея, начиная только с 1608 г., когда из Кетского острога на восток была отправлена группа служилых людей и кетских остяков, повстречавшая их не доходя Енисея[321]. Во-вторых, все появления тунгусов на левом берегу Среднего Енисея до строительства Енисейского острога носили характер вооруженных набегов на местное кето-язычное население[322].

Необходимость защиты остяцких волостей от постоянных набегов тунгусов сначала потребовала от кетской администрации заняться проблемой сдерживания подобной активности тунгусов, а затем к этому вынуждены были подключиться и тобольские воеводы. Когда в 1618 г. отряд П. Албычева и Ч. Рукина, высадился на берегу р. Кеть, где ими был построен Маковский острожек, их служилым людям также пришлось вскоре противостоять тунгусам, что, надо полагать, в значительной степени определило дальнейшее развитие событий. В результате этого сразу после основания Енисейского острога процесс формирования территории Енисейского уезда естественным образом перекинулся на правый берег Енисея. Началось образование тунгусских ясачных волостей, которые далеко не всегда совпадали с районом реального проживания родовых групп тунгусов.

---

[319] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 146–149.
[320] Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1932. С. 212; Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. С. 238.
[321] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 46.
[322] Об этом говорилось в Гл. I.

Как отмечала Н.В. Ермолова, спецификой тунгусов было то, что даже при относительно малой численности каждый эвенкийский «род» не жил на осваиваемой территории компактно, а разделялся на более мелкие подразделения – кочевые группы, или стойбища, состоявшие из семей, связанных близким родством»[323]. Русские ясачные сборщики же фиксировали такую родовую группу тунгусов на определенной территории и «приписывали» к своему уезду, не вникая в проблему возможного родства этой группы с соседними. Как следствие, территория, на которой проживали родственные группы тунгусов, или даже одной родовой группы могла быть «поделена» между разными уездами.

Связано это было одновременно и с хозяйственным укладом тунгусов, и с уровнем развития их социальных отношений. Как отмечали исследователи-тунгусоведы, большую часть года тунгусы кочевали по тайге отдельными группами по две-четыре семьи, появляясь в разных районах. В итоге – они жили везде и нигде[324]. Тем не менее, встречая в тайге группы тунгусов, служилые люди идентифицировали их, определяя территорию их обнаружения как «землицу».

По мнению исследователя В.В. Карлова, понятием (термином) «землица» казаки отмечали не роды тунгусов, а какую-то иную форму общности, скорее всего, территориальную[325]. В.В. Карлов называет такие объединения также территориальными общинами[326]. Тем не менее, в научной литературе их принято именовать «родами». При этом, например, Б.О. Долгих отмечал, что «термин "род" в документах XVII в. встречается очень часто, но содержание этого термина чрезвычайно варьирует». Исследователь выделяет у сибирских народов, в том числе и у тунгусов, три качественно разных группы родов, исходя из их численности: 1) «большие роды (в несколько десятков и даже сотен трудоспо-

---

[323] Ермолова Н.В. Возвращаясь к тунгусской проблеме… С. 140–141.

[324] Рычков Ю.Г. и др. Генетика и антропология популяций таежных охотников-оленеводов Сибири: (Эвенки Средней Сибири) // Вопросы антропологии. 1974. Вып. 47. С.7, 11; Ермолова Н.В. Возвращаясь к тунгусской проблеме... С. 117.

[325] Карлов В.В. Социальная и этническая структура енисейских эвенков в XVII–XVIII веках // Советская этнография. 1971. №1. С. 15.

[326] Там же. С. 23–24.

собных мужчин), имеющие характерные родовые названия, свойственные данному народу», 2) «обычно небольшие, в 10–20 трудоспособных мужчин, порой и меньше, но иногда и довольно многочисленные роды, которые, как правило, называются по именам лиц, эти роды возглавлявших» и 3) «некоторые маленькие роды, самостоятельно существующие наряду с большими и имеют типичные для последних специфические для данного народа родовые названия»[327].

Но пытаясь как-то систематизировать эти группы родов, Б.О. Долгих, ориентируясь на выводы Ф. Энгельса (следует помнить, что фундаментальный труд историка был издан в 1960 г., а материал для него собирался более двух десятилетий), стремится обнаружить у сибирских народов племя и фратрию[328], чем, на наш взгляд, вносит путаницу в структуризацию родоплеменного состава аборигенов Сибири. Однако и сам исследователь приходит к выводу, что «организационные основы племени у многих народов Сибири в XVII в. отсутствовали». «Это обстоятельство помешало выявить племенную принадлежность всех родов и дать исчерпывающий племенной состав всех этих народов», – заключает Б.О. Долгих[329]. Еще одной особенностью тунгусских родов в период попадания их в сферу интересов Русского государства являлось то, что в действительности они уже давно были не в том состоянии, которое присуще архаическим родам общинно-родового строя[330].

В результате «приведения» аборигенного населения Енисейского правобережья «под высокую государеву руку» служилыми людьми, к концу 20-х гг. XVII в. на территории Енисейского уезда был образован ряд волостей, названия которых, как правило, совпадали с названием объясаченных там родовых групп, а располагались они в тех местах – «землицах» – где с этих групп впервые удалось собрать ясак. По мнению В.В. Карлова, эти «землицы», названные родовыми именами, являлись территориально-хозяйственными объединениями, куда входили разделившиеся и смешавшиеся между собой группы общего про-

[327] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 8.
[328] Там же. С. 8–11.
[329] Там же. С. 11.
[330] Ермолова Н.В. Возвращаясь к тунгусской проблеме… С. 139–140.

исхождения (патронимии – части экзогамных родов) и адаптированные неродственные. Связи между ними по совместному проживанию в пределах своего ареала не были прочными, и могли легко нарушаться при естественных миграциях[331]. По нашему мнению, такое высказывание является излишне категоричным для бродячих таежных охотников: слишком сильна была мобильность тунгусов, что создавало для русской администрации и ясачных сборщиков серьезную проблему при их «замирении» и «приведении под государеву руку». В условиях, когда тунгусы постоянно меняли место своего обитания, служилым людям приходилось искать способы регулярного получения с них пушнины.

Книги ясачного сбора конца 20-х гг. XVII в. свидетельствуют, что все правобережные волости Енисейского уезда к этому времени оставались неокладными, хотя в некоторых из них ясак енисейские служилые люди начинали собирать с 1622 г. В частности, в книге ясачного сбора Енисейского уезда за 1627/1628 г. упоминаются следующие «землицы» и князцы Енисейского правобережья и нижнего Приангарья: «Васанские землицы князца Тупорока», «пицкие тунгусы князца Лупа», «на реке Тунгуске на Рыбной ловле князец Сердитка и князец Лукашка», «на реке Тунгуске на Карабели князец Мендизикур», «в реке Тасееве по реке Чюне князца Ыркенея», «Аплинские землицы князец Тюлкиней». В этом перечне присутствует указание на сбор пушнины с князцов «Ыркинея (второй раз – *А.Б.*), Боткея, Маймуги» без указания места сбора ясака и названия их «землиц»[332] (**Приложение 1**).

В этой же ясачной книге отдельным спискам приводятся «новые землицы под Брацким порогом, где збирал атаман Максим Перфирьев»: «Шаманские землицы князец Когоня», «чипогурских и лапагирских тунгусов», «наляги князец Корюбыль», «мунгума князец Едок», «верхние тунгусы, шаман». Далее в документе записаны имена тунгусов уже упомянутых «землиц», с которых М. Перфирьев, по всей видимости, собирал ясак, когда возвращался из-под Брат-

[331] Карлов В.В. Социальная и этническая структура енисейских эвенков... С. 23–24.
[332] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л.17. №24.

ских порогов в Енисейск. Во всяком случае, их последовательность заставляет считать именно так[333].

В следующем 1628/1629 г. к перечисленным волостям добавляются «варгаганские тунгусы», «с Чидобчи реки». Среди «новых землиц» в книге ясачного сбора за этот год впервые упоминается тунгусская «землица» «тетюков»[334].

Учитывая все вышеприведенные обстоятельства, очевидно, что, в отличие от достаточно устойчивых образований – окладных остяцких волостей енисейского Левобережья – у тунгусов Правобережья Енисея чаще всего довольно сложно определить подобные «землицы», которые, к тому же, длительное время оставались неокладными. Тем не менее, опираясь на исследования историков и этнографов, попытаемся как-то структурировать группы тунгусов по их родственной принадлежности.

Тунгусы северной части Енисейского уезда

Варгаганцы (хомыли)

С названием этой группы тунгусов в первой половине XVII в. в научной литературе имеется некоторая неопределенность. Б.О. Долгих, рассматривая тунгусское население Мангазейского уезда отмечает, что плативщие ясак в Закаменное зимовье этого уезда, находившееся на Енисее, у границы с Енисейским уездом, тунгусы низовьев Подкаменной Тунгуски назывались хомылями, при этом, не объясняя – было это их самоназванием или так их называли представители других тунгусских или кетских родовых групп[335]. При этом исследователь отмечает существование рода Хомыли впервые по книгам ясачного сбора только в 1682 г.[336], но использует это название для обозначения соответствующей группы тунгусов, начиная с 1651 г.[337] А вот В.А. Туголуков обнаружил, что среди плательщиков ясака в Закаменное зимовье в 1639 г., считавших-

[333] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 17 об. № 24.
[334] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 19 об. – 20. № 25; Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. III. С. 137–140. № 7.
[335] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 176–181.
[336] Там же. С. 177.
[337] Там же.

ся остяками, многие имеют определенно тунгусские имена. В том числе встречается имя Хому, что приводит его к выводу о том, что носитель этого имени является представителем рода, получившего впоследствии название хомылей[338].

Но в источниках по Енисейскому уезду тунгусы-хомыли не встречаются. Когда в 1623 г. отряд енисейских служилых людей во главе с атаманом П. Фирсовым впервые совершил поход на Подкаменную Тунгуску, ясак был собран, согласно источнику, с тунгусов-варгаганцев[339]. Хотя в окладных книгах ясачного сбора варгаганцы начинают встречаться только с 1628/1629 г.[340] Стоит отметить, что Б.О. Долгих, исходя из совпадения территорий проживания хомылей и варгаганцев, приходит к выводу, что в разных источниках (мангазейских и енисейских) речь идет об одной родовой группе. Не вдаваясь в подробности, он рассматривает эти два названия как синонимы и считает возможным делать уточнения, применяя одно из них как некоторое пояснение, в скобках[341].

Само название родовой группы Варгаган представляет собой русскую переделку тунгусского баргаган – «заречные». Данное обстоятельство, по мнению В.А. Туголукова, свидетельствует о том, что основным районом обитания большинства представителей данной группы являлось левобережье Енисея. Во всяком случае, название р. Турухан, по его мнению, образовано от тунгусского туру – «столб», «мачта», «шаманское дерево», а -хан или -кан – уменьшительный суффикс[342]. Б.О. Долгих, более осторожно, предполагает, что «такое название тунгусы хомыли получили, наверное, потому, что часть их ходила промышлять на левобережье Енисея в бассейн Сыма и Дубчеса»[343]. Правда историк приводит факты промыслов этой группы тунгусов на левом берегу Енисея, начиная только с 1651 г. Интересен и его вывод о дружеских отношениях зака-

[338] Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) ... С. 237.
[339] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 156–157.
[340] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 19 об. № 25.
[341] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 177, 193.
[342] Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) ... С. 238.
[343] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 177.

менных тунгусов и остяков Мангазейского уезда, в сравнении с отношениями приангарских тунгусов и остяков Енисейского уезда[344].

Как свидетельствуют результаты первых походов енисейских служилых людей, варгаганские тунгусы проживали по Подкаменной Тунгуске от бассейна р. Вельмо до низовьев р. Чуня[345]. Б.О. Долгих считает, что жили они и по правым притокам Енисея рр. Кий и Тис, ссылаясь на ясачную книгу 1631 г. Численность варгаганских тунгусов Енисейского уезда была небольшой: по размеру платившегося ими ясака можно предположить, что их количество не превышало до 1641 г. 15 человек[346]. При этом стоит учитывать, что варгаганские тунгусы могли лавировать между ясачными сборщиками Енисейского и Мангазейского уездов, платя ясак, в зависимости от ситуации, в Закаменное зимовье Мангазейского уезда у устья Подкаменной Тунгуски или приходящим в район их проживания енисейским служилым людям[347].

К концу XVII в. численность варгаганских тунгусов Енисейского уезда достигала 160 человек (до 40 плательщиков ясака). В то время как в Мангазейском уезде их количество было вдвое меньшим. Однако, судя по всему, и в 20-е – 30-е гг. XVII в., когда в Енисейский острог платило ясак не более 14 человек ясачных (т. е. общая численность этой родовой группы могла быть около 60 человек), их распределение между уездами было примерно таким же (около 60

---

[344] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 177–179.

[345] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 192. На этой странице в тексте его монографии имеется ряд неточностей: в отписке воеводы А. Ошанина о конфликте у устья Подкаменной Тунгуски отрядов енисейского атамана П. Фирсова и нарымского новокрещена А. Алтайки (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 156–161) упоминание варгаганцев на этой реке имеется не на всех указанных в сноске листах (см. сноску 40), а только на лл. 159–160. На л. 339 этого столбца (челобитная мангазейского тунгусского и самоедского толмача И. Хапты о своих службах) упоминания варгаганцев нет (см. сноски 40 и 43). Некоторые события датируются 1630–1631 гг., в то время как должны 1622–1623 (130–131 гг. по источнику).

[346] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 192. В приведенной в его монографии таблице на С.192–193 в сноске на ААН есть ошибка: Книга ясачного сбора Енисейского уезда за 1628/1629 г. (См.: СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л.18 об.–21. №25. О размере собранного ясака с варгаганских тунгусов говорится на л.19 об. В монографии в сноске указаны л.31, 38).

[347] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 146, 176.

человек было в Енисейском уезде и около 30 – в Мангазейском)[348], что позволяет считать проживание этих родственных групп достаточно стабильным на одной территории.

Постоянные перекочевки от Енисея до Чуни позволяли им часто скрываться от ясачных сборщиков. Поэтому Варгаганская волость долгое время оставалась неокладной, то есть конкретное количество пушнины, собираемое с одного человека, и количество плательщиков ясака были не определены, и ясак брали с тех, кого удавалось найти, в количестве, которое готовы были отдать сами тунгусы. Вместе с тем, скрываясь от енисейских служилых людей и уходя на север и северо-восток, варгаганцы часто попадали к мангазейским сборщикам ясака, фигурируя в их ясачных книгах как хомыли. Именно это привело Б.О. Долгих к выводу, что варгаганцы Енисейского уезда и хомыли (или закаменные тунгусы) Мангазейского уезда представляли собой одну группу[349].

Так же, как и южнее, в этой части Енисейского уезда до прихода русских происходил процесс вытеснения тунгусами кетов. В одной из кетских сказок рассказывается, как на живших на правом берегу Енисея кетов напали тунгусы, вышедшие на Енисей с р. Вороговки. Кетам удалось отбиться, но они были вынуждены переправиться на другой берег Енисея и осели на р. Кас[350]. Весьма сомнительно, чтобы такой рейд по тайге предприняли приангарские тунгусы, в то время как для соседних жителей бассейна р. Вильмо это вполне доступно. Это отражает и направление постепенной многовековой миграции тунгусов Средней Сибири на северо-запад.

Однако материалы 20-х гг. XVII в. не дают нам четкого представления о том, для кого же варгаганцы являлись заречными жителями. В Закаменном зимовье Мангазейского уезда среди плательщиков ясака тунгусы встречаются впервые в 1610 г. – 6 человек. А в следующий раз 4 тунгуса платили ясак в этом зимовье в 1629 г. Только с 1633 г. в Закаменном зимовье ясачные тунгусы встречаются регулярно, а численность их начинает увеличиваться с 1635 г.

[348] См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 146, 177, 179, 192.
[349] Там же. С. 176.
[350] Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) ... С. 93–94.

Причем нигде не говорится, что это были варгаганцы. Следовательно, это могли быть и ваяды, проживавшие по Подкаменной Тунгуске от устья р. Чуня до низовьев реки, где проживали кеты. Численность ваядов в течение XVII в. не превышала 40 человек. Вывод Б.О. Долгих о дружеских отношениях между остяками и тунгусами Закаменного зимовья Мангазейского уезда так же может быть основан на соседстве ваядов с кетами. Тем более что именно потомки ваядов были позднее объединены с кетами в административном отношении. Вероятнее всего с этих тунгусов и взял ясак остяк Богдич в 1627 г.: так как сбор ясака остяком с группы тунгусов – событие явно не ординарное, то сам факт этого, по мнению Б.О. Долгих, представляется возможным только при наличии добрососедских отношений между этими группами кетов и тунгусов.

И только к 1641 г. относится факт бегства в Мангазейский уезд четырех ясачных тунгусов Варгаганской волости Енисейского уезда. Именно в 40-е гг. XVII в. отмечается резкое увеличение численности ясачных тунгусов этого зимовья[351]. Таким образом, мы не имеем четкого доказательства, что именно варгаганцы до 40-х гг. XVII в. были среди ясачных тунгусов Закаменного зимовья Мангазейского уезда. Следовательно, как и доказательства, что их «заречность» определяется проживанием или промыслом на левом берегу Енисея.

Питские и приангарские тунгусы, судя по всему, практически не контактировали с варгаганцами. Если исходить из того, что часть варгаганцев проживала или, по крайней мере, бывала в низовьях р. Чуня и из отмеченного Б.О. Долгих примыкания варгаганцев (хомылей) к племени чапагиров, населявших бассейн Чуни, то именно для них варгаганцы и являлись заречными. Кроме того, варгаганцы на правом берегу Подкаменной Тунгуски ниже устья р. Чуня, по свидетельству Б.О. Долгих, контактировали и с горагирами и кондогирами, для которых они также являлись заречными[352]. Стоит учесть и то, что первые енисейские ясачные сборщики проходили к варгаганским тунгусам с Енисея по Подкаменной Тунгуске, где и должны были узнать название жителей

[351] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 146, 176–177, 179, 180.
[352] Там же. С. 180, 182.

«новой» землицы. Во всяком случае, именно таким путем вышли в 1625 г. к варгаганцам енисейские служилые люди во главе с атаманом П. Фирсовым[353].

В отличие от более южных питских тунгусов, варгаганцы (хомыли), проживавшие в бассейне р. Вильмо, должны были представлять собой «чистых» тунгусов, незадолго до прихода русских, вытеснивших часть кетоязычного населения с правого берега Енисея. Об активности варгаганцев говорит и их нападение на Подкаменной Тунгуске на отряд П. Фирсова в 1625 г. Общая численность варгаганцев, надо полагать, приближалась к 100 человек, хотя на территории, вошедшей в состав Енисейского уезда более или менее постоянно проживало только примерно 2/3 от этого числа. Стоит согласиться и с тем, что варгаганцы тяготели к тунгусам Подкаменной Тунгуски, находясь, вероятно, в каком-то родстве с племенем чапагиров. Косвенным подтверждением этого предположения является устоявшаяся у тунгусов практика давать какие-либо названия по территории проживания своим соседям, которые не воспринимались как «чужие»[354]. На наш взгляд, здесь стоит согласиться с мнением тунгусоведа Н.В. Ермоловой, что в таком отношении тунгусских родовых групп к соседям очень точно отражается начальная стадия формирования этнического самосознания[355].

Питские тунгусы

Южнее варгаганцев, в верховьях р. Пит, проживали питские тунгусы, насчитывавшие в 20-е гг. XVII в. до 80 человек. Имена их князцов Таена и Лопы встречаются в документах тех лет о сборе ясака. Ясак с них собирали, как правило, в устье р. Пит: енисейские ясачные сборщики отправлялись за ним из острога вниз по Енисею. Иногда их ясак в Енисейский острог привозили сымско-касские остяки.

В приведенной Б.О. Долгих таблице численность питских тунгусов колебалась от 13 человек ясачных в 1623 г., во время первого сбора ясака с них ени-

[353] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л.7 об.–8. № 12.
[354] Карлов В.В. Социальная и этническая структура енисейских эвенков... С. 22.
[355] Ермолова Н.В. Возвращаясь к тунгусской проблеме… С. 140.

сейскими служилыми людьми, до 4 человек в 1633–1639 гг. [356] В 1624–1629 гг. численность этой группы тунгусов не фиксировалась, хотя ясак они платили регулярно. По данным Б.О. Долгих в 1623 г. питские тунгусы заплатили 80 соболей. Но по окладным книгам Енисейского уезда питские тунгусы в 1623 г. внесли достаточно большой ясак в размере 120 соболей, причем качественных, целых – «с пупки и с хвосты»: «С тунгуских новых пицких тунгусов с князца Таена да с Сыланчея с товарыщи с 13 человек 3 сорока с пупки и с хвосты взято»[357]. Есть разночтения и в других сведениях. Так, по Б.О. Долгих в 1625 г. питские тунгусы заплатили 74 соболя[358]. Но согласно «росписи мягкой рухляди» и отписки енисейского воеводы Я. Хрипунова в Тобольск воеводе князю Ю. Сулешеву, в 1625 г. с питских тунгусов было собрано 54 соболя[359]. Впрочем, не исключено, что сведения СПбф АРАН, на которые мы ссылаемся, содержат описку миллеровского копииста, прочитавшего числовое обозначение буквы «П» (70) как «Н» (50).

В 1627/1628 г., согласно книги ясачного сбора Енисейского уезда, с питских тунгусов «князца Лупы» взято 3 сорока один соболь «с пупки и хвосты, шуба соболья тунгуская, 6 пластин собольих, лиса красная»[360]. Численность тунгусов в документе не указана. В следующем году питские тунгусы князца Лупы заплатили 2 сорока 35 соболей «с пупки и хвосты»[361], о численности «товарыщей» Лупы в документе, как и ранее, не говорится. Так указано и у Б.О. Долгих[362].

Уменьшение численности питских тунгусов после 1632 г. связано, по всей видимости, с эпидемией оспы, бушевавшей на Среднем Енисее. Стоит обратить внимание еще на одно обстоятельство. В 1626 г. отрядом енисейских

---

[356] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 191–192.
[357] См.: Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 341. № 195.
[358] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 192. Таблица 68. Сведения за 1623–1625 гг. не соответствуют содержанию приведенной сноски. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 342–344.
[359] См.: СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 4 об.–6. № 7, 8.
[360] Там же. Л.17. № 24.
[361] Там же. Л. 19 об. № 25.
[362] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 192.

служилых людей и остяков, посланных на поиски князца Тасея, было убито в низовьях Ангары 7 ясачных питских тунгусов – половина плательщиков ясака этой группы[363]. Тем не менее, в последующие годы поступление от них пушнины не только не сократилось, но существенно выросло. Как говорилось выше, в 1628 г. питскими тунгусами было уплачено 121 соболь, в 1629 г. – 115 соболей, в 1632 г. – 103 соболя. Очень сомнительно, что питские тунгусы смогли платить ясак по 20 соболей с человека, как и то, что после побоища 1626 г. численность их ясачных была резко восстановлена за счет подростков. По всей видимости, ясачным сборщикам не всегда удавалось осуществлять полный учет мужского населения той или иной родовой группы. А это, в свою очередь, заставляет задуматься о точности подсчетов аборигенного населения Сибири XVII в., произведенного на основе данных ясачных книг.

Б.О. Долгих, подсчитывая численность остяков Енисейского уезда, неоднократно приходит к выводу о занижении количества ясачного населения в ясачных книгах в полтора-два раза[364]. По всей видимости, эта же проблема существует и с подсчетом тунгусского населения по данным ясачных книг. Во всяком случае, становится очевидным, что ясачных питских тунгусов до 1626 г. было не 13 человек, а несколько больше, не менее 20 человек. Следовательно, по существующей методике подсчета, общая численность этой родовой группы должна была достигать 80 человек.

В отличие от варгаганцев, тяготевших к тунгусам Подкаменной Тунгуски, питские тунгусы тяготели к тунгусам низовьев Ангары. Не случайно енисейский атаман В. Алексеев обнаружил часть из них в 1626 г. на Ангаре недалеко от устья р. Тасеевой[365]**.** По мнению Б.О. Долгих питские тунгусы, как и варгаганские, предсталяли собой остатки древнего населения Подкаменной Тунгуски

[363] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 19. Об этих событиях подробнее см.*:* Бродников А.А. О причинах и последствиях Енисейского бунта 1626 г. С. 11–19.
[364] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 189–192.
[365] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 20–22.

и низовьев Ангары, к приходу русских отунгушенные и оттесненные тунгусами к самому берегу Енисея[366].

Таким образом, небольшая группа питских тунгусов общей численностью около 80 человек ко времени прихода на Енисей русских проживала на территории от бассейна р. Пит до низовьев Ангары. Вероятно, стоит согласиться с вышеприведенным мнением Б.О. Долгих о том, что питские тунгусы представляли собой отунгушенные остатки прежнего населения Нижнего Приангарья. В литературе не встречается каких-либо свидетельств, указывающих на их родство с другими группами приангарских тунгусов, но их некоторое тяготение к низовьям Ангары все же указывает на бесконфликтные отношения с соседями. Учитывая их небольшую численность, этот факт может указывать и на какое-то отдаленное родство с тунгусами рыбинских волостей.

Тунгусы Нижнего и Среднего Приангарья (Топорки)

К концу 20-х гг. XVII в. в Енисейский уезд входило семь волостей тунгусов Приангарья, которые, по некоторым особенностям взаимоотношений населявших их родоплеменных образований и условиям сбора с них ясака, можно условно разделить на две группы, территориально охватывавшие Нижнее и Среднее Приангарье. В течение практически всего XVII в. эти волости оставались неокладными, что свидетельствует о большой мобильности проживавших там родовых групп, определенной условности их подчинения русской администрации и большой сложности подсчета их ясачного населения. Б.О. Долгих отметил, что только с конца XVII в. были установлены волости приангарских тунгусов, сохранявшие свои названия до 1824 г.[367] т. е. до реформы Сперанского.

Тунгусы первой группы явно тяготели к устью р. Рыбной, где для контроля над ними и для удобства сбора ясака в 1628 г. енисейским стрелецким

[366] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 193.
[367] Там же. С. 195.

сотником П. Бекетовым был основан Рыбинский острожек[368]. Эта группа волостей охватывала достаточно большую территорию от низовьев Ангары до р. Мура (левый приток Ангары, впадает примерно в 50 км ниже плотины Богучанской ГЭС – *А.Б.*) и по р. Тасеевой. Ранние ясачные книги Енисейского уезда за 1620/1621, 1621/1622, 1622/1623 гг. не дают нам сведений ни о расположении тех или иных тунгусских родовых групп, ни об их численности[369]. Но в книге 1627/1628 г. уже имеются сведения о местах проживания некоторых тунгусских князцов с их родовыми группами: «На Тунгуске (Ангаре) на Рыбной ловле», где вскоре на правом берегу, в устье р. Рыбной, был построен Рыбинский острожек, ясак был взят «с князцов Лукашки и Сердитки». «На р. Тунгуске на Карабели (по всей видимости – на р. Карабула, левом притоке Ангары несколько выше устья ее правого притока р. Иркинеевой, примерно в 20 км. – *А.Б.*) с князца Мендизикура». «В р. Тасееве по р. Чуне с князца Ыркенея». Отдельной строкой – «с князцов Ыркинея, Бонкея, Маймуги». Далее, за перечислением тунгусов чадобских волостей и «новой землицы под Братским порогом» вновь перечисляются объясаченные на Рыбной ловле (очевидно возвращавшимися из-под Братского порога служилыми людьми) князцы Иркиней, «соянцы», Мукотеевы дети, Яганка, Сердикотва (Сердиткин?) брат, Бугунка, Ялымков брат[370].

Вторая группа волостей располагалась по притокам Ангары от бассейна р. Чадобец (правый приток Ангары, впадает в 20 км ниже плотины Богучанской ГЭС. – *А.Б.*) до бассейна р. Ката (правый приток Ангары, на ее излучине, примерно в 100 км ниже Усть-Илимска. – *А.Б.*). В вышеупомянутой ясачной книге Енисейского уезда за 1627/1628 г. из волостей этой группы упоминаются «Аплинская землица» князца Когони и чипогирские тунгусы[371]. Таким же образом,

---

[368] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 500, 554. А.П. Окладников указывает, что Рыбинский острожек был основан М. Перфирьевым в 1627 г. ссылаясь на л. 469 этого столбца (См.: Окладников А.П. Очерки из истории... С. 35). Но в источнике на указанном листе эта информация отсутствует.

[369] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 302–304, 319–320, 340–341. №158, 175, 195.

[370] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 16–18 об. № 24.

[371] Там же.

по территориальному принципу, тунгусы Приангарья были зафиксированы в ясачных книгах Енисейского уезда.

Б.О. Долгих, анализируя имена князцов и названия родовых групп по ясачным книгам XVII в., изменения названий волостей в последующие столетия и результаты собственных полевых исследований, пришел к выводу, что тунгусы Нижнего и Среднего Приангарья в первой половине XVII в. представляли собой три племенные группы: лапогиры (топорки), ичерильцы (чапогиры), представлявшие собой часть племени шамагиров, проживавших восточнее, за излучиной Ангары, и мендизинкуры (ответвление лапогиров) с общей численностью более чем в 1600 человек[372]. Поскольку в этнографической литературе нет четкого определения социальной и этнической структуры у тунгусов, то, на наш взгляд, для обозначения этнографической единицы, объединяющей несколько родовых групп, как в данном случае, правильно использовать именно этот термин «племенная группа».

Территориально лапогиры, численность которых составляла около 640 человек, занимали правые притоки Ангары от устья р. Тасеева до бассейна р. Чадобец и небольшую полосу вдоль левого берега Ангары – от низовьев р. Тасеева (от Ангары до устья р. Усолка) до низовьев р. Карабула и среднего и нижнего течения р. Мура.

Мендизинкуры, которых еще называют чунскими тунгусами, были отделены от родственных им лапогиров клином кетоязычных асанов. Б.О. Долгих отмечал, что в XIX в. они занимали территорию с кетоязычной топонимикой[373]. Если предположить, что в 20-е гг. XVII в. там еще проживали асаны, то территория проживания мендизинкуров по р. Чуна лежала за пределами нынешнего Красноярского края, где-нибудь от порогов Ворона и Чулейского до правого притока р. Чуны р. Тангуй, несколько ниже г. Нижнеудинска, на участке, где она носит название Уда. Встречались представители этой группы тунгусов и в

[372] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 195–204.
[373] Там же. С. 204.

верховьях р. Мура, где их территория соприкасалась с территорией лапогиров. Общая численность медизенкуров определяется более чем в 400 человек[374].

Племя ичерильцев численностью около 530 человек, по мнению Б.О. Долгих проживало на сравнительно небольшой территории вдоль Ангары от Аплинского порога до нижнего и среднего течения р. Кова, левого притока Ангары, захватывая бассейн р. Кежма[375]. Исследователь не уточняет, какая Кежма имеется в виду, что создает серьезную путаницу. Дело в том, что примерно в 60 км ниже р. Кова в Ангару впадает р. Верхняя Кежма. Впадающая в Ангару еще ниже по ее течению р. Мура имеет левый приток под названием Кежма. В 100–120 км выше по течению, с правой стороны, в Ангару впадают Нижняя Кежма и Верхняя Кежма. Кроме того, в монографии Б.О. Долгих имеется фактическая ошибка или опечатка: указывая на проживание ичерильцев (в этом фрагменте монографии он называет их чипогирами) по р. Кова, автор говорит о том, что верховья реки называются Поливой, где кочевали уже илимские шамагиры. При этом исследователь приводит ссылку на Н. Спафария[376], писавшего об устьи р. Ката и тунгусах Катской волости. Учитывая, что Поливой называется левый приток р. Ката, а не р. Кова, становится понятным, что Б.О. Долгих имел в виду какую-то р. Кежма (Нижнюю или Верхнюю), впадающую в Ангару между р. Ката и Аплинским порогом. Но в этом случае бассейн р. Кова выпадает из территории проживания ичерильцев. А вот В.А. Туголуков определяет территорию проживания ичерильцев шире: от р. Мура до р. Ката[377] и его версия выглядит предпочтительнее.

Таким образом, несмотря на достаточно большой объем фактического материала, использованного исследователями для определения родоплеменного состава и территории проживания тунгусов Нижнего и Среднего Приангарья, все же сохраняются некоторые неточности и спорные моменты в определении их территориальной принадлежности.

---

[374] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 204.
[375] Там же. С. 199–200.
[376] Там же. С. 199.
[377] Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) ... С. 50.

Что касается родственных отношений этих трех групп тунгусов, то, во-первых, стоит обратить внимание на отсутствие сведений о каких-либо конфликтах между ними, хотя территория Нижнего и Среднего Приангарья была заселена ими сравнительно плотно. В условиях постоянной борьбы тунгусов за свои промысловые угодья в большинстве районов Восточной Сибири и активных набегов одних групп на другие это выглядит достаточно странным, тем более что до времени основания Енисейского острога тунгусы этой части Приангарья проявляли значительную внешнюю активность, совершая регулярные набеги на левый берег Енисея. Их активность проявляется и в середине 20-х гг. XVII в. в виде серьезного сопротивления русским служилым людям. Это обстоятельство – воинственность тунгусов, определявшаяся в значительной степени уровнем развития их родовых отношений, было отмечено еще Г.Ф. Миллером: «оскорбление, нанесенное одному тунгусу, заставляет вооружиться весь род. Таким образом, тунгусы очень часто вели между собою кровавые войны»[378]. Во-вторых, стоит обратить внимание на большую мобильность отдельных групп тунгусов в XVII в., которые в течение нескольких лет могли быть зафиксированы в ясачных книгах в разных местах этой территории, но, одновременно, можно отметить и более или менее стабильное проживание в пределах одного сравнительно небольшого района других родовых групп, причем, вплоть до XX в., что и отмечено Б.О. Долгих.

Встречающийся в документации с 1621 г., князец Иркиней был как-то связан с низовьями Ангары, с местечком под названием Рыбная Ловля, но согласно книги ясачного сбора за 1627/1628 г., где он упоминается трижды, с Иркинея брали ясак два раза на Рыбной ловле и один раз – на р. Чуна[379]. При этом, на его родовую территорию должна указывать р. Иркинеева.

Упоминающийся в енисейской приходной ясачной книге 1622 г. князец Тасей, который назван братом Иркинея[380], без всякого сомнения, проживал со

[378] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 54.
[379] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 17–17 об. № 24.
[380] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 320. № 175. При этом Миллер в своем сочинении назвал братом Тасея другого князца – Ялыма (См. С. 54). В.А. Туголуков, ссылаясь на этот

своим родом на реке, получившей у русских еще при жизни князца его имя. Во всяком случае, когда в начале ноября 1624 г. Тасей со своими людьми напал на енисейских ясачных сборщиков на Рыбной ловле, то их предводитель пятидесятник Терентий Савин сразу с уверенностью заявил, что те пришли «ис Тасеевы реки»[381]. Все попытки найти Тасея и вернуть его в ясачный платеж, также связаны с походами енисейских служилых людей вверх по этой реке, причем на достаточно большое расстояние – на три недели ходу[382]. То есть, занимавшиеся поиском Тасея енисейские служилые люди, без всякого сомнения, выходили на территорию современной Иркутской области, территорию проживания чунских тунгусов. Впоследствии Тасей и погиб от рук бурят, зайдя слишком далеко вверх по р. Чуне[383]. Стоит обратить внимание и на то, что хотя Тасей, пытаясь организовать большой поход тунгусов на Маковский волок, ходил «по многим землицам», тем не менее, местом сбора («в скопе») была вновь выбрана Рыбная Ловля[384]. Впоследствии сын Тасея князец Лукашка Тасеев, который в источниках встречается очень короткий промежуток времени, всего лишь в 1627–1629 гг., также платил ясак на Рыбной ловле или на р. Тасеевой.

Тунгусский князец Болкей, упоминающийся в ясачных книгах Енисейского острога с 1627/1628 г., а впоследствии и его сын князец Наунца Болкеев во всех известных нам случаях связаны с той же Рыбной ловлей. Имя князца Мендизинкура впервые появляется в ясачной книге Енисейского острога за 1627/1628 г., согласно которой ясак с него был взят «на реке Тунгуске на Карабели»[385]. Выше говорились, что речь здесь идет о р. Карабуле, левом притоке Ангары, устье которой находится несколько выше устья р. Иркинеевой. По мнению Б.О. Долгих, имя Мендизинкура появляется в ясачных книгах Енисей-

---

фрагмент текста Г.Ф. Миллера, повторяет его ошибку. См.: Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) ... С. 48.

[381] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 7. № 10.

[382] Там же. Л. 3. № 4.

[383] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 35; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 185.

[384] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 13–13 об. № 18.

[385] Там же. Л. 17. № 24.

ского уезда в 1629 г.[386] Но в 1628/1629 г. князец Мендизинкур платил ясак вместе с князцом Тюлкинеем, а местом сбора ясака записана «Аплинская землица и река Чидобча»[387]. В последующие годы имя Мендизинкура исчезает из документации, но появляется волость с таким названием. Любопытно, что в 1631 г. во главе Мендизинкурской волости стоял князец Мукотей, который годом ранее платил ясак опять же на Рыбной ловле. Как отмечает Б.О. Долгих, с 1631 по 1642 г. эта волость во всех ясачных книгах упоминается по Рыбинскому острогу. Тем не менее, историк считает эту родовую группу чунскими тунгусами[388], в то время как В.А. Туголуков мендизикурскую волость князца Мукотея относил территориально к низовьям р. Тасеева[389].

Б.О. Долгих совершенно справедливо усматривает между этими двумя группами тунгусов родственные отношения. Более того, если принять во внимание регулярную миграцию родовых групп тунгусов, возглавляемых упомянутыми князцами, по достаточно большой территории, возможность нижнеангарских тунгусов неоднократно собирать большую численность вооруженных людей – до 300 человек – для нападения сначала на кетов левобережья, а затем и на русских служилых людей[390], то опять же стоит предполагать их достаточно тесные родственные отношения. Таким образом, проживание родовых групп двух братьев Тасея и Иркинея, представлявших собой, наверняка, разросшиеся патриархальные семьи[391], на достаточно большом расстоянии друг от друга, свидетельствует о том, что можно вести речь об общеплеменной территории лапогиров, охватывавшей не только нижнюю Ангару с ее притоками, но и р. Тасееву с Чуной. Поэтому вести речь о какой-то обособленности чунских тунгусов от нижнеангарских применительно к первой трети XVII в. преждевременно. Процесс их обособления, по всей видимости, начался после окончатель-

[386] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 203.
[387] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 19 об. № 25.
[388] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 203, 204.
[389] Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) … С. 48.
[390] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 178; Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. II. С. 48; Окладников А.П. Очерки из истории... С. 35.
[391] Степанов Н.Н. Социальный строй тунгусов в XVII в. // Советский Север. Л., 1939. Т. III. С. 54, 59, 61.

ного закрепления этого района под властью енисейской администрации в результате походов М. Перфирьева и П. Бекетова и заполнения приангарской тайги русскими промышленными людьми, оттеснившими часть этих тунгусов от Ангары на ее притоки.

Вместе с рыбинскими тунгусами платили ясак кето-язычные асаны, которые, собственно говоря, и отделяли территорию рыбинских тунгусов от чунских. Их близкое или даже совместное проживание вроде бы должно демонстрировать добрососедские отношения. Тем более в источниках отмечено и временное пребывание асанов на самой Ангаре и даже на р. Чадобец, то есть непосредственно на тунгусской территории[392]. Хотя Б.О. Долгих предполагает, что лапогиры (тунгусы-топорки) произошли от асанов в результате их ассимиляции первыми, стоит все же обратить внимание и на определенную подчиненность асанов тунгусам. Во всяком случае, известно, что у князца Тасея был «васанской мужик», который в конце лета – начале осени 1625 г. «убежал от тунгусково князца Тасейка» в «Тюлькину землицу», через него и произошла утечка информации о задумке Тасеем осуществить набег на Маковский волок и остяцкие волости по р. Кеть[393]. Вполне возможно, что этим «васанским мужиком» мог быть пленник из числа коттов, так как сведения о задумке Тасея поступили в Енисейский острог через аринцев, которые все кето-язычное население енисейско-ангарского междуречья называли асанами[394]. В любом случае, это демонстрирует доминирование тунгусов над асанами.

Ичерильцы (чапогиры, шамагиры)

Выше по Ангаре и ее притокам проживали родовые группы ичерильцев, другого тунгусского племени, численность которых, как говорилось выше, Б.О. Долгих оценивает в 530 человек[395]. Отношения их с родовыми группами

---

[392] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 196, 202, 205. Об асанах см. параграф 1-й настоящей главы.
[393] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 13 об. № 18.
[394] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 241, 244, 246.
[395] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. С. 199.

племени лапогиров, как можно судить по источникам, также носили достаточно мирный характер, на что указывает их совместное или, по крайней мере, соседское пребывание в районе Аплинского порога или даже от р. Мура до Аплинского порога[396] и совместное проживание по р. Тасеевой и р. Чуна в более позднее время.

Б.О. Долгих высказал мнение, что в ясачной книге 1628/1629 г. чадобский князец Тюлкиней назван аплинским ошибочно, так как р. Чадобец находится значительно западнее Аплинского порога[397]. Однако в ясачной книге предыдущего 1627/1628 г. ясак с Тюлкинея так же был взят в Аплинской землице[398]. Учитывая, большую мобильность тунгусов и расстояние от устья р. Чадобец до Аплинского порога всего в 150–170 км., в этом нет ничего удивительного. Кроме того, Тюлкиней мог выходить со своим родом с Чадобца на Ангару и другим путем – через р. Кежма, которую Б.О. Долгих считал местом проживания ичерильцев. Необходимо отметить, что р. Чадобец имеет длину около 650 км и протекает вдоль Ангары с востока на запад. При этом среднее течение Чадобца пролегает вблизи верховьев Кежмы. Стоит учитывать и то обстоятельство, что вхождение той или иной родовой группы тунгусов в состав волости как ясачной территориальной единицы далеко не всегда соответствовало ее племенной принадлежности, а определялось фискальными интересами ясачных сборщиков.

Как отметил Б.О. Долгих, ичерильцы Средней Ангары и шамагиры (шаманцы) бассейнов Илима и Верхней Лены представляли собой одно племя[399]. В подтверждение такого мнения можно привести пример, что чапогирский князец Болтурин, встречавшийся в районе Аплинского порога и князец Когоня, упоминавшиеся в ясачных книгах Енисейского острога с 1627/1628 г., названы шаманцами, князец Малца (Мулта) – шаманом, а его сын, Готал Мултин – ичерильцем[400]. Шаманские тунгусы бассейна р. Каты позднее вошли в состав

[396] Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) ... С. 49.
[397] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 200.
[398] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 17. № 24.
[399] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 199.
[400] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 17–17 об. № 24; Л. 20. № 25.

Илимского уезда или были причислены к Братскому острожку. Другая часть ичерильцев, проживавших выше по течению Ангары, изначально тяготела к району Братских порогов, вероятно по причине зависимости от бурят. И, наконец, проживали представители этого племени в бассейне р. Илим. Численность ичерильцев-шамагиров, проживавших на Ангаре и ее притоках между устьями Илима и Оки Б.О. Долгих определяет в 200 человек. Стоит отметить, что ичерильцы Среднего Приангарья поддерживали достаточно тесные отношения с чемдалями Подкаменной Тунгуски. С XVII в. много ичерильцев вошло в состав этого племени, что может свидетельствовать если не о родственных, то достаточно тесных отношениях между этой частью шамагиров и чемдалями.

Таким образом, к концу 20-х гг. – началу 30-х гг. XVII в. на территории Нижнего и Среднего Приангарья проживало около 1800 тунгусов двух племен – все племя лапогиров (более 1000 человек) и ичерильцы, представлявшие собой часть племени шамагиров (более 700 человек) [401]. Далее, на восток от ичерильцев, проживали тунгусы, тяготевшие к бассейну р. Илим.

Б.О. Долгих определял территорию уезда «по пределам освоения земельных пространств племенами коренного населения, приписанного к тому или иному уезду»[402]. При этом, историк сам обращает внимание, что реальное проживание племени или родовой группы не всегда соответствовало месту пребывания аманатов из этой группы, что, по его мнению, является активностью служилых людей из того или иного зимовья. Например, в соседнем Мангазейском уезде, баягиры бассейна р. Котуй платили ясак в Титейское зимовье, находившееся от них в 500–600 км., в верховьях Нижней Тунгуски[403]. На наш взгляд именно этот момент и является показателем широты кочевых переходов родовых групп тунгусов по тайге или направлением их миграции, которую застали ясачные сборщики. Сложно предположить, что ясачные сборщики, направлявшиеся в верховья Нижней Тунгуски, смогли захватить аманатов из этой группы, делая от среднего течения реки крюк к северу на 300–400 км.

---

[401] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 196, 199, 207–209, 219.
[402] Там же. С. 120.
[403] Там же. С. 120, 121.

Поэтому ситуации, когда одно племя, часть племени или родовая группа могли платить ясак то в одном, то в другом уезде или одновременно в двух уездах, а реально при этом проживать значительную часть времени на другой территории, следует признать достаточно обыденной. Несовпадение границ уездов и территорий проживания этнических образований аборигенного населения было столь же обычным явлением в условиях Восточной Сибири, как несовпадение ясачных волостей и районов проживания родовых групп.

Главной проблемой рассмотрения этнополитической ситуации в районах проживания тунгусов остается невозможность определения родоплеменной структуры. Никаких признаков стройной и прочной племенной организации у них не обнаруживается. Как отметил Б.О. Долгих, «это … характерно для патриархально-родового общества, система которого основана на авторитарных началах. Только некоторые военные вожди и шаманы выступают в качестве представителей целых племен». При этом более отчетливо прослеживается институт глав родов. Б.О. Долгих выделяет два типа родов. У одних типичные для данного народа названия, чаще всего сохранившиеся до настоящего времени. У других – названия образованы по именам возглавлявших эти роды лиц. Более крупные роды первого типа, по его мнению, можно считать фратриями. Главами родов часто являлись шаманы[404].

Очень неясен вопрос о племенах. Как отмечал Б.О. Долгих, «Если племенем считать этнографическую территориальную и диалектическую общность и не включать в число признаков племен существование племенной организации, то, использовав данные современного языкознания и предания и традиции самого населения, можно наметить … племенные группировки коренного населения…»[405].

На наш взгляд, к этому высказыванию следует добавить и выводы, связанные с потестарно-политической (этнополитической) ситуацией в районах проживания тех или иных групп тунгусов. В условиях родового строя объеди-

[404] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 181.
[405] Там же. С. 181–182.

нение представителей различных родовых групп перед лицом внешней опасности достаточно красноречиво свидетельствует о каких-то родственных отношениях между ними. Учитывая численность этих объединений, вряд ли стоит сомневаться, что они являются племенами. Немаловажным и достаточно красноречивым фактором представляется и существование мирных или конфликтных отношений между родовыми группами. В условиях войны «всех против всех» самоидентификация, четкое деление окружающих на своих и чужих являлись непременным условием выживания каждого этнического образования.

Судя по всему, тунгусы переживали, так называемый, «героический» период в своем развитии. В условиях отсутствия четкой племенной структуры и авторитете силы, в тунгусских родах и племенах, как отметил Б.О. Долгих, «первенствующую роль зачастую играли сравнительно молодые люди, которым подчинялись, по-видимому, в ряде вопросов, по крайней мере, и старики»[406].

Надо полагать, что именно эти сравнительно молодые люди в значительной степени и определяли направление внешней активности своих родовых групп. Об этом говорит первая попытка русских служилых людей взять ясак с тунгусов Приангарья: отправленная летом 1619 г. П. Албычевым и Ч. Рукиным из Маковского острожка небольшая группа служилых людей во главе с Давыдкой Городчиковым встретилась с тунгусскими князцами Харычеем и Тасиной (Тасеем? – *А. Б.*). Встреча, судя по всему, произошла на Енисее. Князцы пришли к служилым людям на коч и, в ответ на их предложение платить ясак, заверяли: «...мы де государю радеем и ясак дадим, да лихие де у нас молодые люди, нас ни в чем не слушают и, собрався, хотят итти на Кеть под остроги, и кецких и касовских ясашных остяков воевать».[407] Таким образом, с кем и когда воевать – решали не князцы, а рядовые воины.

А вот как описывает подобную ситуацию Л. Морган, рассматривая ирокезский род: «Каждый воин имел законное право организовать отряд и искать приключений в любом избранном им направлении. Вождь, полный воинского

[406] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 181.
[407] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 291–292. № 143.

задора, исполнял военную пляску. К нему присоединялись все желающие разделить с ним славу приключения. После этого они вступали на тропу войны»[408].

Стоит обратить внимание, что кроме достаточно четко выраженных родственных отношений между родовыми группами, говорящими об их общеплеменной принадлежности, много случаев продолжительного мирного сосуществования, тяготения друг к другу некоторых соседских родовых групп тунгусов.

Выше мы приводили факты подобного тяготения варгаганцев к племени чапагиров Мангазейского уезда. Наоборот, тяготели к бассейну Илима и Верхней Лены некоторые группы тунгусов других уездов. В частности, тунгусы, платившие ясак в Курейское зимовье Мангазейского уезда, находившееся в верховьях Нижней Тунгуски. Не случайно в 1701 г. они все же перешли на территорию Илимского уезда[409].

Подобные отношения могут указывать на родственность, общее происхождение этих соседних групп. А могут говорить и на установление эндогамных отношений и тенденцию к возможному слиянию, что реально происходило с некоторыми тунгусскими группами. Об этих фактах также говорилось выше.

Как бы ни было, на рассматриваемой таежной территории, которую в 1620-х гг. присоединяли к Енисейскому уезду служилые люди, проживало около 4500 человек тунгусского населения, занимавшегося охотой и рыболовством[410]. Внешняя активность тунгусов в разных районах этой достаточно обширной территории была разной. Возможно, что зависела она от близости границ территории расселения тунгусов, т. е. от внешнего иноэтнического фактора. Именно этим можно объяснить сплоченность нижнеангарских лапогиров, проводивших активные наступательные действия на кето-язычное население енисейского левобережья и, одновременно испытывавших определенный прессинг со стороны приангарских бурят. В других же, соседних, районах Восточной Сибири можно отметить только активность отдельных тунгусских князцов,

[408] Морган Л.Г. Лига ходеносауни, или ирокезов. С.45–46.
[409] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 276.
[410] Карлов В.В. Эвенки в XVII – начале XX в. М., 1982. С. 9.

направленную против соседних родовых групп, относившихся к другим племенам.

Таким образом, можно констатировать, что начавшееся после основания Енисейского острога продвижение служилых людей за Енисей показало, что ситуация на правом берегу этой реки, населенной тунгусскими родовыми группами, серьезным образом отличается от того, что было ранее на левом берегу, населенном кетами (енисейскими остяками). Более многочисленные, чем кеты, тунгусы оказались и более воинственными, с чем енисейские ясачные сборщики столкнулись вскоре после начала своего проникновения за Енисей. А невероятная мобильность тунгусов, чем они так же отличались от кетов, создавала серьезные проблемы служилым людям в их поиске в тайге. Хотя за первое десятилетие существования Енисейского острога отряды служилых людей смогли дойти до Братских порогов на Ангаре и продвинулись по Подкаменной Тунгуске, можно говорить о том, что вхождение этой довольно обширной территории в состав Русского государства оставалось достаточно условным: все упоминающиеся в «книгах ясачного сбора» ясачные волости до конца 20-х гг. XVII в. были неокладными и количество собираемой с них пушнины оставалось не регламентированным. При этом совершенно очевидным было то, что, «отхватив» такую обширную территорию, енисейский гарнизон, численность которого составляла только 100 человек, физически был не в состоянии добиваться регулярной выплаты определенного количества пушнины тунгусами путем обхода тунгусских волостей, как это происходило в остяцких волостях енисейского левобережья. Необходимо было менять сам механизм сбора ясака с тунгусов.

2.4. Механизм управления новыми территориями, начало создания сети острожков

Сбор ясака путем обхода «землиц»

Еще Б.О. Долгих обратил внимание на отличия в организации сбора ясака на различных частях территории Енисейского уезда. Хотя, как писал историк,

«в Енисейском уезде не было системы ясачных зимовий, к которым были приписаны определенные туземные племена» [411], тем не менее, он все же отмечал, что основанные на Ангаре Рыбинский, Братский и Балаганский остроги «имели в основном значение опорных пунктов среди коренного населения и мест сбора ясака», в то время как на других, в том числе и на тунгусских, территориях уезда сбор ясака осуществлялся «путем объезда их ясачными сборщиками», или тунгусы «непосредственно платили его в город»[412].

Еще одним важным обстоятельством сбора ясака на территории Енисейского уезда является то, что до самого конца XVII столетия волости приангарских тунгусов оставались неокладными[413].

Как говорилось выше, продвижение отрядов енисейских служилых людей вверх по Ангаре стало сопровождаться объясачиванием тунгусского населения. Причем процесс этот происходил невероятно стремительно. Если первые тунгусские родовые группы Приангарья начали платить ясак енисейским ясачным сборщикам через год после основания Енисейского острога[414], то в 1625 г. отряд енисейских служилых людей уже поднялся по Ангаре выше устья Илима, дойдя до Шаманского порога[415].

Однако стоит обратить внимание на некоторые особенности в механизме ясачного сбора с тунгусов Нижнего Приангарья в эти годы. В частности, зимой 1620/1621 г. с тунгусов самого низовья Ангары взяли ясак енисейские служилые люди, отправленные для сбора пушнины с остяцкой Кипанской волости[416]. Складывается впечатление, что этих тунгусов им удалось привести в ясачный платеж совершенно случайно – просто те оказались в нужное время в нужном месте. Но уже с мая 1621 г. в Енисейский острог стали приходить с ясаком князцы других групп нижнеангарских тунгусов – Ялым и Иркиней. А вскоре

---

[411] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С.183.
[412] Там же.
[413] Там же. С. 195.
[414] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 302–304. № 158.
[415] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 4 об. № 6.
[416] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 54, 319–320. № 175.

енисейскими служилыми людьми был привезен ясак еще от одного тунгусского князца – Югани[417].

Князец Ялым прибыл в острог 15 мая (сразу после ангарского ледохода. – *А. Б.*), а Иркиней – 6 июня. Причем, оба князца пришли в Енисейск сами. Первый принес 30 соболей, второй – 40. Так как родовые группы этих князцов к указанному времени еще не были включены в ясачный платеж, то приемщики пушнины логично расценили этих соболей как поминочных (подарочных). Надо полагать, что за добровольное приношение пушнины оба князца получили хорошие подарки и государево угощение – были накормлены «вдоволь» и напоены вином[418]. В последующие годы эти князцы фигурируют в ясачных книгах Енисейского острога как предводители групп ясачных тунгусов[419]. Более того, в 1622 г. Иркиней дважды давал ясак в Енисейский острог: 24 мая вместе со своим братом Тасеем – 9 соболей и 7 июня – 10 соболей[420]. Судя по всему, Иркиней с удовольствием получал государевы подарки и угощение, как и другие тунгусские князцы.

В любом случае, даже если тунгусские князцы сами не приходили в Енисейский острог, стоит отметить, что в первые годы они давали служилым людям ясак без серьезного сопротивления. Во всяком случае, источники молчат о каких-либо вооруженных столкновениях, хотя обходы Нижнего Приангарья с целью ясачного сбора совершались совсем небольшими отрядами енисейцев – всего по нескольку человек. Об этом можно судить и по численности енисей-

---

[417] Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. II. С. 54; Туголуков В.А. Тунгусы (эвены и эвенки) … С. 48.

[418] О государственной политике по отношению к аборигенам и роли их материального вознаграждения см.: Бродников А.А. Подарки аборигенам как элемент механизма их вовлечения в ясачный платеж (на примере Ленского волока и прилегающей территории) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 12, вып.1. История. Новосибирск, 2013. С. 23–26. См. так же: Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т.3, ч.2. С. 49–85; Павлинская Л.Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). и др.

[419] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 54, 320. № 175. Выше уже говорилось, что Г.Ф. Миллер, ссылаясь на источник, допускает неточность: в тексте своего труда братом Тасея он называет князца Ялыма, хотя в тексте документа таковым упоминается князец Иркиней.

[420] Там же. С. 320. № 175.

ского гарнизона, который до 1623 г. мог насчитывать не более 40–50 человек годовальщиков, присылаемых из городов Западной Сибири.

Только в 1623 г., когда в Енисейский острог прибыл первый воевода Я. Хрипунов и в остроге появился собственный гарнизон численностью в 100 стрельцов[421], возникла возможность отправки в отдаленные «землицы» групп служилых людей значительной для Сибири численности[422]. Первый такой поход как раз и состоялся сразу по прибытию Я. Хрипунова в Енисейск, когда посланный им «литвин» Яков Плешевский с отрядом в 50 человек, прошел вверх по Ангаре, добавив к территории Енисейского уезда новые волости – Асанскую, Аплинскую и Калякшинскую[423].

По нашему мнению, этот поход во многом напоминает разведывательную экспедицию, целью которой было дойти до крайней точки ранее разведанных «землиц», поскольку кроме сбора ясака с новых территорий, других результатов она не дала. Но посланные в следующем 1624 г. по этому же пути [424] дворянин Андрей Дубенский и атаман Василий Тюменец с отрядом несколько меньшей численности – в 40 человек, не только увеличили количество плательщиков ясака в годом ранее открытых «землицах», но и смогли продвинуться гораздо дальше своих предшественников и приблизиться вплотную к Братской земле[425].

Таким образом, в первые пять лет после основания Енисейского острога, продвижение служилых людей вверх по Ангаре проходило достаточно легко,

---

[421] Первоначально енисейский гарнизон состоял из стрельцов. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 303–318; Кн. 47. Л. 83–90, 120–133. После увеличения его численности в первой половине 30-х гг. XVII в. в енисейских окладных книгах это подразделение продолжало называться «стрельцами старой сотни». См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 100–118, 186–200. Только с начала 1640-х гг. все служилые люди в енисейских окладных книгах называются казаками. См.: См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 153. Л. 49–68, 186–200.

[422] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 350–351.

[423] Там же. Стб. 12. Л. 354–364; Стб. 1674. Л. 25–26.

[424] В источниках последующих лет аплинцы уже не отделялись от остальных тунгусов Приангарья. Подобным же образом практически все вновь объясаченные группы тунгусов в первые годы упоминаются в источниках по их родовым названиям, выделяясь из основной массы ранее начавших платить ясак родовых групп тунгусов, а уже через два – три года такое их выделение исчезает.

[425] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 351–352, 353–355.

без видимого сопротивления со стороны тунгусов. Сбор ясака при этом осуществлялся путем обхода тунгусских родовых групп часто совсем небольшими по численности отрядами служилых людей, что позволяло енисейской администрации использовать основные силы гарнизона «для прииску» «новых землиц», отправляя значительную часть своего контингента вверх по Ангаре. Отчасти служилые люди из этих отрядов также осуществляли сбор ясака с тунгусов Приангарья, встречавшихся им по пути.

Но, как говорилось выше, в середине 20-х годов XVII в. подчинившиеся было тунгусы Нижнего Приангарья, неожиданно для енисейцев начали оказывать усиленное сопротивление[426]. Первый случай нападения тунгусов на енисейских служилых людей произошел осенью 1624 г. 30 октября 1624 г. пятидесятник Терентий Савин с небольшой группой стрельцов отправился на Ангару. Задача перед ним стояла традиционная – собрать ясак за 133 год (1624/1625 г.) с князца Иркинея[427], как говорилось выше, начавшего платить дань пушниной непосредственно в Енисейский острог еще в 1621 г.[428] и привести «под государеву руку» ранее еще не объясаченных окрестных тунгусов. То есть, хотя енисейские служилые люди продвинулись по Ангаре почти на 1000 верст, совсем рядом, в 100–150 верстах еще оставались группы тунгусов, которые еще не платили ясак. Становилось очевидным, что в системе сбора ясака следует провести изменение.

Видимо по этой причине в местечке под названием Рыбная Ловля (в устье р. Рыбной, правого притока Ангары, в районе современного с. Мотыгино – *А. Б.*), где регулярно собирались тунгусы, и где позднее был основан Рыбинский (или Рыбенский) острожек, для этой цели, оптимизации сбора ясака, было построено зимовье. Точное время строительства этого зимовья не известно, но осенью 1624 г. оно уже существовало. Именно там и произошло первое нападение на енисейских ясачных сборщиков тунгусов князца Тасея, пришедших с

---

[426] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 209; Александров В.А. Русское население Сибири... С. 37; Быконя Г.Ф. Андрей Дубенский – основатель Красноярска. С. 13.
[427] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 6 об.–7. № 10.
[428] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 303–304. № 158.

реки, впоследствии получившей название по имени этого князца. Зимовье позволило небольшой группе служилых людей укрыться от нападавших и даже «отсидеться» в осаде в течение шести дней[429], что показало целесообразность строительства таких небольших укрепленных пунктов.

По подсчетам Б.О. Долгих, численность нижнеангарских ясачных тунгусов, то есть взрослых дееспособных мужчин-воинов, достигала 140–209 человек по разным подсчетам[430]. Но, как свидетельствуют источники, в 1610–1612 гг. князец Данул собирал для нападения на кетов до 300 человек тунгусов, а позднее, в 1627 г., князцы Иркиней, Боткей и Лукашка Тасеев смогли собрать для нападения на русских служилых людей примерно такое же количество соплеменников[431]. То есть к 1625 г. еще далеко не все тунгусы Нижнего Приангарья платили государев ясак.

Следующий поход вверх по Ангаре был организован только 18 июня 1626 г.[432]: небольшой отряд численностью всего 15 человек во главе с подьячим М. Перфирьевым, целью которого было собрать ясак с «изменников», смог продвинуться до Шаманского порога[433], и, так же как и предшествующие отряды, вернулся обратно в Енисейск в полном составе, без потерь. Для енисейского воеводы становилось понятным, что прежний механизм сбора ясака необходимо менять: территория уезда разрослась на восток достаточно далеко и продолжать собирать ясак путем обхода «землиц» уже было проблематичным, так как отправляемые из Енисейского острога служилые люди в течение одной навигации теперь с большим трудом успевали собирать ясак с тунгусов отдаленных «землиц» – слишком много времени уходило на то, чтобы добраться до них. А на повестке дня уже стоял вопрос об объясачивании бурят.

---

[429] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 7. № 10.
[430] См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 195, 201.
[431] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 48; Окладников А.П. Очерки из истории... С. 35.
[432] Причиной этой задержки были события упомянутого выше Ениейского бунта, произошедшего в начале мая 1626 г. Об этом см.: Покровский Н.Н. Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «слову и делу государеву» ... С.24–61; Бродников А.А. О причинах и последствиях Енисейского бунта 1626 г. С. 11–19.
[433] Окладников А.П. Очерки из истории… С. 33.

Отдельно следует сказать о сборе ясака с чадобской группы волостей. Согласно тем же ясачным книгам, не смотря на уже основанные Рыбинский и Братский острожки, ясак на этой территории, расположенной как раз между ними, служилые люди все еще продолжали собирать путем обхода «землиц». Б.О. Долгих пришел к выводу, что тунгусы Рыбинских и части Чадобских волостей (до р. Мура по левому берегу Ангары) принадлежали к одному племени лапогиров [434], при этом, чадобскую группу волостей исследователь все же выделяет особо, видимо учитывая и некоторую особенность в сборе ясака с этой территории. К названной группе волостей Б.О. Долгих относил волости ангарской излучины от рр. Чадобец и Мура до р. Ката[435]. Соответственно, к ним же относились и тунгусы с Аплинского порога. Но при этом другая часть тунгусов, проживавших по правому берегу Ангары от р. Чадобец и выше (судя по всему – вперемежку с лапогирами. – *А. Б.*) и в бассейне Илима, представляли собой другое племя, часть которого на Ангаре русские называли ичерильцами, а на Илиме – шамагирами[436].

У нас не вызывает сомнения, что ясак с этих волостей собирали служилые люди, возвращавшиеся из-под Братских порогов. В частности, в ясачной книге 1627/1628 гг. волости ангарских тунгусов и их князцы упоминаются в порядке следования отряда М. Перфирьева в сторону Братских порогов и обратно. При этом, поднимаясь вверх по Ангаре, енисейцы собрали ясак с тунгусов на Рыбной Ловле и р. Карабели (р. Карабула. – *А. Б.*) и Аплинской «землицы», а на обратном пути, возвращаясь после зимовки, под Братскими порогами по некоторым волостям прошлись повторно, в том числе еще раз взяли ясак с тунгусов, встреченных на Рыбной Ловле[437].

В книге ясачного сбора за 1628/1629 г. говорится, что аплинский и чадобский князцы Тюлкиней и Мендизинкур дали в качестве ясака более восьми сороков соболей. К сожалению, из текста этого документа не понятно кто собирал

---

[434] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 200–204.
[435] Там же. С. 198.
[436] Там же. С. 198–199.
[437] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 17–17 об. № 24.

ясак с Чадобских волостей, но поскольку Аплинская «землица» и р. Чадобча упоминаются после Асанской «землицы», есть основания предполагать, что собирали с них ясак служилые люди из отряда П. Бекетова, проходившие в сторону Братских порогов[438].

В качестве подтверждения нашего мнения, что ясак с этой территории собирали не специально направляемые туда группы ясачных сборщиков, а служилые люди из отрядов, направляемых вверх по Ангаре в более отдаленные районы, можно привести сведения о рассылке служилых людей енисейского гарнизона в 1630–1631 гг. В этой росписи («Роспись землям, в которые посланы Енисейского острогу служилые люди и поскольку человек в которую землицу послано») говорится, что в 1630 г. были отправлены отряды во главе с М. Перфирьевым и И. Галкиным к Братским порогам и на Лену для строительства острогов. Ко времени составления росписи 5 июня 1631 г. в Енисейский острог со своих служб они еще не вернулись[439]. Им на перемену 8 мая 1631 г. из Енисейского острога отправлены отряды во главе с В. Москвитиным и П. Бекетовым[440]. Отправлены так же отряды служилых людей вверх по р. Тасеевой – на Чуну и Ону (Бирюсу). Отправлен отряд вниз по Енисею на заставу к устью р. Сым и небольшие группы служилых людей в Маковский и Рыбинский острожки. Таким образом, в Чадобские волости специальные группы ясачных сборщиков не отправлялись.

Надо полагать, что в результате того, что с начала 30-х гг. XVII в. основные усилия енисейской администрации были направлены на продвижение отрядов служилых людей на Лену, ясак с Чадобских волостей собирался по остаточному принципу и, судя по всему, не регулярно. Отправленные на Лену отряды служилых людей стремились быстрее дойти до Ленского волока. В течение зимы разыскивать тунгусов по этой достаточно обширной и отдаленной от волока территории было совершенно не удобно: преодоление нескольких сот верст на лыжах не гарантировало ясачным сборщикам встречи с ясачными тун-

[438] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 19 об.–20. № 25.
[439] Там же. Л. 43. № 37.
[440] Там же. Л. 43–43 об. № 37.

гусами. А возвращавшиеся с Лены отряды, которые везли уже большое количество пушнины, опасались надолго останавливаться в Чадобских волостях и собирали ясак только с тех тунгусов, которые, надо полагать, попадались на пути по берегам Ангары. В итоге, накапливались недоимки по уплате ясака с Чадобских волостей[441].

Не случайно, десять лет спустя останавливавшиеся на зимовку в Енисейском остроге первые якутские воеводы П. Головин и М. Глебов интересовались у енисейского воеводы Н. Веревкина тем, как осуществляется сбор ясака с Чадобских волостей: расспрашивали про чадобский и илимский ясачный сбор служилых людей Сергушку Глухово «с товарыщи», которого Веревкин посылал для недобранного ясака в Чадобскую волость, и чадобского тунгуса Амича, которого они привезли в Енисейск «для ясачной справки». Выяснилось, что ясак там, от р. Чадобец до бассейна Илима обычно собирали служилые люди, которые ходили на Лену[442]. В результате это обстоятельство привело к попытке якутских воевод добиться, чтобы к Якутскому уезду были отнесены не только илимские волости, но и чадобские[443].

Таким образом, до начала 30-х гг. XVII в. механизмом сбора ясака с тунгусов близлежащих к Енисейскому острогу районов Нижнего Приангарья и низовьев Подкаменной Тунгуски представлял собой их обход небольшими группами ясачных сборщиков, отправлявшихся из уездного центра в начале зимнего периода. С находившихся на Средней Ангаре Чадобских волостей ясак собирался так же путем их обхода служилыми людьми, но только во время продвижения их отрядов в более отдаленные «землицы», и являлось фактически сопутствующим действием, что приводило к нерегулярному сбору ясака с этих «землиц» и требовало изменения механизма ясачного сбора.

---

[441] РГАДА. Ф. 214 Оп. 3. Стб. 75. Л. 436, 456.
[442] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 145 об.–147. № 96.
[443] Бродников А.А. Территория Якутского уезда: к вопросу об образовании Якутского воеводства // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX века. Бахрушинские чтения 1996 г. Новосибирск, 1998. С. 3–11.

Сбор ясака из Рыбинского острога

Сложившаяся в Нижнем Приангарье ко второй половине 20-х гг. XVII в. ситуация во взаимоотношениях ясачных сборщиков с тунгусами не позволяла енисейской администрации так же активно, как и ранее продолжать расширение территории уезда. Тем более что возможности гарнизона, исходя из его численности, были весьма ограничены. Необходимо было усиливать контроль над тунгусами хотя бы на ближайшей к Енисейскому острогу территории. Выше говорилось о том, что к осени 1624 г. в местечке под названием Рыбная Ловля уже существовало какое-то зимовье[444]. Кем оно было построено – промышленными или служилыми людьми – не известно. Очевидно только, что использовалось оно эпизодически, в том числе и ясачными сборщиками. Поэтому зимовье и представляло собой просто небольшую избу, где при необходимости можно было не просто переночевать, но и пожить некоторое время. События, связанные с нападением тунгусов князца Тасея на отряд ясачных сборщиков пятидесятника Т. Савина, показали, что это зимовье на Рыбной Ловле оказалось очень кстати. Более того, выяснилось, что даже в неукрепленной избушке служилым людям можно не просто пожить какое-то время, но и выдержать осаду тунгусов, воинские навыки которых не подразумевали осады укрепленных пунктов противника.

Поскольку было очевидным, что тунгусы Нижнего Приангарья тяготели к Рыбной Ловле, в летнее время собирались в этом месте для рыбалки, а, по мнению Б.О. Долгих, и для проведения своих племенных празднеств – сугланов[445], то было целесообразным уже имевшееся зимовье преобразовать в острожек, который мог бы являться центром сбора ясака с тунгусов на значительной части Нижнего Приангарья, по крайней мере, на территории от р. Тасеевой до р. Иркинеевой. Однако ни енисейский воевода Я. Хрипунов, ни сменивший его А. Ошанин так и не нашли возможность инициировать строительство острожка в том месте, хотя, как отмечают источники, енисейским ясачным сборщикам и

[444] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 6 об.–7. № 10.
[445] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 202–203.

позднее приходилось выдерживать осаду от тунгусов князца Тасея в зимовье на Рыбной Ловле, например, в 1626 г.[446]

Изменение механизма сбора ясака в Приангарье стало происходить только при третьем енисейском воеводе Василии Аргамакове. Выше уже говорилось о нападении тунгусов на отряд М. Перфирьева весной 1628 г. у местечка под названием Рыбная ловля. Вероятно, это событие и стимулировало енисейскую администрацию инициировать строительства острожка в том месте. Во всяком случае, отписка в Москву об этом была отправлена из Енисейска немедленно.

Царская грамота с указанием строительства острожка на Рыбной ловле могла дойти до Енисейска в лучшем случае в конце ноября – начале декабря 1628 г. События же заставляли действовать, не дожидаясь получения указания из Москвы. В конце лета – начале осени 1628 г., когда в Енисейском остроге скопилось достаточное количество вернувшихся с различных «дальних служб» служилых людей, В. Аргамаков вновь послал для уговоров вверх по Ангаре хорошо вооруженный отряд в 30 человек служилых и 60 человек промышленных людей во главе со стрелецким сотником Петром Бекетовым – «тунгуских людей уговаривать ласкою»[447]. С ним для уговоров были отправлены два подгородних остяцких князца Тымко Переоров и Лупа[448]. При этом воевода Аргамаков писал в Тобольск, что в соответствии с распоряжением воеводы Трубецкого служилых людей он «войною послать без государева указу не смеет»[449].

Несмотря на заявления о мирном характере этого похода, численность отряда свидетельствует о несколько ином замысле енисейской администрации. Тем более, что сложившаяся ситуация уже не предполагала мирного разрешения проблемы. Столкновение с тунгусами действительно произошло. Источник,

---

[446] РГАДА. Ф. 214 Оп. 3. Стб. 12. Л. 175–176.

[447] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 210; Александров В.А. Русское население Сибири… С. 40.

[448] В других источниках остяцкий князец Лупа не встречается. Но в документации 1626 г. встречается князец питских тунгусов Лопа. Например, см.: РГАДА. Ф. 214 Оп. 3. Стб. 12. Л. 21.

[449] РГАДА. Ф. 214 Оп. 3. Стб. 12. Л. 210.

челобитная одного из участников похода Федора Андреева Соловцова, поданная 25 июля 1629 г. енисейскому воеводе В. Аргамакову, дает весьма скудную информацию об этом событии. В 1628 г. он ходил с П. Бекетовым ставить острожек на Рыбной Ловле. Острожек был успешно поставлен при помощи промышленных людей. Во время строительства острожка произошло нападение тунгусов на отряд Бекетова: во время этой «драки» Ф. Соловцов был ранен в поясницу[450], после чего он «с тое раны лежал с полгода и стал увечен» и не может нести службу. Именно полученное тяжелое ранение послужило причиной его челобитья: просит отпустить его со службы и разрешить уехать к родителям в Москву[451].

В результате этого похода П. Бекетову удалось усмирить «воровских» тунгусов. На Рыбной Ловле, где столкновения с тунгусами становились регулярными, енисейцы, как и было запланировано, на месте зимовья в устье р. Рыбной, поставили острожек, который стал опорным пунктом в неспокойной «землице» и позволил в последующем контролировать значительную часть территории Нижнего Приангарья. Во время сражения с напавшими тунгусами служилым людям удалось захватить нескольких аманатов: они «лутчих людей князцей Иркинея и Боткея и Орколичю с товарыщи переимали и взяли в Енисейской острог в закладчики»[452]. Текст источника не дает четкого представления о том, были ли захвачены в аманаты сами князцы или только их «лучшие люди». Захват заложников действительно «замирил» нижнеангарских тунгусов, после чего енисейская администрация и служилые люди смогли обратить пристальное внимание на новые «землицы», лежащие вверх по Ангаре, на бурятскую землю.

А.П. Окладников, признавая факт строительства Рыбинского острожка П. Бекетовым («Сначала он остановился на Рыбной Ловле для постройки острожка…»), указывает в сноске, что «Рыбенский острожек первоначально

[450] РГАДА. Ф. 214 Оп. 3. Стб. 12. Л. 554.
[451] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 29–29 об. № 30.
[452] Там же. Л. 29 об. № 30.

был основан не Бекетовым в 1629 г., а Перфирьевым в 1627 г.»[453]. Однако о существовании какого-то зимовья в том месте источники упоминают, как мы говорили выше, по крайней мере, с 1624 г. – со времени нападения тунгусов князца Иркинея на пятидесятника Т. Савина. В книге ясачного сбора за 1628/1629 г. среди неокладных волостей указывается на сбор ясака «на Рыбной Ловле в новом острожке» как раз с князцов Иркинея, Боткея и Мукотея. При этом в аналогичной книге за предшествующий год речь идет о сборе ясака на Рыбной Ловле, но острожек в том месте не упоминается[454]. Имеется и достаточно конкретное сообщение о времени строительства этого острожка – в отписке В. Аргамакова по поводу челобитья сына боярского Федора Андреевича Соловцова говорится, что после стычки М. Перфирьева с тунгусами на Рыбной Ловле «для того посылан был на Рыбную Ловлю для острожного ставленья сотник стрелецкой Петр Бекетов»[455].

Таким образом, по нашему мнению, временем строительства Рыбинского острожка следует считать осень 1628 г., так как отправлялся отряд П. Бекетова по воде, но год указывается в источнике 137 (1628/1629 г.)[456]. Кроме того, когда в 1631 г. воевода князь С. Шаховской по просьбе М. Перфирьева составлял его послужной список, он указывал в этом документе на строительство острожка выше устья Илима в 136 г. (1627/1628 г.) и острога в Братской земле «в крепком и в угожем месте» в 139 г. (1630/1631 г.) О строительстве М. Перфирьевым острожка на Рыбной Ловле речь не идет, хотя в сведениях такого рода всегда старались упоминать все «явственные» службы[457].

В первые годы своего существования Рыбинский острожек являлся местом сбора ясака с тунгусов, определенных енисейскими ясачными книгами как

---

[453] Окладников А.П. Очерки из истории… С. 35.
[454] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 17–17. № 24; Л. 19 об.–20. № 25.
[455] Там же. Л. 29 об. № 30.
[456] Там же. Л. 29. № 30.
[457] См.: СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 44–46. № 38.; Фишер И.Э. Сибирская история… С. 343; Окладников А.П. Очерки из истории… С. 35; Александров В.А. Русское население Сибири… С. 40.

обитателей Приангарья от устья р. Тасеевой до устья р. Иркинеевой[458]. Но уже вскоре район сбора ясака в этот острожек стал расширяться: с 1628/1629 г. в него стали платить ясак асаны, а позднее подведомственная ему территория расширилась до р. Муры[459], включив в себя остальных соплеменников князца Тасея[460].

Таким образом, построенный на правом берегу Ангары, в месте, к которому тяготели нижнеангарские тунгусы-лапогиры, Рыбинский острожек способствовал их окончательному «замирению». Теперь сбор ясака с тунгусов окружающей его территории происходил путем его доставки в острожек самими платильщиками, с которых были взяты аманаты. Находившиеся в острожке енисейские годовальщики теперь не обходили тунгусские волости, а занимались охраной аманатов и приемом ясака.

Братский острог и его ясачная территория

В научной литературе об основании Братского острога имеются весьма разнообразные сведения и о времени его строительства, и о месте. Из исследователей мало кто обратил внимание на то, что острожков, которые в документации называются «Братскими» было несколько, причем, некоторые из них существовали в одно время. В частности, Б.О. Долгих, рассматривая в своей монографии механизм сбора ясака на территории Енисейского уезда, упоминает только один Братский острог[461].

А.П. Окладников отмечал строительство Братского острожка отрядом М. Перфирьева «выше устья реки Илима под Первым Шаманским порогом» во время похода 1627/1628 гг.[462] Сменивший его П. Бекетов, надо полагать, зимовал именно в этом острожке, но об этом у исследователя речь не идет. Выдвигается только предположение, что стрелецкий сотник смог подняться через по-

[458] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 195–204.
[459] Там же. С. 197, 205.
[460] Там же. С. 202–203.
[461] Там же. С. 183–184, 207–214.
[462] Окладников А.П. Очерки из истории… С. 34.

роги и дойти не только до устья р. Оки, но и гораздо выше –возможно, что до места основания будущего Балаганского острожка[463]. Правда, через несколько страниц мысли о пребывании Бекетова даже выше места Балаганска – у устья р. Осы – приводятся уже как утверждение[464].

Говоря о «серебряной экспедиции» Я. Хрипунова, А.П. Окладников, ссылаясь на наблюдения Н. Спафария, указывает на наличие остатков лагеря «полка» Хрипунова на Ангаре на расстоянии одного дня пути ниже устья р. Вихоревой «на пятый день после Шаманского порога», при этом речь идет именно о лагере, где на какое-то время хрипуновцы оставили свои припасы («кош»), откуда они ходили в земли бурят и где подверглись нападению со стороны тунгусов[465]. Однако вслед за этим историк утверждает, что, походив по Ангаре, на месте этого лагеря Хрипунов поставил острожек, который «очевидно ... и был тем Усть-Илимским острожком, который остался после похода Я. Хрипунова на Ангаре под названием Братского, что у Братских порогов»[466]. Только вот от устья Илима до Шаманского порога расстояние преодолевалось еще за два «днища»[467] и, таким образом, место, где, по мнению А.П. Окладникова, был поставлен хрипуновский острожек, находилось в неделе пути от устья Илима. Получается, что построенный М. Перфирьевым под Шаманским порогом острожек получил название Братского, а острожек, построенный позднее отрядом Я. Хрипунова на пять дней пути выше его, получил название Усть-Илимского или тоже Братского.

Еще одна версия: Д.Я. Резун и Р.С. Васильевский утверждают, что Братский острог, а точнее – «небольшое зимовье в устье р. Оки» заложил в 1629 г. П. Бекетов. В 1630 г. в этом зимовье побывал Я. Хрипунов со своей экспедицией, из-за действий которого в отношении аборигенного населения после его ухода зимовье было сожжено окинскими бурятами. А тот Братский острог, ко-

---

[463] Окладников А.П. Очерки из истории… С. 35.
[464] Там же. С. 48, 49.
[465] Там же. С. 48.
[466] Там же. С. 49.
[467] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 44–44 об. № 38.

торый упоминается в документальных источниках последующего времени, был основан в 1631 г. М. Перфирьевым у Падунских порогов[468].

Попытаемся восстановить цепь событий и разобраться с многообразием «Братских» острожков. Первым в районе братских порогов побывал М. Перфирьев, еще в чине подьячего отправленный в конце лета 1626 г. воеводой А. Ошаниным во главе отряда енисейских служилых людей.

Он первым сообщил подробные сведения о богатствах бурятской земли – о «многолюдстве», урожайности («хлеб пашут ячмень и гречю») и ископаемых («серебра добре много»)[469]. В результате этой экспедиции, закончившейся в конце весны – начале лета 1627 г., было собрано большое количество пушнины с ангарских бурят и тунгусов. При этом, где зимовали участники этого похода, в источниках не сообщается. Но сам факт зимовки отряда енисейцев под братскими порогами приводит к выводу, что строительство служилыми людьми каких-либо зимовий, небольших укреплений, было делом обыденным и не привлекало внимания авторов отписок и прочей документации того времени. А уж последующая судьба этих строений определялась их стратегическим расположением, многолюдностью данной территории и прочими обстоятельствами.

Судя по всему, первым из «Братских» острожков появился тот, который атаман М. Перфирьев со своим отрядом поставил во время своего второго похода осенью 1627 г. под первым братским порогом, имевшем название Шаманский, и который был в двух днях пути выше устья р. Илим («в двух днищах»)[470]. Как и ранее, служилые люди приводили «под государеву руку» еще не плативщие ясак родовые группы тунгусов и впервые стали собирать ясак с окинских бурят. Но – важное обстоятельство – отряд М. Перфирьева перезимовал в этом острожке[471]. Т. е. по сути, енисейские служилые люди во время этого похода впервые действовали на Средней Ангаре как годовальщики.

---

[468] Васильевский Р.С., Резун Д.Я. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 113.
[469] РГАДА. Ф. 214 Оп. 3. Стб. 12. Л.87; Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1900. Ч.III. С.116–117.
[470] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 17–18. № 24; Л. 44–44 об. № 38.
[471] Там же. Л. 17–18. № 24; Л. 44 об.–45. № 38.

В книге ясачного сбора за 136 г. (1627/1628 г.) среди «новых землиц под Брацким порогом», где собирал ясак М. Перфирьев, перечисляются следующие князцы и «землицы»: шамагирский князец Когоня, чипогурские и лапагирские тунгусы, наляги князца Корюбыля, мунгумы князца Едока[472].

Ориентируясь на приходящие из Москвы и Тобольска инструкции, енисейский воевода В. Аргамаков писал в течение зимы под Братский порог М. Перфирьеву о необходимости продолжения попыток мирного урегулирования отношений с тунгусами, чтобы он со служилыми людьми тех тунгусов уговорил, а убийц русских людей прислал в Енисейский острог[473].

В Енисейском остроге построенный М. Перфирьевым Братский острожек, судя по всему, сразу стали рассматривать как опорный пункт на удаленной окраине уезда: в течение зимы воевода Аргамаков отправил атаману Перфирьеву письменное указание о дальнейших действиях в «новых землицах». А с наступлением следующей навигации, т. е. летом 1628 г. на смену М. Перфирьеву был послан П. Бекетов с отрядом в 30 человек: «на... государеву службу для ясашного збору в Тунгуску под Братцкой порог и в Братцкую землю *на годовую* (курсив наш. – *А.Б.*)»[474]. Поставленные перед П. Бекетовым задачи совершенно понятны – расположившись на годовую службу в острожке под порогом, собрать ясак с ранее «приведенных под государеву руку» тунгусов и бурят и пытаться привлечь в ясачный платеж людей из «новых землиц». Таким образом, построенный М. Перфирьевым Братский острожек становился базовым пунктом для дальнейшего расширения территории Енисейского уезда вверх по Ангаре и, одновременно, закреплял уже объясаченные «землицы».

Казалось бы, этот Братский острожек построен в достаточно удобном для возлагаемых на него функций месте и на какое-то время на этой территории достигнута стабильность. Зимой 1628/1629 г. Бекетов отправил в Енисейск отписку из Братского острожка, сообщая, что ясак с ранее объясаченных тунгусов и бурят собран, хоть и в небольшом количестве – всего 47 соболей – а вот даль-

[472] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 17–18. № 24.
[473] Там же.
[474] Там же. Л. 22. № 27.

ше, в отдаленные бурятские улусы по Оке до ледостава он пройти не успел[475]. Более того, даже давшие ясак буряты говорили, что с себя ему ясаку дали мало, так как уже не ждали в этом году к себе служилых людей и соболей «пасли мало». Они же предложили стрелецкому сотнику быть у них на весну, обещая подготовить достаточное количество соболей. Отписка эта была отправлена в Енисейский острог со стрельцами Иваном Обуховым и Елфимом Михайловым, которые сами ходили для ясачного сбору в Братскую землю[476].

29 января 1629 г. из Енисейска в Братский острожек была отправлена память со служилым человеком Васькой Сумароковым «с товарыщи». Енисейский воевода хвалил Бекетова за выполненную службу и договоренность с бурятами и отправил для ясачных людей государево жалованье «братским людям – олова в блюдах». Одновременно В. Аргамаков проинформировал П. Бекетова о возникших в Енисейске проблемах: осенью 1628 г. на Маковский волок прибыл возглавивший «серебряную экспедицию» воевода Я. Хрипунов. Имея под рукой 150 человек служилых людей из разных городов Западной Сибири, он «отнял насилством» у енисейских служилых людей «колмыцкого толмача Гришку Яковлева», который был прислан в Енисейск из Тобольска и которого В. Аргамаков собирался прислать в Братский острожек с В. Сумароковым[477].

Поскольку у енисейского воеводы возникли опасения относительно реальных намерений Я. Хрипунова (будет не серебро искать, а собирать пушнину с аборигенного населения. – *А. Б.*), он дает П. Бекетову задание попытаться предвосхитить возможные действия воеводы «серебряной экспедиции». Стрелецкому сотнику надлежало, как получит эту память, «на усть Илима или где» со служилыми людьми выбрать «крепкое и угожее место» и поставить там острог со всеми укреплениями, с избами и амбарами, «чтоб Яков Хрипунов Илим реки не отнял и ясаку по Илиму збирать не послал»[478]. То есть П. Бекетов

[475] Но, по мнению А.П. Окладникова, П. Бекетов успел тогда дойти устья Уды, а может быть и до Осы. См.: Окладников А.П. Очерки из истории… С. 35.
[476] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 142 об. № 93.
[477] Там же.
[478] Там же. Л. 142 об.–143. № 93.

получил приказ построить острожек поближе к устью Илима, где ранее уже собирали ясак енисейские служилые люди. Острог следовало строить наспех, не дожидаясь схода снега. Притом, что из Енисейского острога Я. Хрипунов со своим «полком» мог отправиться по Ангаре не ранее начала мая, только после ангарского ледохода и, соответственно, прибыть к устью Илима, учитывая транспортировку запасов и имущества экспедиции, не ранее середины – конца августа[479].

Только после того, как будет поставлен этот острог и вскроется лед на реке, П. Бекетову разрешалось продолжить основную службу и «раденье»: выбрать служилых людей «сколько человек пригоже, смотря по тамошней мере», в том числе и В. Сумарокова «с товарыщи», взять у промышленных людей «струг добрый», а им отдать свой струг, и идти в Братскую землю для ясачного сбору «по полой воде, не мешкая». Собрав ясак, Бекетову предписывалось «ехать в Енисейский острог не мешкая, чтоб к государю отпуск не запоздал». Хотя здесь, на наш взгляд, просматривается и беспокойство воеводы Аргамакова относительно возможных посягательств Я. Хрипунова на собранную людьми Бекетова пушнину. В заключении этой памяти Бекетову предписывается оставить в острожке небольшой гарнизон – «выбрав, пять человек»[480]. Правда из текста документа не понятно – идет речь об острожке под Шаманским порогом или новом, который сотник стрелецкий должен будет построить неподалеку от устья р. Илим.

Построил П. Бекетов острожек в устье Илима или нет из имеющихся у нас источников не понятно. Каких-либо отписок стрелецкого сотника об этом не сохранилось. Так же как и его послужных списков со ссылкой на строительство этого острожка. Не известны и какие-либо нарекания Бекетову со стороны воеводы В. Аргамакова по поводу невыполнения его указания о строительстве острожка.

---

[479] У А.П. Окладникова о пребывании «полка» Я. Хрипунова в Енисейске не упоминается. См.: Окладников А.П. Очерки из истории… С. 45–48.
[480] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 143. № 93.

Тем не менее, второй «Братский» острожек в устье р. Илим в 1629 г. был построен. Если его построили енисейские служилые люди из отряда П. Бекетова, то, по нашему мнению, это должно было произойти не позднее середины мая, до ледохода, после чего енисейцам над было расходиться по тайге для сбора ясака. Если его построили служилые люди из отряда воеводы Я. Хрипунова, то время его строительства отодвигается на конец лета – начало осени 1629 г. Но, по нашему мнению, вероятнее всего, что «полк» воеводы Хрипунова прошел до того места, где на некоторое время остановился со своим «кошем», не доходя устья р. Вихоревой, как пишет А.П. Окладников[481], но после грабежа местного населения, перед ледоставом, вернулся к устью Илима, где и занял построенный П. Бекетовым острожек.

Есть и другая точка зрения относительно истории строительства этого острожка в устье Илима. По мнению Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского Илимский острог заложил И. Галкин, когда по пути на Лену остановился в устье Илима. Правда через несколько строк говорится, что зимовье было поставлено «при Сумине-ручье» откуда «шел волок на р. Муку», относящуюся уже к бассейну Лены[482]. Т. е., надо полагать, что в работе Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского речь идет все же об Илимском зимовье, ставшем впоследствии центром Илимского волока, а упоминание в тексте устья Илима – или оговорка авторов, или упоминание совсем другого события, которое у них смешалось со строительством Илимского острожка на волоке.

Что касается похода воеводы Я. Хрипунова вверх по Ангаре, то произошло следующее. «Полк» его, численностью в 150 человек[483], отправился из Енисейского острога в начале навигации 1629 г. Так как экспедиция была отправлена в дальнюю местность, то она имела большое количество продовольственных запасов, строительного инструмента и другого имущества. Вполне

---

[481] Окладников А.П. Очерки из истории… С. 48.
[482] Васильевский Р.С., Резун Д.Я. Летопись сибирских городов... С. 149.
[483] РГАДА. Ф. 214 Оп. 3. Стб. 16. Л. 215–235. Подробнее об этих событиях см.: Бродников А.А. Серебряная экспедиция Я.И. Хрипунова (1627–1630 гг.) // Провинция в русской культуре. II Ремезовские чтения 2005. Новосибирск, 2008. С. 367–380.

очевидно, что ее участникам было необходимо где-то остановиться на зимовку и обеспечить сохранность всего перевозимого. Как пишет Г.Ф. Миллер, выбрано было место в устье р. Илим[484]. Но занял воевода Хрипунов уже построенный острожек или его построили служилые люди из его «полка» – историк не сообщает. В любом случае, именно из этого острожка Я. Хрипунов отправил на Лену тридцать человек из своего отряда, а с остальными пошел вверх по Ангаре «в Братцкую землю лехким делом», оставив в острожке для охраны имущества экспедиции двадцать человек служилых людей[485]. Этот поход вылился в грабеж бурят совместно с взбунтовавшимися красноярскими казаками, что подробно рассмотрено А.П. Окладниковым[486].

При этом даже если принять версию, что острожек в устье Илима был построен хрипуновцами, точное время его строительства остается не известным. Но в любом случае, во второй половине октября 1629 г. он уже существовал. Об этом свидетельствует отписка енисейского стрелецкого десятника Василия Бугра, отправленного в том году на Илим собирать ясак. После участия хрипуновцев в инициированном красноярцами набеге на бурят Я. Хрипунов продолжал вмешиваться в процесс сбора ясака в этом районе, чего и опасался, по нашему мнению, воевода В. Аргамаков. 21 октября 1629 г. енисейский стрелецкий десятник В. Бугор с еще одним служилым человеком и с толмачом отправились для сбора ясака на р. Куту. С ними вместе пошли люди Я. Хрипунова: два человека служилых людей, да толмач. Вместе они взяли ясак с ранее объясаченного енисейцами князца Акинеги и с новой группы тунгусов, с «новых людей сатягов». Но на р. Игирме, притоке Илима, люди Хрипунова весь ясак сборщиков забрали и унесли в Илимское (Усть-Илимское – *А.Б.*) зимовье, где руководитель «серебряной экспедиции» определил, кому, что из собранной пушнины оставить. Т. е. в документации построенное в устье Илима укрепление называлось зимовьем. Взятые с тунгусов-налягов две шубы Яков оставил

[484] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т.III. С. 45–46.
[485] Там же. С. 149. № 11.
[486] Окладников А.П. Очерки из истории… С. 49–55.

себе, хотя, по мнению енисейцев, вся собранная пушнина должна была быть поделена поровну, так как ходили ее собирать вместе – «за един человек»[487].

Надо все же полагать, что острожек в устье Илима если и был поставлен людьми из отряда Я. Хрипунова, то даже не в середине октября, а гораздо раньше, так как грабившие совместно с хрипуновцами аборигенное население Приангарья красноярские казаки успели вернуться в Енисейский острог еще до ледостава, как указывает А.П. Окладников – «о заморозе», 11–15 октября[488]. Следовательно, острожек был поставлен не позднее начала сентября 1629 г. Очевидно, что хрипуновцам пришлось все же проводить какие-то работы по строительству дополнительных изб для себя, так как построенное отрядом Бекетова жилье не могло вместить такое количество людей. В документах последующего времени, в частности, в челобитной, отправленных из Енисейска в Братскую землю 14 марта 1630 г. енисейских служилых людей десятника Вихорки Савина и стрельца Сидорки Аникеева, Илимский острожек назван зимовьем, но отмечается, что у него были ворота[489].

Как долго продолжал функционировать «Братский» острожек в устье р. Илим после ухода из него участников экспедиции Я. Хрипунова – нам не известно. Единственное упоминание о нем относится к осени 1630 г., когда посланные летом из Енисейска М. Перфирьев и С. Родюков сообщали воеводе С. Шаховскому о своих действиях в районе Братского порога. 25 октября 1630 г. в Енисейском остроге была получена отписка из-под Братского порога из Илимского острожка, «где стоял наперед сего Я. Хрипунов». М. Перфирьев и С. Родюков писали, что ходили они в легких стругах из-под Братского (Илимского) острогу к бурятам до устья р. Геи (которая вскоре стала называться Вихоревкой – *А.Б.*)[490]. Не доходя бурят, послали к ним ясачного тунгуса Халнику: позвать их в новый острожек. Что это за новый острожек – не известно. По

[487] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 31. № 32.
[488] Окладников А.П. Очерки из истории… С. 55.
[489] Дата их отправки указана в отписке С. Шаховского томскому воеводе князю П.И. Пронскому. См.: СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 32. № 34.
[490] Может в этом месте и видел Н. Спафарий остатки лагеря, на который ссылался А.П. Окладников. См.: Окладников А.П. Очерки из истории… С. 48.

нашему мнению, М. Перфирьев мог его построить вновь под Шаманским порогом или выше, где годом ранее был «кош» Хрипунова, для зимовки своего отряда. Да и очевидно, что зазывать бурят в острожек на устье Илима было делом сомнительным.

Начав устанавливать с бурятскими князцами мирные отношения, М. Перфирьев сообщил об этом в Енисейск, добавив, что весной, как только реки освободятся ото льда, они пойдут поближе к братским улусам и поставят еще один острог[491], как предписывалось в наказной памяти, и возьмут аманатов. Учитывая проблему отдаленности планируемого острожка от уездного центра, М. Перфирьев беспокоился о том, что периодическая отправка туда людей с пушниной и отписками приведет к сокращению численности его отряда: «У них убудет в отсылку в Енисейской острог … с ясашною казною и с отписками шесть человек». Атаман также просил весной по первой воде прислать к ним замену и запасы, «чтобы де им сидеть в острожке от брацких людей было бесстрашно, и голодною смертию не помереть»[492].

Таким образом, М. Перфирьев выполнил задачу, поставленную перед ним енисейским воеводой. Позднее князь С. Шаховской, описывая службы атамана, сообщал в Москву, что тот «острог в Брацкой земле [Перфирьев] поставил в крепком и угожем месте и укрепил всякими крепостьми».[493] И, следовательно, очередной Братский острог у порога Падуна, который стал на долгие годы крайней точкой русских владений на Ангаре, мог быть построен отрядом М. Перфирьева весной 1631 г. и скорее всего – в первой половине мая.

Позднее, когда в 1642 г. в Москве было принято решение о поверстании М. Перфирьева в стрелецкие сотники[494], в полученной енисейским воеводой Осипом Оничковым грамоте среди заслуг Перфирьева упоминается и строи-

---

[491] Т. е. уже поставленный острожек рассматривается М. Перфирьевым как временный, для зимовки своего отряда.
[492] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 35. № 34.
[493] Там же. Л. 45. № 38.
[494] О перипетиях в службе М. Перфирьева см.: Бродников А.А. Сибирский служилый человек Максим Перфирьев (опыт биографического исследования) // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 213–227.

тельство Братского острожка. Причем, только одного и без указания года его основания[495]. По всей видимости, после строительства М. Перфирьевым острожка под порогом Падуном необходимость в существовании других острожков отпала, и они были либо оставлены вообще, либо продолжали использоваться только как временные прибежища ясачных сборщиков. Местом пребывания енисейских годовальщиков на Ангаре выше устья Илима остался только Братский острожек, построенный М. Перфирьевым в 1631 г.

В последующем, правда, был построен еще один Братский острожек: в 1645 г. посланный на Байкал енисейский сын боярский Иван Похабов «поставил острожек повыше Братского острожку на Оке реке» где зимовал со своим отрядом. Однако упоминание этого острожка в документации последующих лет нам не известно. Судя по всему, как и другие острожки, это было временное прибежище отряда, оборудовавшего для себя место зимовки. Но показательно, что в том году окинские буряты заплатили ясак в гораздо большем размере, чем ранее[496]. Т. е., на наш взгляд, можно констатировать, что появление укрепленных пунктов на отдаленных территориях Енисейского уезда с находившимся в них контингентом служилых людей действительно стабилизировало ситуацию во взаимоотношениях с аборигенным населением и обеспечивало увеличение поступления ясачной пушнины даже в тех волостях, которые еще долго оставались неокладными. Строительство этих укрепленных пунктов, наряду с захватом аманатов, позволило не только «замирить» тунгусов, но продолжить поиск новых «землиц», причем не только вверх по Ангаре и населенных не только тунгусами. Например, в 1629–1631 гг. енисейские служилые люди, отправлявшиеся вверх по Чуне и по Оне, собирали ясак не только с проживавших там тунгусов, но и с бурят, то есть заходили достаточно далеко вверх по этим рекам[497].

Построенные в результате походов П. Бекетова и М. Перфирьева Рыбенский и Братский остроги имели, в основном, значение опорных пунктов в райо-

[495] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 152 об.–153. № 103.
[496] Там же. Л. 168. № 113.
[497] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 45. Л. 25; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 248.

нах наиболее плотного проживания (или более или менее регулярного пребывания) коренного населения, удобных для сбора ясака, в том числе, по причине содержания в них аманатов. Но на значительной территории Приангарья, где проживали тунгусские родовые группы, таких специальных опорных пунктов не было и ясак, как и ранее, собирался путем объезда их ясачными сборщиками, в том числе и отправляемыми из этих острожков. Некоторые родовые группы тунгусов к концу 20-х гг. XVII в. продолжали платить ясак непосредственно в Енисейский острог, в том числе и прибывая в него сами[498].

Предполагаемое строительство острога, который выполнял бы не только роль опорного пункта Енисейского уезда на границе с Бурятской землей и должен был иметь постоянно находившихся там годовальщиков, но и надежно прикрывал бы вновь открытый енисейцами Ленский волок, требовало серьезного увеличения енисейского гарнизона. Выше говорилось, что воевода А. Ошанин и служилые люди еще в 1626 г. обращались в Москву с просьбой об увеличении численности служилых людей в Енисейске. В частности, зимой 1625/1626 г., планируя отправлять летом 1626 г. отряды служилых людей вверх по Ангаре, А. Ошанин писал в Москву о необходимоста увеличения численности енисейского гарнизона в три раза: «что в Енисейском остроге твоих государевых служилых людей мало... служилые люди бьют государю челом беспрестанно о своих нужах. В Енисейском остроге бес твоих государевых служилых людей бес трехсот человек быти неуметь...»[499] Писал об этой проблеме позднее и В. Аргамаков. Но только с 1630 г. у енисейской администрации появилась реальная возможность отправлять в построенные на Ангаре острожки и на Лену более многочисленные, чем ранее, отряды. Об этом свидетельствуют, в частности, отписка енисейских воевод и росписи рассылок служилых людей[500].

Продвижение русских служилых людей в 1620-е гг. по правобережным территориям среднего Енисея проходило с разной степенью интенсивности, ис-

---

[498] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 183.
[499] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 11об.–12 № 18.
[500] Например, см.: СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 42об.–44, 46 об.–59. №№ 37, 39; Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. II. С. 441–442. № 288.

ходя из численности их ясачного населения и перспектив проникновения в отдаленные районы, лежавшие на востоке. Поэтому слабозаселенный бассейн Подкаменной Тунгусски представлял для енисейской администрации и служилых людей гораздо меньший интерес, чем Нижнее и Среднее Приангарье, обещавшее возможность продвижения в какие-то дальние богатые пушниной и другими ресурсами «новые землицы». Поэтому стремительное продвижение вверх по Ангаре от Енисея до Илима и Братских порогов в этой ситуации можно рассматривать как явление закономерное.

Неожиданное для енисейцев сопротивление приангарских тунгусов, проявившееся в середине 1620-х гг., было им совершенно не понятным и требовало и от енисейской администрации, и от служилых людей изучения ситуации и поисков новых подходов. В качестве такого, нового для Енисейского уезда, способа «замирения» воинственных тунгусов был найден способ сбора ясака в строящиеся на отдаленных территориях ясачные острожки с присылаемыми из Енисейска годовальщиками.

В целом, говоря о ситуации в Нижнем и Среднем Приангарье во второй половине 20-х гг. XVII в. можно отметить, что только захват аманатов и, в значительной степени, личные качества М. Перфирьева и П. Бекетова позволили енисейской администрации справиться со сложившейся ситуацией. При этом следует отметить, что возникла новая проблема – продвижение енисейцев вверх по Ангаре к началу 30- х гг. XVII в. остановилось в результате еще большего, чем со стороны тунгусов, сопротивления бурят. Однако именно это обстоятельство позволило енисейскому гарнизону на целое десятилетие сосредоточиться на освоении бассейна Лены.

Глава 3. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ БАССЕЙНА ИЛИМА, ВЕРХНЕЙ И СРЕДНЕЙ ЛЕНЫ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

После того, как енисейские служилые люди в конце 1620-х гг. обнаружили пути выхода на р. Лену, для енисейской администрации стали очевидны огромные перспективы дальнейшего продвижения на восток и, как следствие, ожидаемое увеличение объема собираемой с местного населения пушнины. Для енисейских воевод вполне закономерным стало обратить внимание на расширение территории енисейского уезда именно в этом направлении. Тем более что продвижение вверх по Ангаре было приостановлено на Братских порогах в результате сопротивления бурят, более многочисленных и более организованных, чем тунгусы.

Первые походы енисейских служилых людей вниз по Лене показали, что достаточно далеко по этой реке проживают многочисленные племена якутов, занимающихся коневодством и разведение крупного и мелкого рогатого скота, с которых, как предполагалось, можно получить и большое количество ясака. Поэтому предпринимаемые с начала 1630-х гг. походы в «Якольскую землю», совпавшие с началом увеличения численности енисейского гарнизона, были ориентированы именно на проникновение на Среднюю Лену и подчинение якутов. Но несколько позднее выяснилось, что такие же ориентиры по освоению Якутской земли имели воеводские администрации Мангазеи и Томска, что привело к конфликтной ситуации на этой, далекой от всех трех уездных центров, территории.

А вот бассейны Верхней Лены и значительной части Средней Лены, через которые проходили направляемые в Якутию отряды енисейских служилых людей, какое-то время оставались без надлежащего внимания енисейской администрации. Показательным было то, что поначалу, когда отправляемые в Якутию отряды служилых людей останавливались на зимовку на Ленском волоке, их

предводители отправляли вверх и вниз по Лене небольшие группы ясачных сборщиков. Собранный ясак передавался назначенным в Якутский острог приказчикам, когда отправленные еще осенью ясачные сборщики во время следующей навигации присоединялись к основному отряду. В итоге, довольно протяженная территория по Лене оставалась для енисейских ясачных сборщиков транзитной. Как следствие, и ясак с местных тунгусов собирался не регулярно, так как служилым людям их не всегда удавалось встретить (или найти). Но постепенно, через несколько лет, в Енисейске все же поняли необходимость более основательного закрепления этой территории для стабильного сбора ясака и возможности проникновения в другие «отдаленные землицы», путь к которым проходил по притокам Лены.

В результате изменения отношения к ранее проходным, транзитным территориям, началось основание новых острожков в устьях крупных притоков Лены, в которые из Енисейского острога стали отправляться отдельные отряды служилых людей, уже не связанных с якутскими приказчиками. Этому способствовало и увеличение численности енисейского гарнизона. Если в местах проживания якутов во второй половине 1630-х гг. происходили столкновения между служилыми людьми из Енисейска, Мангазеи и Томска, то в районах проживания тунгусских родовых групп по Верхней и Средней Лене у енисейских ясачных сборщиков конкурентов не возникало. В результате, до образования Якутского уезда в 1641 г.[501], из Енисейского острога осуществлялось управление территориями с тунгусским населением, впоследствии вошедшими в состав Якутского уезда, а затем, части их, и в состав Илимского уезда, с его выделением из Якутского.

---

[501] 1641 г. – время прибытия в Якутский острог первых якутских воевод стольников П.П. Головина и М.Б. Глебова. До этого времени управление огромным краем осуществлялось назначаемыми в Енисейске приказчиками из верхушки служилых людей енисейского гарнизона. (См.: Бродников А.А. Пребывание отряда П. Головина и М. Глебова в Енисейске: к вопросу об образовании Якутского воеводства // Социально-демографические проблемы истории Сибири XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1996. С. 3–7; Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства). По мнению Б.О. Долгих, первые якутские воеводы прибыли в Якутский острог уже в 1640 г. См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 352.

Б.О. Долгих в своем фундаментальном труде отмечал, что «территория Илимского уезда была освоена енисейскими служилыми людьми в 1628–1640 гг.»[502] Отмечал он и то, что ясак с тунгусского населения собирался непосредственно из Илимского острога не только с Верховьев Лены, но и гораздо ниже по ее течению. В частности, с низовьев р. Киренги[503].

3.1. Расширение территории Енисейского уезда в 30-е гг. XVII в.

В 30-е гг. XVII в. расширение территории Енисейского уезда связано, в основном, с продвижением служилых людей енисейского гарнизона по Лене и ее притокам, начавшемся с объясачивания тунгусов бассейна р. Илим.

Некоторая информация о населении низовий р. Илим стала просачиваться в Енисейский острог еще с середины 20-х гг. XVII в. В конце 1625 г. енисейский воевода Андрей Ошанин писал в Москву о новых «землицах», обнаруженных енисейскими стрельцами за период навигации 1625 г. вверх по Ангаре, куда еще не приходили ясачные сборщики: «выше шаманцев вверх по Тунгуске реке живут сычуги, да шелеги, да наляги, а твои государевы служилые люди в сычугах и в шелегах и в налягах не бывали…»[504].

Первым до устья Илима дошел Максим Перфирьев, когда в 1627 г. совершил поход под Братские пороги[505]. Он же, как свидетельствует, Г.Ф. Миллер, тогда первым собрал ясак с тунгусов, проживавших в низовьях Илима[506] и, поднявшись вверх по Илиму, провел разведку на ранее не известной енисейцам территории, поставив зимовье у устья реки Идирмы. Но первым, направленным из Енисейского острога непосредственно на Илим в 1628 г., был все же енисейский стрелецкий десятник Василий Бугор с небольшим отрядом служилых людей, численностью десять человек. Во всяком случае, он был пер-

[502] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 276.
[503] Там же. С. 277.
[504] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 12. № 18.
[505] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. III. С.41, 172–175. № 20. Подробнее об этом см. Гл. II.
[506] Там же. С. 51.

вым, как указывает Миллер, кто собирал ясак с илимских тунгусов, находясь в зимовье на устье р. Идирмы, притока Илима[507]. Но необходимо отметить: Б.О. Долгих считал, что Илимск был основан в 1630 г.[508], а Г.Ф. Миллер, противореча самому себе, высказывал мнение, что первыми к Лене ходили служилые люди из отряда Я. Хрипунова осенью 1629 г.[509]

Таким образом, если М. Перфирьев собрал ясак с небольшой части илимских тунгусов, проходя по Ангаре мимо устья Илима, то В. Бугор, поднявшись по самому Илиму и воспользовавшись построенным людьми М. Перфирьева зимовьем, дошел почти до середины его бассейна, что, по нашему мнению, позволяло уже не только собирать ясак с тунгусов Илима и его притоков, но и начинать продвижение в сторону Лены, что он и сделал, пройдя с Илима на р. Куту, левый приток Лены, где поставил зимовье, которое позднее использовал И. Галкин для продвижения по Лене.

Удивительно, что в научной литературе, касающейся выхода енисейских ясачных сборщиков на Лену, почти нет сведений о туруханском промышленном человеке Пенде (или Пянде), который в 1624–1628 гг. совершил из Туруханского зимовья поход на Лену по Нижней Тунгуске с отрядом в 40 человек промышленных же людей[510]. Упоминание об этом походе имеется у С.В. Бахрушина в очерках по истории Якутии XVII в. [511] При этом ссылка на источники, а ими могли быть только сочинение И.Э. Фишера[512] или к тому времени еще не опубликованный третий том «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, не приводится. Эти же сведения встречаются в ориентированной на широкий круг читателей книге Н.И. Никитина «Сибирская эпопея XVII века»[513], где автор ссылается на строки из сочинений И.Э. Фишера, С.В. Бахрушина и историка географии Д.М. Лебедева. А вот в работах якутских историков, например, В.Н.

---

[507] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. III. С. 51.
[508] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 276.
[509] См.: Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. III. С. 46.
[510] Там же. С. 59–60.
[511] Якутия в XVII в. Якутск, 1953. С. 12–13.
[512] Фишер И.Э. Сибирская история... С. 361.
[513] Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. М., 1987. С. 27–28.

Иванова, к этим ссылкам о походе Пенды добавляются еще сведения из якутского фольклора[514].

На обратном пути Пенда как раз где-то в районе будущего Илимского волока мог бы встретиться с отрядом В. Бугра, который, как свидетельствует отписка енисейского воеводы В. Аргамакова, со своими людьми в 1628 г. был послан «для ясашново збору по И<ли>му реке выше Братцкого порогу»[515]. Но встреча эта не состоялась, так как Пенда прошел мимо устья р. Куты далеко вверх по Лене, до устья р. Куленги, и только там степью он перешел на Ангару, после чего по Ангаре и Енисею добирался через Енисейск в Туруханск[516].

Знал или нет Пенда о Ленском волоке, и встречался ли с людьми В. Бугра в устье р. Куты – остается загадкой. Конечно, он мог пройти мимо устья Куты еще до выхода Бугра на Лену, в конце лета 1628 г. Но все же, на наш взгляд, вероятность этой встречи не исключена, хотя Пенда и не пошел к Ангаре по Ленскому волоку. Казалось бы, это свидетельствует о том, что о волоке он и его люди ничего не знали и с енисейцами в устье Куты не встречались. Но он мог пройти дальше вверх по Лене из соображений безопасности – опасаясь нападения тунгусов, с которыми двумя годами ранее уже имел проблемы в верховьях Нижней Тунгуски[517]. А вот далее, перейдя с р. Куленги на Ангару, на наш взгляд, Пенда неизбежно должен был встретиться с П. Бекетовым – в Братском острожке или ниже его, когда стрелецкий сотник со своим отрядом только продвигался к месту годовой службы – и сообщить ему о маршруте своего похода. Надо полагать, что не случайно в 1631 г. П. Бекетов, прибыв на Лену, с устья

---

[514] Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. С. 33. Его же. Якутия в составе Русского государства (XVII век). Якутск, 2002. С. 9–10; Его же. Вхождение Якутии в состав Российского государства: как это было // Якутский архив. 2002. № 2. С. 4–5; Его же. Вхождение Якутии в состав Российского государства: как это было // Илин. 2002. № 2. С. 12.

[515] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 22. № 27. При публикации этого документа в «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера допущена ошибочная расстановка знаков препинания. В результате получается, что «для ясашново збору в Тунгуску под Братцкой порог и в Братцкую землю на годовую» был отправлен В. Бугор, а П. Бекетов с отрядом в 30 человек сопровождал в Москву соболиную казну. На Илим же, получается, был послан С. Родюков. См.: Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. III. С. 141. № 8.

[516] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. III. С. 60.

[517] Там же. С. 59.

Куты ринулся вверх по Лене до самого устья р. Куленги[518], явно имея представление о маршруте и о проживавших в тех местах тунгусах и бурятах.

И все же остается не ясным – выходил ли в 1628 г. В. Бугор на Лену или до конца весны 1629 г. он оставался в Илимском зимовье, собирая ясак с окрестных тунгусов. Но вот в период следующей навигации он уже без сомнений перешел в устье Куты, где поставил зимовье (или воспользовался уже кем-то поставленным? – *А. Б.*) и отправился в поход вниз по Лене.

Этот поход отряда В. Бугра был весьма скоротечным, так как в конце октября – начале ноября 1629 г. он уже находился на р. Игирме (надо полагать – в Илимском зимовье), откуда отправлял двух своих служилых людей и толмача на р. Куту за ясаком[519]. Учитывая, что енисейский десятник к этому времени успел оставить своих людей на Лене в устье Куты, в устье Киренги и в устье Чаи (2, 4 и 2 человека соответственно)[520], очевидно, что к этому времени он как раз успел вернуться с Лены на Илим. Г.Ф. Миллер указывает, что возглавлявший «серебряную экспедицию» воевода Яков Хрипунов, находясь осенью 1629 г. в устье Илима, отправил 30 человек из своего отряда на Лену «для новых открытий и завоеваний»[521]. По мнению историка, эти люди на Илиме присоединились к В. Бугру[522]. Но, как говорится в отписке В. Бугра на имя енисейского воеводы князя Семена Шаховского, написанной не ранее 21 октября 1629 г., в походе за ясаком в устье р. Куты из отряда Я. Хрипунова принимали участие только три человека – «служивые люди два ж человека, да толмачь»[523]. Что было с остальными отправленными Хрипуновым людьми – не известно. Либо они так и не дошли до Лены и, не встретив тунгусов, вскоре вернулись в зимовье в

---

[518] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 65. № 49; Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. III. С. 54, 175–179. № 22.
[519] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 31. № 32. Документ датируется не ранее 21 октября. В публикации «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера ошибочно указано 2 октября. См.: Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. III. С. 143. № 9.
[520] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 52 об. № 41.
[521] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. III. С. 46.
[522] Там же. С. 51.
[523] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 31. № 32; Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. III. С. 143. № 9.

устье Илима, либо здесь какая-то ошибка со стороны Миллера. На наш взгляд, более вероятно первое.

К лету следующего, 1630 г., В. Бугор был уже в Енисейском остроге. На наш взгляд совершенно очевидно, что вернуться в Енисейск он мог только вслед за ангарским ледоходом, т. е. не ранее середины мая 1630 г. И очень вероятно, что вернулся он вместе с отрядом Я. Хрипунова, который после смерти воеводы в феврале 1630 г. возглавлял подьячий «Яковлева полку» М. Перфирьев[524]. В это время атаман Иван Галкин, с именем которого связано начало присоединения Якутии к Русскому государству, был еще в Енисейске[525]. Именно переданная В. Бугром информация должна была стимулировать енисейского воеводу князя С.И. Шаховского на отправку уже целенаправленно на Лену более многочисленного отряда служилых людей (30 человек) во главе с атаманом И. Галкиным[526]. При этом цель, поставленная перед отрядом И. Галкина – приводить под государеву руку бурят, тунгусов, «налягов и шилягов» и «острогу ставить», т. е. о продвижении в район проживания якутов речь еще не шла.

На наш взгляд, получается, что И. Галкин в этом походе должен был, более основательно закрепившись на Илиме, сначала пройтись до верховьев этой реки, а затем, выйдя на Лену, не просто повторить маршрут В. Бугра, но осуществить, говоря современным языком, «разведку боем», собрать более точные и подробные сведения о «новой землице» и начать процесс планомерного объясачивания ее населения. Об этом свидетельствует текст памяти, отправленной И. Галкину в Илимское зимовье 25 января 1631 г. воеводой С. Шаховским. В памяти говорится о необходимости увеличения сбора ясака с аборигенов Лены

---

[524] О походе отряда воеводы Я. Хрипунова см.: Манькова И.Л. Экспедиция Я. Хрипунова 1627–1630 гг.: Первый опыт геологоразведок в Восточной Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 131–157; Бродников А.А. Серебряная экспедиция Я.И. Хрипунова (1627–1630 гг.). С. 367–380.

[525] РГАДА. Ф. 214. Оп.3. Стб.16. Л. 99–100.

[526] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 43. № 37. Впервые известное нам упоминание имени И. Галкина в документальных источниках по Енисейску относится к зиме 1629/1630 г., когда он, во главе отряда в 40 человек, совершил поход на князца Сота. (См.: Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 66, 422–423. № 273; Фишер И.Э. Указ. соч. С. 291–293).

и Куты с притоками из вновь построенного на Лене острожка (надо полагать, речь идет об острожке, построенном в устье Куты), который в Енисейске видимо, рассматривается в качестве ясачного центра «землиц», где уже собирали ясак люди В. Бугра.

Складывается впечатление, что, не смотря на полученные от В. Бугра сведения о Лене и ее притоках, в Енисейском остроге все еще не представляли масштаба открывавшихся перспектив. В памяти указывается также на необходимость отправки в Енисейск срочным образом собранной в течение ближайших месяцев пушнины, как только «на весну по рекам лет вскроетца», а самому атаману оставаться в новом острожке «до перемены»[527]. То есть, согласно памяти, Галкину надлежало, закрепившись в Усть-Кутском острожке, увеличить сбор ясака с разведанных Бугром «землиц». Подобная же информация содержится в отписке, отправленной С. Шаховским в Москву летом 1631 г.[528] То есть, речь о продвижении в отдаленные районы Восточной Сибири не идет, главная задача, поставленная перед отрядом И. Галкина, о чем говорилось выше, закрепиться «на Куте и на Лене» и увеличивать сбор ясака с окрестного населения.

Прибыв со своим отрядом на р. Илим, к волоку, скорее всего, в конце лета – начале осени 1630 г.[529], атаман И. Галкин, обнаружил, что использовавшееся двумя годами ранее В. Бугром зимовье в устье р. Игирмы слишком тесное для его отряда: 30 человек Галкина против 10 человек Бугра. Енисейцам не оставалось другого выхода, как расширить зимовье до размеров острожка, о чем Галкин позднее, сообщил воеводе С. Шаховскому в своей отписке[530] (от-

---

[527] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 50–51. № 40.
[528] Там же. Л. 48–48 об. № 39.
[529] А отправлен И. Галкин из Енисейска «на Куту и на Лену» был 20 июня 1630 г., как датируется выданная ему кн. С. Шаховским память. См.: СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 50. № 40.
[530] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 48 об. № 39. В научной литературе закрепилось мнение, что Илимское зимовье было построено в 1630 г. (См., например: Шерстобоев В.Н. Илимская пашня: в 2 т. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001. С. 43.). В.Н. Шерстобоев указывает, что возникло оно в том месте «откуда уходил в гору Ленский волок» (Там же). Повторяя сведения В.Н. Шерстобоева о времени возникновения Илимского зимовья, Р.С. Васильевский и Д.Я. Резун ошибочно пишут, что

правлена из Илимского острожка не ранее 28 ноября 1630 г.[531], получена в Енисейске 8 мая 1631 г.[532]). В последующие годы этот острожек продолжал разрастаться дальше – до размеров острога с наличием на его территории строений, присущих всем военно-административным центрам: съезжей и караульной изб, таможни и т. п., и стал перевалочной базой для продвигавшихся в бассейн Лены служилых, промышленных и торговых людей. Стоит обратить внимание, что Г.Ф. Миллер высказывал мысль, что после открытия новых волоков на Лену вверх по течению Илима было поставлено другое зимовье. Но кем и когда – он не сообщает[533]. Между тем, В.Н. Шерстобоев в своем фундаментальном труде упоминает только один случай перенесения Илимского острога на новое место – в 1666 г., после пожара[534], причем всего лишь на 655 саженей вниз от места прежнего острога.

В упомянутой выше отписке И. Галкин сообщал енисейскому воеводе о своих действиях на волоке. Он дошел со своим отрядом до р. Игирмы, где сначала приступил к решению проблем безопасности своего отряда: «старое зимовье укрепил: зделал городки и наверх поставил башню для ради караулу». После этого атаман занялся перемещением своих припасов через волок в сторону Лены, для чего ему пришлось изучать возможности и условия перехода, собирая сведения о разных маршрутах, о чем он и сообщал в отписке: «А хотел, было, государь, я идти в семи судах вверх по Идирме реке со всеми запасы, и Идирма, государь, река мелкая, болшими судами итьти по ней не мошно, а малых судов не было. А в малых, государь, судах мошно возить четвертей по десяти и болши. А по Идирме … водяного ходу до усть Чюхтармы реки (р. Читорма – левый приток Игирмы – *А. Б.*) три дни. А по Чюхторме идти до

поставлено оно было в устье Илима, но «при Сумине ручье». (См.: Васильевский Р.С., Резун Д.Я. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 149.) При этом в какую реку и где впадал этот ручей – не известно. Обратим внимание, что к приходу И. Галкина на устье Идирмы в 1630 г. зимовье там уже стояло – вслед за В.Н. Шерстобоевым на это указывал С.В. Бахрушин (См.: Якутия в XVII веке. Якутск, 1953. С. 28).

[531] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 54. № 41.

[532] Там же. Л. 48 об. № 39.

[533] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. III. С. 52.

[534] Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. С. 47.

волоку день водяным же путем. А волок на речку на Ялуку (р. Ялыка – правый приток Куты в ее верхнем течении – *А.Б.*). А сухово волоку с Чюхтормы на речку на Ялыку днем переходят ряно (рьяно – *А.Б.*), а по Ялыку до Куты плыти день. А до другово волоку итти по Идирме реке вверх до усть Идирмы два дни, а с усть Идирмы сухово волоку идти на реку на Куту и Кутой два дни»[535]. Таким образом, сухая часть вновь открытого И. Галкиным волока была вдвое короче, чем у прежде известного волока.

Для получения более точной информации о путях перехода на Лену И. Галкин, путем щедрого угощения и подарков, привлек на свою сторону тунгуса – «прикормил» и «подарил» одекуями, после чего расспрашивал его о других волоках. Тунгус рассказал ему о волоке на р. Купой: с усть Идирмы идти вверх по Илиму водяным путем до подволочья два дня. Этот маршрут заинтересовал атамана, и он решил разведать его. С «прикормленным» тунгусом Галкин посылал двух служилых людей – Ивашка Чюрочку и Якунку Васильева. Они сходили по показанному тунгусом пути и сказали, что этот ранее не известный волок действительно наиболее короткий летний путь на Лену: «Лехко человек тот волок днем перейдет, а с ношами тот волок итти два дни на реку на Купуй, а по Купую плыти на низ до Куты день водою, а Купуй река водяна. И зимним путем чрез тот волок ходить не мошно, потому что гористы крепко»[536].

После полученной достоверной информации И. Галкин посылал через волок шесть человек служилых людей с десятником Ильей Ермолиным. Служилые встретили под волоком на Купуе двух тунгусов и купили у них берестяные лодки. На этих лодках енисейцы и спустились за два дня к устью р. Куты, где уже на берегу Лены, в Усть-Кутском зимовье, встретили оставленных В. Бугром енисейских стрельцов Треньку Корешка и Федьку Михайлова. С ними И. Ермолин оставил еще двух человек. А остальные четверо на судне, оставшемся ранее от В. Бугра («взяли бугровское судно»), поплыли вниз по Лене до р. Киренги, где так же ранее были оставлены Бугром еще четыре чело-

[535] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 52–52 об. № 41; Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. III. С. 152–155. № 12.
[536] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 52 об. № 41.

века. Далее они спустились по Лене еще ниже – до р. Чаи, «проведывать» места, откуда в 1629 г. воротился В. Бугор[537].

И. Ермолину в результате этого похода удалось выяснить, что на устье Киренги и Чаи проживает много тунгусов. Встретившихся тунгусов служилые люди расспрашивали про оставленных Бугром енисейцев: живы они или их «побили», если «побили», то кто – «какие люди». Тунгусы рассказали Ермолину, что оставленные Бугром служилые люди встретились с группой промышленных людей, которые, как и они, перешли на Лену с Илима – это были Ортюшка Кырнан «с товарыщи осмнатцать человек». Затем к ним присоединились «иные промышленые люди», пришедшие на Лену с Нижней Тунгуски. Все промышленные люди вместе со служилыми людьми В. Бугра объединились («сошлися») и поплыли вниз по Лене реке в «Якольскую землю», то есть в Якутию[538].

Говоря о еще не известной енисейцам «Якольской земле», тунгусы сообщили, что та земля «людна», ее население занимается скотоводством: разводят лошадей, коров и овец и ясаку они с себя никому не платят. Что касается ушедших в «Якольскую землю» людей, в том числе и оставленных Бугром енисейцев, то о них тунгусы ничего сказать не смогли: «вестей о тех служилых и промышленных людей нет» – живы они или нет. Там же, на устье р. Чая, И. Ермолин со своим небольшим отрядом сделал попытку остаться на осень («заосеновал») «для ясачного сбору». Однако его намерение не осуществилось – общавшиеся с ним тунгусы ясаку не дали по причине отсутсивия у них пушнины: «и тунгусы им государева ясаку не дали ни одново соболя и им, служивым людем, говорили: подите де вы назад, а у нас де то перво государева ясаку нет…»[539]. Более того, усть-чайские тунгусы предложили служилым людям уходить, причем для их же собственной безопасности – как выяснилось, живут в верховьях Нижней Тунгуски некие мучюги и шиляги, два воинственных тунгусских рода. Если они узнают, что на Лене находятся русские люди, то придут

[537] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 48 об.–49. № 39; Л. 52 об.–53. № 41.
[538] Там же. Л. 53. № 41.
[539] Там же.

и побьют их: «А послышав де вас, служивых людей здеся на Нижной Тунгуске, что вы живете на Лене реке мучюги и шаляги и пришед де вас побьют». Свое предостережение они подкрепили сведениями, что на Нижней Тунгуске они всегда побивают русских людей «человек по семидесят и болши и по сту»[540]. А если эти мучюги и шиляги служилых людей побьют, то и о них, тунгусах с р. Чаи, «слава худая пойдет». Тем более что сейчас им все равно дать в ясак нечего – соболей нет, а вот весной они ясак дадут.

В сложившейся ситуации небольшому отряду Ермолина не оставалось ничего другого, как вернуться на волок. На обратную дорогу – с устья Чаи на Ленский волок, но уже зимним путем, нартами – отряд И. Ермолина потратил пять недель[541]. Исходя из этого, десятник со своими служилыми людьми могли вернуться в Илимское зимовье не ранее середины декабря 1630 г., соответственно и упомянутая выше отписка И. Галкина может быть датирована не ранее этого времени.

На наш взгляд, главная задача, поставленная перед отрядом И. Ермолина атаманом И. Галкиным, была выполнена – сведения об окружавших берега Лены «землицах» собраны (в тех масштабах, о которых ранее была собрана о них предварительная информация людьми В. Бугра), и, зная возможную опасность со стороны «немирных» тунгусов, енисейцам можно было планировать дальнейшее продвижение вниз по Лене.

Для нас совершенно очевидно, что дальнейшие действия атамана И. Галкина полностью соответствуют правительственным установкам: приводить аборигенное население «под государеву руку» и при этом обращаться с ним «приветом и лаской». 4 ноября 1630 г. Галкин велел собраться на волоке в зимовье уже ставшими, с точки зрения енисейцев ясачными, местным тунгусам – наляжскому князцу Агиеге и брату его Мукине, шаманскому князцу Окинге и «лутшим людем з государевым ясаком». Для разъяснения ситуации атаман велел толмачу говорить тунгусам государево жалованное слово. Выслушав речь

[540] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 53. № 41.
[541] Там же.

толмача те, как сказано в отписке Галкина, «обрадовалися и на государскую милость обнадежилися». В результате такого общения князцы Агиега и Мукиня дали по 10 соболей, а Окинга дал 8 соболей, при этом, как отметил И. Галкин, ранее они давали только по 5 соболей с себя[542].

После приема от тунгусов пушнины, как и требовалось, атаман их напоил и накормил «довольно», и дал государевы подарки – олово и одекуй. Проникшиеся государевой милостью князцы тут же стали жаловаться Галкину («бить челом») о своих проблемах, судя по всему, накапливавшихся на Илиме и Верхней Лене годами, а может и десятилетиями: приходят с Нижней Тунгуски мучюгирские люди и шиляги, и «их (т. е. налягов и шаманцев. – *А. Б.*) по вся годы побивают» и ясаку промышлять «никакова зверя» на другой стороне Лены (по левому берегу? – *А. Б.*) не дают. При этом они, мучюги и шиляги, и сами с себя по этой причине, отсутствию пушнины, ясаку русским людям не дают. В результате нападений агрессивных соседей бегают наляжские и шаманские тунгусы от мучюгиров и шилягов на другую сторону Лены или на реки «под браты»[543], т. е. в верховья Лены или вообще на притоки Ангары.

Таким образом, перед енисейцами замаячила очень вероятная проблема регулярности сбора ясака с тунгусского населения этой территории. Мало того, что местные тунгусы могли уходить на дальние расстояния по причине нападения на них агрессивных соседей, что уже создавало проблему их поиска ясачными сборщиками в приленской тайге, они могли уходить и на бурятскую территорию, где в степных районах не только возникала проблема добычи ими соболей, но и поджидала новая опасность: буряты междуречья Ангары и Верхней Лены рассматривали проживавших по соседству тунгусов как своих данников и тоже стремились брать с них ясак. Это уже могло приводить к вооруженным столкновениям налягов и шаманцев с бурятами[544]. А обнадежившие призванных в ясачный платеж тунгусов «государевой милостью», енисейские служилые люди, тем самым, брали на себя обязательства по их защите, что, в свою

[542] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 53 об. № 41.
[543] Там же. Л. 53. № 41.
[544] Там же. Л. 53–53 об. № 41.

очередь, могло привести к столкновениям с приангарскими бурятами, сопротивление которых уже приостановило продвижение отрядов енисейцев верх по Ангаре в районе Братских порогов.

В реальности же ситуация в районе Ленского волока стала складываться еще хуже: заплатившие Галкину ясак наляги и шаманские тунгусы обратились к енисейцам с просьбой оборонить их от мучюгов и шилягов. Если столкновения с бурятами были возможными только в некоторой перспективе, то нападение тунгусов с Нижней Тунгуски, отличавшихся своей агрессивностью, следовало ожидать уже в ближайшее время. Тем более что те похвалялись, что ясак никому не платят и «русских людей по вся годы побивают» и русские люди им «ничего не сделают». Более того, эти «государевы изменники» призывали налягов и шаманцев делать то же самое[545].

Последнее нападение на налягов и шаманцев состоялось в конце весны 1630 г.: как снег стаял, «по черной тропе» (т. е. снег стаял, а трава еще не пошла. – *А. Б.*) приходили на них те мучюги и шиляги войною на Куту и убили ясачных шесть человек и на Илиме на устье Идирмы, т. е. у самого Илимского зимовья, убили двух человек, а иные от них разбежались «под браты» и «сыскати их не мошно». Поэтому в 138 г. (1629/1630 г.) с налягов и шаманцев было взято по ясачным книгам ясаку только 50 соболей, а сейчас из-за сложившейся ситуации вообще «ясаку было взять не с кого»[546]. Обвинять В. Бугра в неоказании помощи ясачным тунгусам было бы неправильно, так как он в это время уже отправился в Енисейск, а оставшиеся с ним от всего отряда два человека нужны были ему для сопровождения пушнины. Таким образом, Илимское зимовье на тот момент оставалось пустым, если там, конечно не остановились промышленные люди.

Опасение служилых людей было оправдано: 28 ноября 1630 г. приезжал к Галкину шаманский тунгус Яктан и сказал, что идут на них с Нижней Тунгуски мучюги и шиляги «воевать их». Из-за этого тунгусы с Илима разбежались: одни

[545] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 54. № 41.
[546] Там же.

ушли по Тунгуске (по Ангаре. – *А. Б.*) «под браты», другие – вверх по Илиму и теперь ясаку платить некому, о ясачных илимских тунгусах «и вести нет». Сами же мучюги и шиляги летом живут по Лене реке «для рыбы и зверя».

Но Галкин решил перейти к наступательным действиям: сообщил в своей отписке, что хочет над ними «промышлять», «аманатов взять»[547]. Одновременно атаман продолжил расширять ясачную территорию вокруг Ленского волока. Выяснилось, что из Илимского острожка можно собирать ясак даже с бурят, находившихся, казалось бы, ближе к Братскому острожку. Дело в том, что несколько раньше тунгусов, «о Покрове» (1 октября), к енисейцам в зимовье на Ленском волоке приезжали бурятские князцы Кодогур и брат его Котогурь «с товарыщи». И. Галкин по этому поводу, как и предписывалось в таких случаях, их кормил государевым жалованьем. Буряты сказали, что от устья Идирмы до братов на устье Оки расстояние не большое: «блиско – на коне два дни в одну ночь переезжают, а пеше человек в три дни переходит, а волок … таков же, как из Енисейсково острога до Маковского»[548]. По всей видимости, бурятские князцы находились в размышлении, куда платить ясак – в Братский острог под Шаманским порогом М. Перфирьеву или на Ленский волок И. Галкину. Хотя они уже дали обещание платить ясак закрепившемуся с ними по соседству атаману Перфирьеву, но видимо он у бурят ассоциировался с грабившими их в 1629 г. красноярскими казаками и служилыми людьми отряда Я. Хрипунова[549]. Обские буряты все-таки стали платить ясак в Братский острожек у порогов, для чего он и был построен.

Но на этом внезапно обозначившаяся проблема конкуренции между отрядами енисейцев не завершилась. В том же 139 г. (1630/1631 г.) посылал Галкин служилых людей своего отряда вниз по Илиму до р. Тубы (правый приток

---

[547] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 54. № 41.
[548] Там же. Л. 54–54 об. № 41.
[549] Факт этого визита бурятских князцов на Ленский волок отмечен А.П. Окладниковым. См.: Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят... С. 62; о нахождении М. Перфирьева на братских порогах в это время см.: Бродников А.А. Братские острожки: от устья Илима до устья Оки (документальные источники о строительстве братских острожков в 1627–1631 годах) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 16, вып. 3: Ареология и этнография. 2017. С. 39–47.

Илима примерно в 50 км от его устья. – *А. Б.*) к шаманским тунгусам. Но с них, как оказалось, уже взяли ясак сборщики из отряда М. Перфирьева, когда продвигались в сторону порогов, что возмутило И. Галкина и о чем он написал в Енисейск воеводе С. Шаховскому: собрали с тех шаманцев ясак «от Максима из-под Брацкого порогу Сидорко Оникиев да Завьялко Ондреев, а преж … того те тунгусы государев ясак под Брацкой порог не плачивали, а платили … на Илиме и на усть Идирмы[550]. То есть Галкин заявил о претензии на ясачную подконтрольность Илимскому острожку всего бассейна р. Илим, не желая сосредотачиваться только на продвижении по Лене.

Вскоре били челом (подали челобитную атаману Галкину) енисейские служилые люди, которые остались от Васьки Бугра на Лене реке и теперь оказались под началом И. Галкина – Тренька Корешек и Фетька Михайлов. Они выступили с инициативой совершить поход в ранее не объясаченную местность – в «новую землицу вверх по Лене реке в сторонную реку в Камту», где обитала неизвестная группа тунгусов: «живут цингогарские люди», которые «ясаку с себя никуда не плачивали и руских людей они не видывали». Надо отметить, что ни р. Камта, ни цингогарские тунгусы в других, известных нам источниках не упоминаются. Так же, как и в исследовании Б.О. Долгих среди проживавших на Верхней Лене и ее притоках тунгусов родовая группа с таким названием не встречается[551]. Но стоит обратить внимание, что Б.О. Долгих упоминает о небольшой группе верхоленских тунгусов под названием «цынгигирских», заплативших ясак в 1694 г. иркутским ясачным сборщикам. Он же отмечает, что периодически эта группа тунгусов встречается в иркутских ясачных списках верхоленских тунгусов с р. Куленга[552]. Для нас не вызывает сомнения, что цингогарские и цынгигирские тунгусы – это одна и та же группа. Таким образом, Т. Корешек и Ф. Михайлов просились в поход на тунгусов в район, где позднее был основан Верхоленский острожек, на р. Куленгу. Галкин решил поддержать инициативу служилых людей – дал им пуд муки «для ради их службы» и «от-

[550] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 55–55 об. № 42.
[551] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 277–284.
[552] Там же. С. 304.

пустил их к тем к новым людем для ради государева ясаку»[553]. В результате этого начался процесс расширения территории Енисейского уезда не только вниз по Лене от устья р. Куты, что начал своими действиями еще В. Бугор, но и вверх по Лене, в сторону Байкала.

Таким образом, в течение нескольких месяцев пребывания на Ленском волоке И. Галкин определил подконтрольную Илимскому острожку ясачную территорию, а именно: основную часть междуречья Верхней Лены и Ангары, составной частью которого был бассейн р. Илим до самой Ангары. В последующем, когда было образовано Якутское воеводство, именно эта территория стала причиной спора между первыми якутскими воеводами П. Головиным и М. Глебовым и енисейским воеводой Н. Веревкиным[554].

На этом процесс расширения территории Енисейского уезда не остановился. Главным для И. Галкина в этом походе оставался выход на Лену, о чем говорилось выше. Однако к концу зимы 1630/1631 г. он столкнулся с проблемой, которую должен был предвидеть еще по осени: с отсутствием тунгусов, которых бы он мог использовать в качестве проводников – «вожей». Хотя илимские тунгусы по осени предупреждали енисейцев об ожидаемых нападениях на них проживавших на Нижней Тунгуске мучугов и шилягов. В итоге, не имея под рукой проводников из числа местных тунгусов, енисейский атаман вынужден был действовать на свой страх и риск, опираясь на сведения, полученные ранее от тех же тунгусов и от людей В. Бугра. Как писал И. Галкин в своей отписке (датируется не ранее 28 марта 1631 г.) кн. С. Шаховскому, он «пошел на Лену за волок для острожной ставки без вожа, а вожа … на Илиме и на Идирме взять негде – тунгусов нет, розбежалися врознь от мучюгирских людей и от шилигов»[555].

Как бы ни было, в начале мая 1631 г. И. Галкин со своим отрядом был уже на Лене, укрепляясь в Усть-Кутском зимовье[556]. Как пишет Г.Ф. Миллер, выполняя приказ о строительстве острога на Лене, И. Галкин «место для него ...

---

[553] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 55 об. № 42.
[554] Бродников А.А. Территория Якутского уезда... С. 3–11.
[555] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 55 об. № 42.
[556] Якутия в XVII в. С. 29.

выбрал в устье реки Куты, но он успел построить только зимовье наподобие тех, какие обычно строили промышленные люди»[557]. То есть, факт строительства в том месте зимовья В. Бугром историк во внимание не принимает, хотя чуть ранее отмечает, что посланный атаманом Галкиным десятник И. Ермолин в устье Куты встретил двух человек, оставленных там ранее В. Бугром[558]. После строительства Усть-Кутского острожка И. Галкин вернулся в Илимский острожек, где стал дожидаться прибытия новой группы енисейских годовальщиков во главе со стрелецким сотником П. Бекетовым, а после прибытия того на Ленский волок 16 июля, как считал Г.Ф. Миллер, И. Галкин вернулся в Енисейск. По описанию событий Миллером, получается, что И. Галкин в земле якутов не был[559]. Тем не менее, факт его пребывания на Средней Лене и столкновения с якутскими князцами является неоспоримым[560]. Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что И. Галкин, дождавшись в Илимском острожке П. Бекетова и сдав ему дела, направился в «якольскую землицу» вслед за своими людьми и мог вернуться в Илимский острожек только к концу навигации 1631 г., отправившись в Енисейск зимним путем по льду Ангары[561].

П. Бекетов был отправлен из Енисейского острога на перемену И. Галкину 31 мая 1631 г.[562] во главе отряда «новоприбылых» (переведенных из Красноярска. – *А. Б.*) служилых людей. Как свидетельствует роспись рассылок служилых людей енисейского гарнизона, отряд этот был численностью, так же как и отряд И. Галкина в 30 человек[563]. Правда в отписке воеводы С. Шаховского, датируемой не ранее 18 июня 1631 г., сказано, что с Бекетовым на перемену Галкину отправлено 40 человек[564]. Однако сам П. Бекетов в своей

---

[557] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. III. С. 54.
[558] Там же. С. 52–53.
[559] Там же. С. 54.
[560] См.: Якутия в XVII в. С. 29–31; История Сибири… Т. II. С. 47; Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства... С. 37–39; и др.
[561] Бродников А.А. К вопросу о хронологии первого похода атамана И. Галкина в Якутию // Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 36–47.
[562] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 60. № 47; Л. 63 об. № 49.
[563] Там же. Л. 43. № 37.
[564] Там же. Л. 48. № 39.

отписке на имя С. Шаховского указывает, что с ним было все же 30 человек[565]. В росписи рассылок служилых людей енисейского гарнизона отмечено, что отправленные с атаманом Галкиным служилые люди к началу лета 1631 г. с места службы еще не вернулись: «в 139-м годе июня по 5 число в Енисейском остроге не бывали»[566]. Судя по всему, возвращение отряда атамана И. Галкина в Енисейске ожидали только к концу навигации 1631 г.

Прибыв в Илимский острожек 16 июля, П. Бекетов сразу занялся приемкой оставшегося у И. Галкина имущества, хоть и совсем небольшого. Как писал сотник Бекетов, принял он «государевы казны у атамана Ивана Галкина на сей стороне волоку в зимовье на усть Идирмы реки: пороху пуд, да свинцу четырнатцать безмен»[567]. Кроме этого, Бекетов получил от своего предшественника по службе толмача и одного служивого человека. Остальные люди Галкина в это время были уже, надо полагать, в земле якутов – «в яколех», как сказано в отписке, где их ему и «отвел» атаман. Тогда же Галкин сказал Бекетову, что поставил в устье Куты острог[568].

Приняв дела у Галкина, П. Бекетов сразу занялся переносом запасов своего отряда через волок (имея наказ «Ивана Галкина с товарыщы переменить и в Енисейской острог отпустить, не задержав ни часу»)[569], что оказалось весьма трудозатратным делом, тем более, что Галкин, в отсутствии своих людей, никакой помощи ему оказать не мог: в своей отписке воеводе Шаховскому стрелецкий сотник расписал как люди из его отряда переносили припасы по пешему пути через волок и как затем сплавлялись по мелководной Купе до Куты. Бекетов сам контролировал процесс доставки припасов до Ленского (Усть-Кутского) острожка, который на поверку оказался зимовьем[570]. Надо полагать, лишь к концу июля отряд енисейцев смог добраться до нового острожка на Лене, где, как и у отряда Галкина, предполагалась служба, направленная на

[565] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 60. № 46.
[566] Там же. Л. 43. № 37.
[567] Там же. Л. 63 об. № 49.
[568] Там же.
[569] Там же. Л. 60. № 47.
[570] Там же. Л. 60–61 об. № 47.

расширение ясачной территории. В острожках и зимовьях на Илиме и Лене стрелецкому сотнику удалось собрать несколько человек служилых людей, оставленных там И. Галкиным, но отправиться за основной частью отряда Галкина вдогонку вниз по Лене П. Бекетов не решился, так как они к тому времени были уже далеко – «удалели». А отправляться осенью в неизвестность Бекетов счел неразумным, рассудив, что «зимою до них не доитить»[571].

Осень 1631 г. сотник Бекетов посвятил сбору ясака с верхоленских тунгусов и бурят. Выступив с отрядом в 20 человек «с усть Куты», он сумел привлечь в этот поход ясачных тунгусов, проживавших в устье Куты и устье Куленги, которые ранее платили ясак бурятам. Участие тунгусов в этом походе было, со слов П. Бекетова, добровольным. Произошедшее вскоре вооруженное столкновение с бурятами, в разы превосходившими служилых людей и тунгусов по численности, показало, что на Верхней Лене появился серьезный претендент на доминирование в этом районе: буряты потерпели в этом столкновении сокрушительное поражение и ушли к Байкалу[572].

На обратном пути в устье р. Тутуры, правом притоке Лены, енисейцы поставли острожек, в котором сотник оставил десять человек для дальнейшего ясачного сбору. По мнению самого Бекетова, именно это обстоятельство, строительство острожка, повлияло на уход бурят в более отдаленные районы[573]. При этом, выбор места для острожка определился тем, и об этом Бекетов говорит в вышеупомянутой отписке, что неподалеку от Тутуры находился волок на р. Киренгу[574]. Таким образом, по нашему мнению, строительство нового острожка закрепляло за Ленским волоком (соответственно – за Енисейским уездом) верховья Лены, в результате чего местные тунгусы, ранее платившие ясак бурятам, решили поменять политическую ориентацию: «видя... к себе государскую оборону, учинилися под государскою рукою неотступны»[575]. Кроме

[571] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 62–62 об. № 47.
[572] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 65–66 об. № 49; Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. III. С. 54–55, 177–179. № 22.
[573] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 66 об. № 49.
[574] Там же.
[575] Там же. Л. 67. № 49.

этого, построенный острожек, в определенном смысле, являлся базой для проникновения служилых людей в верховья Киренги, где, по поступившим от ленских тунгусов сведениям, проживали еще не объясаченные многочисленные тунгусы. Как итог, если ранее отправлявшиеся Бугром и Галкиным вниз по Лене ясачные сборщики бывали только в устье Киренги, то теперь появилась возможность проникновения на эту реку с другой стороны, с ее верховьев. Вполне очевидно, что это повлияло и на безопасность Усть-Кутского осттрожка.

Зиму 1631/1632 гг. П. Бекетов с остатками своего отряда провел в Усть-Кутском остроге, готовясь к походу вниз по Лене, в землю якутов[576]. В последующем главным результатом этого похода стало основание Якутского острога, ставшего главной опорной базой енисейских служилых людей на Средней Лене, а затем и административным центром русской власти на Лене.

Дальнейшие действия П. Бекетова, на наш взгляд, являются довольно неожиданными: вместо того, чтобы создать базу для постепенного проникновения на Среднюю Лену и поставить острог на границе «Якольской землицы», где-нибудь, в устье р. Синей, (бассейн которой некоторые исследователи считали юго-западной границей расселения якутов к 30-м гг. XVII в., и не случайно в конце 30-х гг. Максим Перфирьев делал енисейскому воеводе предложение о строительстве там острога[577]) и тем самым постоянно угрожать кангаласским тойонам, чьи «землицы» находились на южной окраине заселенной якутами территории, енисейский стрелецкий сотник в 1632 г. уходит вниз по течению Лены к устью Алдана, где после сбора ясака в течение лета ставит острог на правом берегу Лены в не совсем удобном для этого заливном месте. Месте на столько неудобном, что через два года сменившему его атаману И. Галкину пришлось ставить новый острог (с очень большой степенью вероятности можно утверждать, что взамен смытого рекой во время весеннего разлива Лены. –

[576] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. III. С. 55–56.
[577] СПбф ИРИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; Парникова А.С. Расселение якутов в XVII–начале XX в. Якутск, 1971. С. 15.

А.Б.)[578]. К тому же П. Бекетов оставил у себя за спиной сильного противника, который мог перекрыть енисейцам возможный отход вверх по Лене. В чем причина столь, казалось бы, необдуманного решения опытного предводителя имевшего богатый опыт острожного строительства на Ангаре? На наш взгляд, П. Бекетов, получив все же сведения о ситуации в Якутии от Галкина, стал действовать с учетом межплеменных отношений якутов[579].

К середине 1630-х гг. количество годовальщиков в Олекминском острожке было уже вполне достаточным не только для сбора ясака с тунгусов окрестных «землиц», но и для формирования из их числа отрядов для отправки в отдаленные местности, ранее еще не известные в Енисейском остроге. Об этом свидетельствуют «распросные речи» енисейского служилого человека Прокопья Козлова, зафиксированные в съезжей избе Енисейска 17 сентября 1640 г. В 1635 г. он был послан с П. Бекетовым в Олекминский острожек для ясачного сбора. В 1636 г. в Олекминский острожек из Енисейска прибыл десятник Елисей Буза, который направлялся вниз по Лене к морю для выхода на еще не разведанные реки, которые в это море впадают недалеко от устья Лены. В итоге, из Олекминского острожка с Бузой пошли 10 человек служилых людей (к сожалению, источник не дает информации – сколько их них было годовальщиками в Олекминском, а сколько пришло с Бузой из Енисейска) и 40 промышленных людей. Этот, возглавляемый Е. Бузой отряд енисейцев, в короткий срок, выйдя из Лены в Северный океан, прошелся от устья р. Оленек до устьев рр. Молоды (Омолой) и Яны[580].

---

[578] Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 41; Ионова О.В. Из истории якутского народа (Первая половина XVII века). – Якутск, 1945. С. 23; Сафронов Ф.Г. Русские на Северо-востоке Азии... С. 172–173; Иванов В.Н. Социально-экономические отношения у якутов: XVII в. Якутск, 1966. С. 38–39; Его же. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. С. 40, 43; Его же. Якутия в составе Русского государства (XVII век). Якутск, 2002. С. 19, 22.

[579] Бродников А.А. Потестарно-политическая ситуация на Средней Лене и русско-якутские отношения в 30-40-е годы XVII века // Якутия – форпост освоения северо-востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII–XX века). Материалы научной конференции. Якутск, 2004. С. 85–95.

[580] Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (ДАИ). СПб., 1846. Т. 2. № 86. С. 240.

В 1639 г. из Олекминского острожка вверх по Витиму отправился отряд енисейцев во главе с атаманом М. Перфирьевым. Отряд, численностью 36 человек, состоял из 13 служилых людей, бывших в острожке на годовой службе и присоединившихся к ним промышленных людей. Собранные во время похода сведения были М. Перфирьевым переданы якутским воеводам, с которыми он 27 июля 1640 г. встретился на Ангаре. Атаман сообщил П. Головину и М. Глебову о «новых землицах» по Витиму и Ципе, и о слухах про инородцев, обитающих по Шилке на границе Китайского государства[581].

В 1639 г. из Енисейского острога в Олекминский острожек для ясачного сбора был отправлен отряд служилых людей во главе с казачьим пятидесятником Семейкой Григорьевым Родюковым. Наказ ему, данный енисейским воеводой Н. Веревкиным, датирован 9 июня[582]. В Олекминском острожке он должен был сменить прежнего предводителя отряда енисейских служилых людей пятидесятника Евлампейку Иванова Шалама. Составив опись всего принятого у Е. Шалама в острожке имущества и ясачных книг, «по чему он, Шалам, сбирал государев ясак», отослать ее с Шаламом в Енисейск. К сожалению, в наказе не говорится о численности отправленного с пятидесятником отряда енисейцев. Не сведений и о том, поступили ли в его распоряжение служилые люди, ранее находившиеся в Олекминском острожке под началом Е. Шалама.

В Олекминском острожке С. Родюкову следовало действовать как любому приказному человеку, назначенному воеводой в какой-либо укрепленный пункт, имеющий важное значение для закрепления российской государственности на конкретной территории. Енисейскому пятидесятнику следовало призвать в острожек «князцов тунгуских и всяких улусных людей», сказать «государево жаловалное слово», после чего «накормить и напоить их государевы запасы доволно». После этого взять ясак, как и раньше, а с новых людей взять ясак «не в

[581] ДАИ. Т. 2. № 96. С. 258–261. Подробнее об этом походе см.: Бродников А.А. Витимский поход Максима Перфирьева 1639 года и первые попытки проникновения русских на Амур // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 10, вып. 1. История. Новосибирск, 2011. С. 40–44.

[582] ДАИ. Т. 2. № 68. С. 161–164.

тягость»[583]. Быть ему следовало в острожке «на Олекне реке до перемены», пока из Енисейска перемены не пришлют. А промышленных людей он должен был от иноземцев оберегать и отсылать с пушниной к таможенному голове Дружинке Трубникову. С С. Родюковым в Олекминский острожек был отправлен в качестве целовальника Мишка Афонасьев Черепан, приведенный к крестному целованью в Енисейске. Таким образом, к 1639 г. Олекминский острожек представлял собой не просто укрепленный пункт для организации сбора ясака, но полноценный военно-административный форпост Енисейского уезда с таможенным пунктом.

Вслед за отрядом С. Родюкова, 21 июля 1639 г., на Лену был отправлен отряд во главе с атаманом Осипом Галкиным. Сведения об этом имеются в челобитной служилых людей, принимавших участие в этом походе[584]. Конечный пункт пребывания отряда в источнике не указан – отправлены «на Лену». Но, судя по содержанию документа, отряд должен был отправиться в Якутский острог. Служилые люди жалуются, что ранее на Лену оправляли «человек по 60 и больше» (что, собственно и дает основание предполагать, что отряд О. Галкина был направлен в Якутский острог), но на этот раз с атаманом было отправлено только 32 человека, из которых половину пришлось передать под начало первых якутских воевод П. Головина и М. Глебова, которые 24 августа 1640 г. пришли на Ленский волок[585]. Тем не менее, после разгрузки судов под Ленским волоком, куда отряд прибыл 6 сентября, О. Галкин разослал служилых людей для ясачного сбору. Т. е. Илимский острог, ставший перевалочной базой на пути из бассейна Ангары в бассейн Лены, по-прежнему являлся центром сбора ясака на достаточно обширной территории[586].

Стоит отметить, что прибывшие на Ленский волок 24 августа 1640 г. и оставшиеся там на зимовку до следующей навигации, первые якутские воеводы П. Головин и М. Глебов сразу стали отправлять служилых людей в важнейшие

[583] ДАИ. Т. 2. № 68. С. 162.
[584] Там же. № 71. С. 172–174.
[585] Там же. № 85. С. 238–240.
[586] Там же. № 71. С. 172–174.

пункты вновь созданной административной единицы[587]. Ими был отправлен отряд служилых людей численностью в 28 человек во главе с письменным головой Василием Поярковым в Якутский острог, 3 человека во главе с сыном боярским Воином Богдановым – в Олекминский острожек «в прибавку» и некоторое количество людей на заставы «где с Лены переходят на Нижнюю Тунгуску»[588].

Таким образом, начавшиеся с 1628 г. походы енисейских служилых людей на р. Лену через Илимский волок, который первые полтора десятка лет назывался Ленским волоком, очень быстро превратили его из отдаленной ясачной землицы в стратегически важный район, соединявший водные системы Енисея и Лены. Как следствие, закрепление Илимского волока за Енисейским острогом позволило енисейской администрации и гарнизону достаточно быстро взять под свой контроль не только бассейн Илима, но и бассейн Верхней и Средней Лены, создав при этом условия продвижения в Якутскую землю и потенциальную возможность дальнейшего проникновения отрядов енисейцев и в другие, более отдаленные территории Восточной Сибири.

3.2. Рост численности енисейского гарнизона в 30-е гг. XVII в.

Несмотря на острый недостаток служилых людей в Енисейском остроге, рост численности енисейского гарнизона начал происходить только с 1630 г. И связано это было с возможностью упразднения Красноярского острога. В 1629 г. взбунтовавшиеся красноярские казаки прошлись по Ангаре, грабя всех встретившихся торговых людей и тунгусов, в результате чего тунгусы ушли вверх по притокам, и в Енисейске возникла проблема со сбором ясака. Под-

[587] Имея статус разрядных воевод, П. Головин и М. Глебов имели, тем самым, возможность требовать помощь от уездных воевод для обеспечения продвижения своего отряда к месту своей службы. Так, от енисейского воеводы Н. Веревкина они требовали выделения лошадей для перевозки своих запасов из Маковского острожка в Енисейск. По этой причине Веревкин собирал сведения о наличии лошадей в Енисейске у разных категорий жителей **(Приложение 5)**.

[588] ДАИ. Т. 2. № 85. С. 238–240.

нявшись за пороги, красноярцы разгромили селения ясачных бурят, в результате чего возглавлявшие отряды енисейских служилых людей М. Перфирьев и П. Бекетов в последующие годы вынуждены были вновь заниматься их «замирением»[589]. В Москве после этих событий пришли к выводу о целесообразности упразднения Красноярского острога. Тем более что, вопреки ожиданиям и вместо обещанного основателем Красноярска воеводой А. Дубенским потока пушнины, в первый год существования Красноярского острога удалось собрать ясаку менее чем на 170 руб.

В 1630 г., 1 декабря[590], енисейский воевода князь С.И. Шаховской получил из Москвы государеву грамоту, в которой говорилось о принятом решении расформировать красноярский гарнизон: «А воеводе Архипу Акинфову указали есмя быти к нам к Москве, а служилых людей дву человек атаманов и пятидесятников и десятников и рядовых казаков всего двусот человек указали есмя перевести ис Красноярского острогу и нашу службу служити в Енисейском остроге...»[591]. Остальных красноярских служилых людей в количестве 101 человека предполагалось перевести в Томск. Что касается самого Красноярского острога, то предполагалось «по высмотру» томского воеводы князя П. Пронского решить, быть ли на Красном яру острожку. Если будет необходимость его все же оставить, то отправлять туда из Енисейска на годовую службу «служилых людей с атаманы или з детми боярскими человек по 40 или по 50 или по сколку человек пригоже, смотря по тамошнему делу»[592].

Однако, несмотря на государеву грамоту, воеводе Шаховскому пришлось приложить немалые усилия для увеличения численности енисейского гарнизона, т. е. по сути, для выполнения государева указа. Позднее он писал в Москву, что сразу по получении государевой грамоты, 5 декабря, написал в Томск воеводе Пронскому, что ждет присылки красноярских служилых людей. Но князь Пронский, со слов Шаховского, совершенно «не радея» государеву делу, только

---

[589] Подробнее об этих событиях см.: Окладников А.П. Очерки из истории... С. 44–82.
[590] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. № 39. Л. 46 об.
[591] Там же. № 35. Л. 39.
[592] Там же. Л. 39 об.–40 об.

26 марта прислал из Томска 41 человека красноярских служилых людей, которые были отпущены в Томск красноярским воеводой Архипом Акинфовым «кормиться». По оценке С. Шаховского, эти люди совершенно не были готовы к службе, так как все «пропилися и проигралися зернью». Судя по всему, еще по осени в енисейский острог из Красноярска были присланы 45 казаков во главе с пятидесятником В. Москвитиным, которые зазимовали в Енисейске. А 1 мая А. Акинфов прислал в Енисейск еще 14 человек. По оценке Шаховского, специально поздно, чтобы они «к службе не поспели». При этом красноярский воевода потребовал, чтобы зимовавшие в Енисейске казаки вернулись в Красноярск. Поскольку присланные из Томска пропившиеся и проигравшиеся красноярские казаки были не в состоянии нести службу, воевода Шаховской решил, взяв на себя ответственность, вместо них набрать в служилые люди в самом Енисейске находившихся там гулящих людей[593], что позволило увеличить енисейский гарнизон вдвое.

Таким образом, к лету 1631 г. часть красноярских казаков была переведена в Енисейский острог: в росписи рассылок служилых людей енисейского гарнизона говорится, что на 5 июня 1631 г. в Енисейске числилось «старых и новоприбылных служилых людей» 227 человек. При этом большинство из них было разослано по службам, в том числе по дальним: в Братскую землю с пятидесятником В. Москвитиным, на перемену М. Перфирьеву, с П. Бекетовым на Лену, на перемену И. Галкину, на заставу на устье р. Сым[594], где обнаружился поток идущих с Ангары и Лены промышленных людей, стремившихся обойти енисейскую таможню и не платить государеву пошлину.

По всей видимости, в Москве не были уверены, что отправленный осенью 1630 г. указ о переводе красноярских казаков в Енисейский острог будет выполнен в короткий срок, и он был продублирован: в памяти отправленному в 1631 г. на смену князю Шаховскому новому енисейскому воеводе Ждану Кон-

[593] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. № 39. Л. 46 об.–48.
[594] Там же. № 37. Л. 42 об.–44.

дыреву почти слово в слово была изложена вышеприведенная грамота, которую С. Шаховской получил 1 декабря 1630 г.[595]

Однако вскоре и сибирской администрации, и московским чиновникам стало понятно, что Красноярский острог играл очень серьезную роль – прикрывал от кочевников Енисейск, а вместе с ним и уже формировавшийся путь из Западной Сибири на восток – на Ангару и в Якутию. Поэтому в 141 г. (1632/1633) из Москвы следует очередной указ о сохранении в Красноярском остроге гарнизона с прежней численностью и о возвращении ранее переведенных в Енисейск красноярских казаков[596]. Но в Енисейске многие бывшие красноярцы успели уже обжиться, обзавестись имуществом, в том числе и недвижимостью. Поэтому очередной переезд для них был, мягко говоря, очень нежелателен. Теперь уже бывшие красноярские казаки обращаются в челобитной на имя государя с просьбой оставить их служить на прежнем месте, потому что они «в Енисейском остроге покупили дворишка, денги заимуя в великие долги, и для дворовые поставки лошадишка, исдолжали великие долги...». Когда они получили указ вновь «быть на Красном Яру», то «в том переводе вконец одолжали, потому что в Енисейском остроге завели дворишко и скотишко».

В результате, «поехав на Красной Яр» из Енисейского острога, красноярские казаки понесли большие материальные потери: весь их скарб был «пометан даром дешевою самою ценою», поскольку купить его некому, так как в это время енисейские служилые люди были уже посланы на разные государевы службы. Челобитная красноярских казаков завершается криком души, хотя это и является «штампом» сложившегося формуляра челобитной: «Милосердный государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Русии, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, нам свою государеву службу служить в Енисейском остроге, чтоб нам, холопем твоим, в том переводе и досылке в конец не

[595] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 30. Л. 347–361.
[596] Указ этот был доставлен в Енисейский острог 7 октября 1632 г. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 47. Л. 132.

одолжить и дворишков своих и скотишка даром не пометать. Царь государь, смилуйса, пожалуй»[597].

У нас нет сведений о том, была ли властями удовлетворена просьба красноярских казаков. Думается, что нет, так как правительство еще в 1631 г. начало производить массовый набор служилых людей для отправки в Сибирь. Поэтому к 1633 г. у тобольской администрации уже была возможность заменить в Енисейском остроге красноярских казаков «нововерстанными». Набор служилых людей проводился в городах Русского Севера: на Вологде, в Тотьме, в Устюге Великом, у Соли Вычегодской, т. е. в тех районах, откуда и так существовал отток населения в Сибирь. Показательно, что среди присланных позднее в Енисейский острог 150 человек из числа этих новоприборных казаков многие имели в своих именах географическую привязку: одних только Устюжаниных было 14 человек[598]. Правительству удалось за несколько месяцев набрать 485 человек и отправить в Тобольск для последующей их рассылки по сибирским городам[599]. По всей видимости, самое значительное пополнение из числа этих новоприборных казаков получил Енисейский острог, а остальные служили в Тобольске[600]: если сравнить численность пеших казаков в тобольском гарнизоне, то в 1629/1630 гг. их было 103[601], а в 1632/1633 гг. – более 500[602], видимо, массовый набор казаков в этот промежуток времени не ограничивался только упомянутым выше набором 1631 г.

Нововерстанные казаки прибыли в Тобольск в первой половине 1632 г.: прибывший в Тобольск в начале октября новый воевода князь Андрей Андреевич Голицын[603] был обеспокоен тем, что все они до его приезда не были приведены к крестному целованью, о чем отписал в приказ. В ответ из Москвы была отправлена грамота с образцом записи, по которой следовало провести это

[597] РГАДА. Ф. 838. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
[598] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 108–114.
[599] Там же. Оп. 3. Стб. 37. Л. 344–344а.
[600] Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири… С. 34.
[601] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 5–33.
[602] Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII ст. М., 1885. С. 27.
[603] Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 237.

«мероприятие». Воеводе предписывалось и впредь приводить нововерстанных к крестному целованью по такой записи и разослать ее копии по всем сибирским городам, что А. Голицын и сделал, велев вновь поверстанных привести к крестному целованью[604]. Таким образом, в конце 1632 г. в Тобольске находилась значительная группа нововерстанных казаков, часть из которых должна была быть отправлена в Енисейский острог. Если бы предшественник Годунова тобольский воевода Ф.А. Телятевский был порасторопнее и вовремя привел набранных в северных городах казаков к присяге, то енисейский гарнизон мог получить значительное пополнение уже в конце 1632 г. В Москве, думается, предполагали, что так и произойдет, поэтому и торопили енисейских и красноярских воевод с восстановлением красноярского гарнизона.

Но, как оказалось, это была не единственная проблема с нововерстанными казаками. Их должны были обеспечить огнестрельным оружием перед отправкой в Сибирь, но по какой-то причине оружие не выдали. В результате еще в Москве новоприборные будущие енисейские казаки обратились с челобитной о выдаче им оружия: «…вели, государь, нам свое государево казенное ружье выдать здесь на Москве. А которые, осударь, наша братья преже сево посыланы в сибирские городы и им давано ружье здесь, на Москве…»[605].

Но в Москве оружие им так и не выдали. При рассмотрении этой проблемы выяснилось, что в 141 г. (1632/1633) в Тобольске числилось в приходе 110 ручных пищалей. И ранее, в 1630 г., из Москвы в Тобольск уже отправлялись для новоприборных служилых людей 500 ружей. Поэтому, вслед за принятыми на службу казаками в Тобольск была отправлена грамота с указанием выдать им пищали из тобольских запасов и отпустить их в Енисейск[606]. Поскольку, по бюрократической традиции, все согласования при решении текущих вопросов, особенно касающихся материальной ответственности, велись всегда с Москвой, то обсуждение проблемы выдачи оружия вновь прибранным на службу казакам могло длиться месяцами. А ожидавшие отправки в Енисейск казаки все это

[604] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 37. Л. 344–344а.
[605] Там же. Л. 345.
[606] Там же. Л. 346, 354–357.

время маялись в Тобольске. В енисейских окладных книгах жалованья служилым людям на 141 г. (1632/1633), т. е. составленной к началу отчетного 141 г. – к 1 сентября 1632 г., перечисляются только стрельцы «старой сотни» (**Приложение 3**). В книге хлебного жалованья после списка получавших государево жалованье имеется приписка, проливающая свет на изменения, проходившие в енисейском гарнизоне в начале 30-х гг.: «Да в прошлом во 139-м году... переведено ис Красноярсково острогу в Енисейской острог красноярских служивых людей с атаманом, пятидесятников и десятников и рядовых казаков 151 человек...». В 140 г. из них 12 человек уже были возвращены «на Красной Яр» по отписке томского воеводы князя Ивана Татева. И по грамоте, полученной в Енисейске 7 октября 1632 г., всех 150 красноярских казаков было велено перевести обратно в Красноярский острог[607].

Но поскольку переведенные в Енисейский острог красноярские казаки были разосланы по службам, то их возвращение в Красноярск подразумевалось после прибытия с дальних служб. Так что хотя челобитную свою о том, чтобы остаться служить в Енисейске, красноярцы и отправили в Москву, но вернуться на Красный Яр они должны были еще по осени 1632 г.[608] В той же книге имеется запись о царском указе об увеличении численности енисейского гарнизона путем перевода из Тобольска 150 человек новоприборных казаков и 50 человек из Березова[609].

Когда тобольские и березовские переведенцы в конце 1633 г. наконец прибыли в Енисейский острог (были присланы на «житье» с тобольскими детьми боярскими Василием Лугвининым и Степаном Тутолминым), обнаружилась еще одна серьезная проблема: почти половина прибывших была наемниками из гулящих людей «и те все зернщики наги и боси». Иначе говоря, принятые на службу в городах Русского Севера новоприборные казаки решили не отправляться в отдаленный гарнизон, а осесть в Тобольске, для чего наняли вместо себя для отправки в Енисейск других людей из числа тех же гулящих, но нахо-

[607] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 47. Л. 132.
[608] Там же. Л. 132 об.
[609] Там же.

дившихся в Тобольске. Выставлять на службу вместо себя наемников было обычной практикой XVII в., но предполагалась такая замена в исключительной ситуации, например, в случае болезни отправляемого[610]. Вероятно, это был первый массовый случай такого рода. Второй известный нам массовый случай выставления наемников произошел в Тобольске в 1639 г., когда готовилась отправка 245 казаков на Лену[611].

Казалось бы, зачем люди шли верстаться в казаки, если потом отказывались от службы? На этот счет возможны два предположения. Во-первых, людей во время прибора могли не проинформировать о предстоящем переводе из Тобольска в другие города и остроги (а Енисейский острог все-таки еще оставался окраинным пунктом на восточной границе русских владений в Сибири), а они ориентировались на службу именно в Тобольске. И, во-вторых, они, как уже государевы сибирские служилые люди, получали право беспошлинного провоза в Сибирь товаров на сумму до 50 руб. и товаров, приобретенных на сумму полученного в Москве денежного жалованья[612]. Возможно, и сочетание этих двух интересов.

Таким образом, вместо готового к несению государевой службы подкрепления, енисейский воевода получил в значительной степени небоеспособную толпу, о чем поспешил сообщить в Москву. Отписку енисейского воеводы А.А. Племянникова о состоянии такого «подкрепления» подал в приказе О. Галкин 8 апреля 1634 г.[613]

После рассмотрения отписки в приказе на ее обороте появилась пространная резолюция: «Отписать в Енисейской: велеть отписать в Тоболеск и наимитом велеть послать имянные росписи за своею рукою хто именем и в чье место и где ныне те люди, которые в свое место наймовали, велеть бы допро-

---

[610] Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири... С. 100–101.
[611] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 75. Л. 6–7, 224.
[612] Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1900. Ч. 3. С. 124; Леонтьева Г.А. Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII–начале XVIII в. // Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С. 85.
[613] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 37. Л. 224–224 об.

сить всех служилых людей присылных, да тех, которые у них наимовали в чему найму имали, да и в Тоболеск и на Березов о том отписать, которые в свое место наимывали место себя учинить наказанье: велеть <послать на> житье да обо всем велеть ис Тоболеска и из Енисейского и из Березова отписать чаво так учинено»[614]. Но только 21 мая 1634 г. из Москвы в Тобольск была отправлена грамота: провести сыск, кто из новоприборных казаков отправил вместо себя в Енисейск наемников из гулящих людей, «зернщиков». За самовольные действия от тобольской администрации потребовали «учинить им наказанье»: всех виновных «бить батоги нещадно, а учиня им наказане послати их ис Тоболска и из Березова в Енисейской острог самих на жите по прежнему нашему указу…». О выполнении указа требовалось доложить в приказ дьякам и отписать в Енисейск воеводе А. Племянникову[615]. В тот же день грамота подобного содержания была отправлена и в Енисейск[616].

Нам неизвестно, как происходило все разбирательство властей с теми, кто «в свое место наимывали», и с нанятыми «зернщиками». Но очень вероятно, что нанимавшие вместо себя других людей всё же были отправлены на службу в Енисейск, так как власти четко следили за тем, чтобы выданное служилым людям государево жалованье «даром не пропало»[617] – было отслужено. А новоприборные казаки должны были при зачислении на службу получить денежное, хлебное и соляное жалованье, хотя бы половину годовых окладов, чтобы «собраться». По большому счету, рассмотренная ситуация с выдачей им пищалей подтверждает это.

Увеличение численности енисейского гарнизона привело к некоторым подвижкам енисейских стрельцов по служебной лестнице. Например, бывших в 1629/1630 и 1632/1633 гг. рядовыми стрельцами Федьки Васильева Чурочки и

---

[614] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 37. Л. 224 об.
[615] Там же. Л. 225–226.
[616] Там же. Л. 227–229.
[617] Никитин Н.И. Военно-служилые люди Западной Сибири XVII в. (Из истории классово-сословного строя позднефеодальной России): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1975. С. 21.

Васьки Иванова Колесника[618]. В окладной книге 1636/1637 гг. Васька Иванов Колесников именовался уже пятидесятником у тобольских переводных казаков[619]. А в 1642/1643 гг. вместе с ним пятидесятником числится и Федька Васильев Чурочка[620]. Рядовые стрельцы Ивашко Панкратов и Нехорошко Павлов стали десятниками в своем подразделении[621]. Стрелецкий десятник Семен Родюков сначала был переведен десятником к тобольским казакам, но к началу 1640-х гг. тоже стал пятидесятником[622].

Встречаются в енисейских окладных книгах лица, получившие позднее известность как землепроходцы. В начале 1630-х гг. в енисейском гарнизоне служил рядовой стрелец Михаил Стадухин. В одном случае он упоминается как Михаил Садухин, а в другом – как Мишка Васильев Спадухин[623]. С середины десятилетия его имя из енисейских окладных книг исчезает. В окладной книге 1636/1637 гг. в списке новоприборных тобольских казаков встречается Сенька Иванов Дежнев[624], а в списке «ссыльных русских людей атамановы станицы Осипа Галкина» фигурирует Постничко Иванов Пенежанин[625]. Все трое в 1640-е гг. оказались во вновь созданном якутском гарнизоне. По государеву указу енисейский воевода Н. Веревкин должен был передать в подчинение первых якутских воевод П. Головина и Б. Глебова 100 человек енисейских служилых людей. Но, поскольку к началу навигации 1640 г. более 70 енисейцев находилось как раз в Якутске, воеводы решили, что из Енисейска Головин и Глебов возьмут только 25 человек, а в качестве остальных 75 человек просто оставят на Лене находившихся там енисейских служилых людей. В последующие годы, посылаемые енисейскими воеводами, выполнявшими распоряжения тобольской администрации или центральной власти, в Якутский острог с разными «посылками» (свинец, порох, продовольствие и т. п.) группы служилых людей обратно

[618] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 306, 308; Кн. 47. Л. 84 об., 85а об.
[619] Там же. Кн. 70. Л. 108.
[620] Там же. Кн. 153. Л. 57 об.
[621] Там же. Кн. 27. Л. 306 об., 307; Кн. 70. Л. 101 об.
[622] Там же. Кн. 27. Л. 305 об.; Кн. 70, Л. 108 об.; Кн. 153. Л. 57 об.
[623] Там же. Кн. 27. Л. 308; Кн. 47. Л. 87 об.
[624] Там же. Кн. 70. Л. 112 об.
[625] Там же. Л. 107.

редко возвращались. В итоге в 1651 г. енисейский воевода Афанасий Пашков жаловался в Сибирский приказ, что за десять лет в Якутии осталось более 140 человек енисейских служилых людей[626].

Таким образом, первая стрелецкая сотня, набранная в Тобольске в 1623 г., стала костяком, основой енисейского гарнизона и до начала 40-х гг. XVII в. в окладных книгах Енисейска это подразделение так и называлось – «старые енисейские стрельцы» или «стрельцы старой сотни»[627], о чем уже говорилось выше. Только к середине 40-х гг. произошла унификация названий енисейских служилых людей, и все они стали называться казаками. Возможно, здесь определенную роль сыграло пополнение енисейского гарнизона новоприборными казаками из Березова и Тобольска и ссылка в Енисейск для службы русских людей из европейской части России, военнопленных «литовских людей» и белгородских черкас[628]. Назначавшиеся же в командный состав этих подразделений енисейские «стрельцы старой сотни» автоматически становились казаками.

В енисейской окладной книге денежного жалованья за 145 г. (1636/1637) сформировавшиеся подразделения идут отдельными списками: «старые енисейские стрельцы», «ссыльные русские люди атамановы станицы Осипа Галкина», «енисейские же служилые люди, которые переведены из Тоболска, из Березова на житье в Енисейской острог» (при этом в списке приводятся только переведенцы из Тобольска) и «березовские присылные казаки»[629].

В окладной книге хлебного жалованья за 150 г. (1641/1642) выделяются отдельными списками «тобольские переводные казаки», «березовские переводные казаки» и «ссыльные русские и литовские люди». При этом внутри подразделений выделяются группы служилых людей по отношению к хлебному жалованью: «енисейские служилые люди, которые служат с пашен своих без хлебного жалованья», «енисейские ж служилые люди, за которыми пашни описаны,

---

[626] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 75. Л. 224, 565–572; Стб. 98. Л. 95; Александров В.А. Русское население Сибири... С. 87.
[627] Например, см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 101.
[628] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 105 об.–108; Кн. 153. Л. 66–66 об.
[629] Там же. Кн. 70. Л. 100–118.

и с пахот им додать з зачетом» и «которые служат без пашен с полных окладов»[630]. А в окладной книге денежного жалованья за 151 г. (1642/1643) все они идут уже как казаки, и выделены отдельным списком только «белгородские черкасы»[631].

Надо отметить, что в течение XVII в. ссылка была одним из важных источников комплектования сибирских гарнизонов, хотя ее значение постепенно и уменьшалось. «Поверстанные» в службу ссыльные начинают упоминаться в Енисейске с 30-х гг. XVII в. Уже в 1631 г. «бил челом» сосланный в Сибирь в пашенные крестьяне некто Дементий Григорьев, служивший ранее в Белгороде сыном боярским. Будучи уже определенным «в пашню» под Енисейском, Д. Григорьев решил, что у него есть шанс остаться в числе служилых людей. Главным аргументом ссыльного было то, что работа на пашне ему «не за обычай», а вот в ратном деле он может преуспеть и принести государю пользу. И действительно, на челобитье Д. Григорьева из приказа Казанского дворца последовал указ о поверстании его в пешие казаки[632]. Правда, в окладных книгах 1633 и 1637 гг. его имя не встречается, но это еще не говорит о том, что указ из Москвы не был выполнен енисейским воеводой – Д. Григорьев вполне мог погибнуть во время выполнения одной из «служб».

Значительное число военнопленных пополнило сибирские гарнизоны во время войны с Польшей в 1630-х и 1650–1660-х гг. В 1632 г. в Томск, Енисейск и Красноярск было направлено 83 пленных поляка[633]. Часть из них вскоре оказалась в енисейском гарнизоне. Некоторые из них в ссылке обзаводились семьями и навсегда оставались в Сибири. Например, плененный в 1633 г. польский шляхтич Яков Ушницкий служил казаком в Енисейске[634] и в 1640-х гг. погиб в

---

[630] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 153. Л. 134–151об.
[631] Там же. Л. 49–68.
[632] Там же. Оп. 3. Стб. 12. Л. 384.
[633] Апполова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М., 1976. С. 76.
[634] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 106 об.

Якутии. Его сын Михаил впоследствии 35 лет прослужил подьячим приказной избы в Якутске[635].

Летом 1634 г. в Енисейск сообщалось о высылке из Казани донского атамана Василия Гладкого с группой казаков, заподозренных в измене. Сведений об их прибытии в Енисейск у нас нет, но они, видимо, были рассредоточены по подразделениям енисейского гарнизона. В 1634–1635 гг. в Енисейский острог прибывает еще одна большая партия ссыльных: «литва», «воровские волжские казаки», виновные в армейских волнениях в Рославле и других украинских городах, в том числе «воровавших» с И. Балашом[636]. Часть из них – 30 человек – были поверстаны в Енисейске в служилые люди. Остальные участники движения Балаша, в числе которых были донские и яицкие казаки и путивльские «черкасы», были «посажены» на пашню[637].

В 1636 г. в Енисейск прибыло еще пятеро «иноземцев литовских людей» с семьями (по другой версии, в 1637 г.), сосланных за попытку бегства из Тулы в Литву. Среди них находился некто Никифор Романович Черниговский[638], переведенный несколько лет спустя в Илимск. Там в 1665 г. он поднял восстание против местного воеводы и ушел с восставшими на Амур, где основал Албазинский острог, ставший оплотом сопротивления русских казаков экспансии маньчжурского Китая[639]. В 1639 г. в Енисейский острог из Москвы было отправлено еще 10 семей «белгородских изменников», которых определили в службу[640].

Из упомянутых ссыльных в Енисейске сформировали отдельный отряд – «станицу» – численностью в 60 человек, во главе которого, о чем говорилось выше, стоял атаман Осип Галкин, брат Ивана Галкина. Ссыльные «станицы»

---

[635] См. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 84–85.
[636] О движении И. Балаша во время Смоленской войны 1632–1634 гг. см.: Поршнев Б.Ф. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // История СССР. 1957. № 5. С. 112–140.
[637] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 37. Л. 328–338; Стб. 49. Л. 10–11; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество… С. 87.
[638] Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество... С. 87–88.
[639] ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. № 73. С. 275–276; Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) М., 1969. С. 14, 23–27.
[640] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 72. Л. 231–234.

О. Галкина были поверстаны «против енисейских служилых людей», т.е. на тех же условиях, с теми же окладами денежного, хлебного и соляного жалованья и с теми же служебными обязанностями.

Правительство и местная воеводская администрация были заинтересованы в том, чтобы сосланные в Сибирь «воровские» казаки и пленные «черкасы», «литва» (среди которых абсолютное большинство составляла польско-белорусская шляхта), имеющие богатый опыт военного дела, определялись именно в ратную службу.

Но, несмотря на активное привлечение ссыльных в службу, правительство помнило об их происхождении и, видимо из опасения бегства, пыталось ограничить их передвижение, в частности, ссыльных запрещалось отправлять с всевозможными «делами» в Москву[641]. Возможно, получившие известность томские события 1637 г. – «заговор томской литвы»[642], когда скопившиеся в одном гарнизоне более 150 человек ссыльных задумали, перебив остававшихся в городе немногочисленных служилых людей (почти все были разосланы по службам) и администрацию, ограбив остальных жителей, бежать на судах вниз по Оби и по морю дойти до Швеции, вынуждали власти помнить о вероятной неблагонадежности политических ссыльных, тем более – военнопленных.

Ссыльные, многие из которых, таким образом, избежали смертной казни за свои «измены» и «воровство», ценили оказанное им доверие и в большинстве своем несли службу весьма исправно. Для военнопленных существовал хороший стимул: когда московское правительство после очередной войны с Речью Посполитой заключало перемирие, то начинался обмен пленными.

В конце 1636 г. к енисейскому воеводе Прокопию Федоровичу Соковнину обратилось пятнадцать ссыльных человек из станицы О. Галкина, сосланных в 1633 г. За годы службы в Енисейске они вместе с другими служилыми людьми занимались ремонтом и строительством острожных укреплений, собирали ясак, совершали походы против «немирных иноземцев», брали аманатов. В

[641] ДАИ. СПб., 1869. Т. 11. № 72. С. 205–207.
[642] Оглоблин Н.Н. Заговор томской «литвы» в 1634 г. // Чтения в обществе Нестора-летописца. Киев, 1894. Кн. 8. С. 1–11.

1635 г. они ходили в поход в братские «новые землицы» в отряде сына боярского Николая Радуковского, где также зарекомендовали себя положительно. Все это они и рассказали енисейскому воеводе, подав ему челобитную с просьбой отпустить их на родину. Присутствовавший при этом Н. Радуковский подтвердил все сказанное ссыльными – «службу служили с великим радением». В Москве челобитчики были уже 14 февраля 1637 г., где их из приказа Казанского дворца отослали в приказ Полонянных дел[643].

Ссыльные в 30–40 гг. XVII в. являлись довольно серьезным источником пополнения енисейского гарнизона, составляя в отдельные годы до 20 % его состава. Источником пополнения важным, но не основным. Основным же источником комплектования гарнизонов Восточной Сибири, в том числе и гарнизона Енисейска, особенно до середины XVII в., были выходцы из тяглых слоев европейской части России – крестьяне и посадские, по тем или иным причинам оказавшиеся в Сибири, где они в своем большинстве первое время становились промышленными или гулящими людьми и только спустя несколько лет окончательно определялись со своим социальным статусом, верстаясь в служилые или попадая все в те же тяглые слои. Сибирские воеводы, стоявшие перед необходимостью если не увеличивать, то хотя бы сохранять на прежнем уровне численность своих гарнизонов, вынуждены были покрывать потери путем верстания на службу всех желающих, зачисляя их, как положено, «в выбылые оклады». В Енисейске эта практика началась вскоре после появления своего гарнизона: известно, что в 1628 г. воевода Василий Алексеевич Аргамаков «прибрал» четырех гулящих на места служилых людей, убитых якутами на Лене.

Таким же образом и после трехкратного увеличения численности гарнизона енисейские воеводы иногда были вынуждены производить срочный массовый набор служилых людей из тех же податных слоев населения. В частности, в 1635 г., т. е. фактически сразу после увеличения гарнизона, воевода А. Племянников решился прибрать в служилые люди 54 человека из находившихся в Енисейском остроге гулящих людей вместо погибших в Братском

[643] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 53. Л. 294–296.

острожке от рук бурят енисейских казаков из отряда, во главе которого стоял некто Дунайко Васильев[644].

При этом определенное сопротивление со стороны Москвы сложившейся в Сибири практике верстания на службу выходцев из податных сословий заставляло воевод действовать очень осторожно. Часто, когда надо было совершать карательный поход на непокорный улус «инородцев» или набрать нужное количество людей для замены годовальщиков, енисейская администрация поступала следующим образом: недостающее количество служилых людей пополнялось за счет всех желающих – так называемых «охочих» людей, которые должны были «подниматься» на службу на свои средства, без государева жалованья[645].

После выполнения поставленной задачи «охочие» люди «били челом» государю о верстании их в служилые люди, мотивируя это тем, что они на службе бывали и она им теперь «за обычай». Бывшие вместе с ними казаки подавали свою челобитную, подтверждая заслуги товарищей и присоединяясь к их просьбе. Иногда к подобным просьбам присоединялась и администрация. В Москве на это реагировали, как правило, положительно, разрешая енисейским воеводам не только заполнять разными людьми вакантные места, но и создавать новые. В тех же случаях, когда происходила организация экспедиции во вновь присоединяемые районы с целью создания там крупного укрепленного пункта со своим гарнизоном, само правительство выступало с инициативой привлечения на службу всех желающих. Достаточно вспомнить, что енисейский гарнизон был сформирован в Тобольске из «охочих» людей. Московские власти на это шли очень неохотно, но ситуация в Сибири заставляла периодически принимать именно такие решения.

---

[644] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 49. Л. 10. В окладной книге 141 г. (1632/1633) Д. Васильев не упоминается. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 47. Л. 83–90.

[645] РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Ед. хр. 26. Л. 3–4; Белов М.И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Л.-М., 1952. С. 257–258; Бахрушин С.В. Исторические судьбы Якутии // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 30.

Опасения московского правительства были вполне обоснованы: поверстанные на службу новоприборные часто выходили из повиновения у своих предводителей. В Сибири в XVII в. встречается немало таких случаев. Новоприборные красноярские казаки летом 1627 г., во время следования из Тобольска в Енисейск, на Кети встретили и ограбили возвращавшегося в Москву бывшего енисейского воеводу А. Ошанина. В 1629 г. они избили и утопили в р. Каче своего атамана Ивана Кольцова за то, что он, по их мнению, был виновен в непоставке в Красноярск хлебных запасов из Енисейска[646].

Енисейские служилые люди в этом плане отличались в лучшую сторону. Пожалуй, единственным фактом проявления открытого недовольства енисейцев можно назвать енисейский бунт 1626 г., но он носил совершенно иной характер, чем упомянутые действия красноярцев.

Если среди поверстанных в службу ссыльных абсолютное большинство составляли, как уже говорилось, представители военно-служилых сословных групп практически со всей европейской части России и ближнего зарубежья, то всевозможные «охочие» гулящие и торговые люди, оказавшиеся в первые десятилетия XVII в. более мощным источником комплектования служилых людей, с учетом и тех, кто был поверстан в Тобольске и переведен на службу в Енисейск, отличались не только однородностью социального происхождения, но и практически единым районом выхода в Сибирь. Многочисленные источники по истории Сибири XVII в. свидетельствуют, что подавляющее большинство гулящих и промышленных людей были выходцами из районов Русского Севера. В документах того времени очень многие промышленные, гулящие, да и служилые люди имеют прозвища, часть из которых превратилась позднее в фамилии, связанные с местом происхождения. Отсюда и такое распространение в Сибири фамилий Комогорцевых, Устюжаниных, Вычегжаниных, Пенежаниных и т. п.[647]

---

[646] Барахович П.Н. Службы красноярского атамана Милослава Кольцова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 1: История. С. 50.

[647] Достаточно посмотреть окладные книги жалованья. См., например: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 100–118.

По подсчетам историков, занимавшихся изучением территориального происхождения промышленных людей Енисейского уезда, в 20–80-е гг. XVII в. выходцы из Поморья составляли до 97,6 %[648]. В то время, когда на основной части европейской России происходил все ужесточавшийся процесс закрепощения, так называемые черносошные (т. е. государственные) крестьяне Русского Севера не только оставались фактически свободными, но и, обладая богатым опытом жизни в суровых условиях северных лесов, оказались самым активным элементом, участвовавшим в присоединении Сибири к Русскому государству. Именно этим, широким привлечением в ряды служилых людей выходцев из Поморья, можно объяснить столь быстрый процесс «приведения под государеву руку» огромного пространства от Уральских гор до Тихого океана, – явления в мировой истории уникального.

В отличие от столь активного привлечения на «государеву службу» крестьян-поморов, верстание в служилые крестьян-сибиряков, т. е. тех, кто уже успел осесть на земле и пахал «государеву пашню», происходило очень редко, с большим нежеланием правительства. Надо полагать, что здесь первое время играла роль заинтересованность правительства в увеличении казенной запашки. Терять тяглецов, даже с целью пополнения гарнизона, было неразумно, так как комплектование тяглых сословий в Сибири было еще более трудным делом.

После увеличения численности гарнизона в Енисейский острог продолжался небольшой приток нововерстанных служилых людей – это были участники боевых действий с Польшей (Смоленской войны), которые после ее окончания оказались без средств к существованию и стремились попасть на службу. Именно таким образом летом 1634 г. в Енисейске оказались дети боярские и солдаты драгунского полка, вернувшиеся с этой войны из-под Можайска и обратившиеся к властям с просьбой поверстать их в сибирскую казачью службу[649].

---

[648] Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири... С. 65–67.
[649] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 37. Л. 328–338; Стб. 49. Л. 10–11.

В фондах Сибирского приказа челобитные такого рода не являются редкостью. Например, 4 июля 1634 г. били челом о службе в Енисейском остроге «драгунского полку Александра Гордова осьмые роты капитана Индрика Шелина... Иванко Захаров сын Пермитин, Матюшка да Ондрейко Матвеевы дети Вычегженева, Васка Кирилов сын Важин, Микитка Васильев сын ис Тюгадемского, Мишка Козмин сын Чарымского круга»[650]. Как видим, среди отставных драгун присутствуют выходцы из северных районов Руси. Через неделю, 11 июля, в приказ поступает целая группа такого рода челобитных. Бьют челом государю «сын боярский Петрушка Иванов сын Пущин Володимерец, вольные людишки Сенька Иванов сын капранишка (капрал. – *А. Б.*) Новгородец, Ларка Трофимов сын Александрова полку Кравел…тава». Все они были на службе в Можайске с князьями Д.М. Черкасским и Д.М. Пожарским. И все просят «быть им в Енисейском в конных казаках»[651]. В тот же день били челом служившие в Можайске в полку Александра Краферта в солдатах астраханец сын боярский Степан Иванов[652], кормовой солдат (т. е. получавший жалованье. – *А. Б.*) Ивашка Матвеев сын Матыль[653], елабуженин Савинка Петров[654]. Все они так же просятся в Енисейский острог в конную казачью службу. На следующий день в приказе было подобное обращение бывшего драгуна полка Александра Лефорта ярославца Ивашки Макарьева сына[655].

20 июля 1634 г. били челом о казачьей службе в Енисейском остроге разных городов дети боярские, ранее неверстанные и беспоместные, но теперь, как и перечисленные выше, служившие в драгунском полку в Можайске Трофимко Романов сын Выродов, Ивашка Иванов сын Глебов, Якушко Романов сын Макшеев, Михалка Микитин сын Шитиков, Михалко Ортемьев сын Кашинец, Воинко Лукьянов сын Золотилов, Ивашко Михайлов сын Дунайков[656]. Это еще

---

[650] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 37. Л. 329.
[651] Там же. Л. 331.
[652] Там же. Л. 332.
[653] Там же. Л. 333.
[654] Там же. Л. 334.
[655] Там же. Л. 337.
[656] Там же. Л. 328.

не весь перечень челобитчиков, отставленных со службы и теперь пытавшихся попасть в енисейский гарнизон[657].

Поскольку солдатские и драгунские полки являлись полками «нового строя» и возглавлялись иностранными офицерами, ими ведал Иноземский приказ. Поэтому, прежде чем принимать решение по поводу упомянутых челобитных, в Иноземский приказ из Приказа Казанского дворца была послана память для выяснения, распущены ли все обратившиеся со службы[658]. Вскоре пришел ответ: все челобитчики действительно служили в полку А. Гордона, со службы «отпущены и в Ыноземском приказе до них никакова дела нет… и хто в которую службу пригодитца и корму и подводы им до Енисейского дать против сибирских служивых людей, а в Розряд (в Разрядный приказ – *А.Б.*) имя их послать под памятью для ведома»[659].

Вслед за этим из Иноземного в Казанский приказ была направлена память об отпуске перечисленных людей со службы и необходимости изъятии (если еще не изъяли) у них ранее выданного оружия («и ружье у них взято ли?»)[660]. Судя по всему, оружие уже было изъято, так как еще в Москве, вскоре после нового верстания на службу, новоприборные енисейские казаки обратились с челобитной о выдаче им оружия: «…вели, государь, нам свое государево казенное ружье выдать здесь на Москве. А которые, государь, наша братья преже сево посыланы в сибирские городы и им давано ружье здесь, на Москве…»[661].

Однако, как и ранее, чиновники приказа рассудили, что если в 1630 г. в Сибирь уже было отправлено 500 ружей, то их должно быть и сейчас достаточно для вооружения новоприборных казаков, тем более что, по справке из Тобольска, там в 1633 г. в приходе числилось 110 ручных пищалей[662]. Показательно, насколько столичная бюрократия и тогда была далека от реалий окраин. По этой причине в Москве новоприборным казакам ружье так и не выдали:

---

[657] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 37. Л. 335–336.
[658] Там же. Л. 341.
[659] Там же. Л. 342–343.
[660] Там же. Л. 344–344а.
[661] Там же. Л. 345.
[662] Там же. Л. 346.

вслед за ними (а они отправились из Москвы 29 июля 1634 г.) из приказа в Тобольск была отправлена грамота, с указанием выдать им всем по приезду пищали и отпустить в Енисейск[663].

Почти все эти челобитчики встречаются в окладной книге Енисейского острога за 1636/1637 гг. в станице атамана О. Галкина, в том числе Ивашка Иванов сын Глебов – в десятниках этого подразделения[664]. А Трофимко Выродов даже в пятидесятниках у переведенцев из Тобольска[665]. Несколько человек из числа названных выше челобитчиков все же в списках отсутствуют. Но они могли быть не поверстаны в службу по каким-либо причинам, отправлены в другой гарнизон или просто успеть погибнуть во время службы, уже числясь в списках служилых людей Енисейского острога.

Несмотря на определенные трудности пребывания в отдаленном гарнизоне и постоянные «далные службы», енисейские служилые люди постепенно обзаводились семьями, и к началу 1640-х гг. в Енисейском остроге и уезде уже подрастают и становятся достаточно многочисленными младшие родственники служилых – младшие братья, дети, племянники. Все они начинают предъявлять свои права на освобождающиеся места в гарнизоне. Правительство и местная администрация, естественно, при заполнении вакантных мест стала отдавать предпочтение именно им, так как были все основания считать – и у правительства, и у самих служилых людей, что им государева служба будет «за обычай». Иначе говоря, на сибирских служилых людей стала переноситься практика комплектования стрелецких полков[666].

Таким образом, начавшееся с 1630 г. увеличение численности енисейского гарнизона позволило енисейским воеводам отправлять в отдаленные восточные «землицы», на Лену и ее притоки. Более многочисленные, чем ранее, отряды служилых людей, которые имели возможность проявлять активность по вовлечению местного тунгусского населения в ясачный платеж, приводя его «под

---

[663] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 37. Л. 347–348.
[664] Там же. Оп. 1. Кн. 70. Л. 106–107 об.
[665] Там же. Л. 108.
[666] Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 102.

государеву руку». Как следствие, с середины 1630-х гг. появилась возможность обратить более пристальное внимание на приленскую территорию, через которую несколькими годами ранее отряды енисейцев проходили транзитом, в землю якутов, и ясак с тунгусского населения собирали только по мере возможности. Теперь же численность служилых людей в Енисейском остроге позволяла заняться более основательным объясачиванием этой территории. Началось строительство острожков в низовьях притоков Средней Лены.

3.3. Тунгусские ясачные волости Илима и Верхней и Средней Лены.

Продвигаясь от Ангары на восток по ее крупному правому притоку Илиму, енисейские служилые люди стали встречать новые, ранее им не известные группы тунгусов. Сначала, ближе к Ангаре, это были родовые группы тунгусов, не редко состоявшие в родстве с приангарскими тунгусами. Но далее на восток, по Лене и ее притокам, ясачные сборщики сталкивались уже с новыми группами тунгусов, отличавшимися от ранее известных русским людям, что отражалось и в документации тех лет[667].

Отдаленность территории, население которой не знало отношений зависимости от кого-либо, требовала от предводителей отрядов енисейцев не простых, более осмысленных, чем ранее, действий для закрепления этих групп тунгусов «под государевою рукою». Тем более что Лена на всем ее протяжении от Усть-Кутского острожка до мест проживания якутов (ориентировочно – до места впадения в нее р. Синяя) в течение нескольких лет оставалась транзитной территорией для отправляемых из Енисейска в Якутский острог отрядов служилых людей и ясак с тунгусского населения по ее берегам собирался не регулярно. Да и сам Ленский волок оставался центром ясачного сбора, по сути, только потому, что стал местом зимовки отправляемых в Якутию отрядов енисейских служилых людей. Что касается якутов, то, согласно источникам, до

[667] Например, в отписке енисейского воеводы Ж.В. Кондырева о сборе И. Галкиным ясака в Усть-Кутском зимовье в 1631/1632 г. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 72. Л. 28–29.

1640 г. в районе устья Олекмы они не упоминаются[668] и верхней границей их проживания (по течению Лены) были низовье яр. Синяя. Поэтому мы рассматриваем бассейн Лены от ее верховьев до места впадения в нее р. Олекма как тунгусскую.

С начала 1630-х гг. происходит рост численности енисейского гарнизона, что позволяет енисейской воеводской администрации обратить на тунгусское население этой территории более пристальное внимание. Как следствие, в низовьях некоторых притоков Лены отрядами енисейских служилых людей стали строиться острожки. В результате, в течение первого десятилетия сбора ясака с ленских тунгусов, на Лене появились центры ясачного сбора от верховьев этой реки до территории проживания якутов. Дальнейшие события показали, что места, выбранные енисейскими служилыми людьми для строительства острожков, предполагаемых центров ясачного сбора, были весьма удачными. Эти острожки продолжали выполнять функции по сбору ясака и в последующее время, когда бассейн Лены перешел в состав Якутского уезда.

Илимско-верхоленские тунгусы

Шамагиры (ичерильцы), икогиры

Как отмечал Б.О. Долгих, территория, перешедшая сначала Якутскому уезду, а впоследствии вошедшая в состав Илимского уезда, была освоена енисейскими служилыми людьми в 1628–1640 гг.[669] Ясак в этом районе в 1630-е гг. собирался из двух пунктов – из Илимского и из Верхоленского острогов. В 1641 г. эта территория с ее населением вошли в состав Якутского уезда, затем, с выделением из него Илимского уезда отошли к нему, а в 1686 г. Верхнеленский острожек и часть тяготевших к нему волостей, перешли в состав Иркутского уезда. Нас интересуют тунгусские волости, отошедшие впоследствии к Илим-

[668] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 489.
[669] Там же. С. 276.

скому уезду, которые, по контролировавшим их острожкам, были разделены Б.О. Долгих на две группы[670].

Территорию от верховьев Каты, правого притока Ангары, до среднего течения Илима и до Куты, левого притока Лены, и ее притока Купы, занимали шамагиры или «шаманские люди». В 1628 г. их возглавлял князец Когоня, с 1631 г. – его сын Нотой Когунев. Б.О. Долгих считает этих шамагиров частью ичерильцев, проживавших ниже и выше по Ангаре[671], т. е. от Аплинского порога до Братских порогов. Общую численность этой части племени шамагиров в 1639 г. он оценивает промерно в 200 человек[672]. К концу 1630-х гг., как отмечают источники, эта группа шамагиров разделилась: часть из них, во главе с Нотоем Когуневым платила ясак на Ангаре, а другая группа князца Окинги разыскивалась служилыми людьми по Илиму и верховьям Куты[673]. Отношения их с родовыми группами племени топорков, расселившихся по притокам Ангары от ее излучины до Енисея, как можно судить по источникам, носили достаточно мирный характер, на что указывает их совместное или, по крайней мере, соседское пребывание в районе Аплинского порога или даже от р. Мура до Аплинского порога[674] и совместное проживание по р. Тасеевой и р. Чуна в более позднее время[675].

В конце 30-х гг. XVII в. от илимских шамагиров, несмотря на сравнительно небольшую их численность, отделилась группа князца Бакшенги и ушла на Лену в район устья Киренги и Чечуйского волока (р. Чечуй – правый приток Лены примерно в 120 км ниже впадения в нее Киренги. – *А. Б.*), заходя в низовья Киренги. Как было отмечено Б.О. Долгих, причиной этого ухода в отдаленный район была неуплата ясака енисейским ясачным сборщикам[676]. В 1639 г.

---

[670] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 276–277.
[671] Там же. С. 277.
[672] Б.О. Долгих, приводя эти сведения, в своем труде ссылается на ДАИ. Т. 2. С. 245. Однако в этом документе, называющемся «Расписание рек» такие сведения отсутствуют. См. ДАИ. Т. 2. № 89. С. 243–245.
[673] Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936. С. 2–4.
[674] Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) ... С. 49.
[675] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 199.
[676] Там же. С. 278.

эти шамагиры были зафиксированы на устье р. Ичеры (левого притока Лены, примерно в 200 км ниже устья Киренги. – *А. Б.*): именно там Бакшенгу взял в аманаты направлявшийся в Ленский острог енисейский сын боярский П. Ходырев[677]. Предположение о том, что название этой родовой группы (ичерильцы) может быть связано с названием реки Ичеры, нам в научной литературе не встречалось.

Позднее тунгусы Бакшкнги, занимаясь по Лене грабежим русских промышленных людей, были зафиксированы у р. Таюры (80 км ниже Куты – *А.Б.*) вместе с группой икогиров. А позднее вместе с ней уже платили ясак в низовьях Киренги. По предположению Б.О. Долгих, это свидетельствует о родственных отношениях шамагиров и икогиров[678]. Необходимо отметить, что ясак с тунгусов на р. Киренга стал более или менее регулярно собираться с 1633 г., когда в ее низовье был основан острожек. При этом П. Бекетов еще в 1631 г., во время своего похода в верховья Лены, узнал от местных тунгусов о волоке с Тутуры на Киренгу и проживания там икогиров[679].

По мнению Б.О. Долгих, икогиры, которые, по всей видимости, могли проживать по всему течению Киренги и выходить к Лене в районе р. Куты[680], представляли собой родовую группу шамагиров. Вместе с присоединившимися к ним шамагирами, в 50-е гг. XVII в. икогиры насчитывали около 220 человек[681]. Не исключено, что именно эти отношения и способствовали миграции шамагиров Бакшенги из приилимской тайги в места проживания икогиров.

Зафиксированы также какие-то отношения между шамагирами Бакшенги и мучугирами верховьев Нижней Тунгуски. Хотя это могла быть и обычная

---

[677] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 278.
[678] Там же. С. 279.
[679] Там же. С. 281.
[680] Б.О. Долгих указывает, что в 1646 г. казаки атамана В. Колесникова убили икогира в верховьях Лены, а ранее, в 1640 г. группа икогиров князца Белкича кочевала у устья р. Иги, притока Лены, впадающего недалеко от Куты. См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 282–283.
[681] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 121; ДАИ. Т. 2. № 89. С. 248.

торговая сделка: князец Бакшенга выменял (купил) у мачугиров на своих оленей пушнину для уплаты ясака[682].

Если вероятность каких-либо отношений, родственных или союзнических, этой группы шамагиров с мучугирами является предположительной и весьма спорной, то с другими соседями, икогирами нижнего течения Киренги, отношения отмечаются более тесные. В письменных источниках отмечены совместные действия против русских со стороны шамагиров родовой группы князца Бакшенги и икогиров. В 1641 г. они совместно нападали на промышленных людей в низовьях Киренги и на Лене «пониже Таюры» (т. е. недалеко от низовьев той же Киренги) А впоследствии эта группа шамагиров окончательно присоединилась к икогирам, образовав с ними одну Киренскую волость, что дает возможность рассматривать их как одну родственную тунгусскую группу.

В целом, получается, что сравнительно небольшое племя шамагиров с его ответвлениями, представлявшими собой его родовые группы, имевшие разные названия, проживало на довольно обширной территории от среднего течения Ангары до низовьев притоков Лены рр. Ичера и Чечуй.

Налягиры

В низовьях Куты енисейцы встретили воинственных налягиров (налягов), проживавшими на обширной территории от верховьев Лены до устья Киренги, в некоторых местах проживая вперемежку с шамагирами. Несколько позднее выяснилось, что налягиры проживали и по Ангаре – выше Братских порогов и по среднему течению р. Ока. Часть из них являлась кыштымами бурят. Общая численность этих зависимых от бурят тунгусов составляла примерно 330 человек[683].

Другая часть налягиров зенимала районы восточнее, вошедшие позднее в состав Илимского уезда и представляла собой его самое большое тунгусское племя. Эти налягиры проживали восточнее Илимского волока и занимли терри-

[682] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 127. Л. 41.
[683] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 210–211.

торию от устья р. Куты до верховьев Илима и бассейнов рр. Тутура и Куленга, притоков Верхней Лены[684].

В отличие от шамагиров, илимско-ленские налягиры проявляли гораздо бОльшую агрессивность в отношении соседей. Впервые о серьезном бое с налягирами рассказывает П. Бекетов, в своей отписке об осеннем походе 1631 г. верховья Лены. В местечке, где им был поставлен Верхоленский острожек, у отряда енисейского стрелецкого сотника произошел бой с налягирскими князцами Можеулом и Липкой[685]. Именно тогда стало известно, что налягиры занимают в верховьях Лены значительную территорию. Возможно, что по причине активных вооруженных столкновений с налягирами, в русских документальных источниках они четко выделяются среди других тунгусских племен, например, в росписи рассылок служилых людей из Енисейского острога в 1631 г.[686]

С начала 1630-х гг. в документальных источниках встречаются сообщения о нападении на русских людей тунгусов налягирского князца Звероула. Так, в 1631 г., когда атаман И. Галкин со своим отрядом стал собирать с тунгусов ясак, перейдя через Ленский волок в устье р. Куты, стало известно, что еще в 1628 г. местные тунгусы «побили енисейских служилых людей Казаринка Кондратьева с товарищи» – всего 12 служилых и промышленных людей[687]. В том же году Звероулом был убит шамагирский князец Белкич, за то, что стал платить русским людям ясак. Кроме того, известно, что налягирами князца Звероула в конце 30-х гг. XVII в. были убиты мучигиры Мангазейского уезда, за которых, впоследствии, им самим пришлось длительное время платить ясак. Известно, что налягиры этого рода платили ясак за мучигиров еще в 1657 г.[688]

---

[684] О территории налягиров см. ДАИ. Т. 2. № 89. С. 245–246; Окладников А.П. Очерки из истории... С. 232; Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. С. 2–7.
[685] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 66 об., № 49.
[686] Например: СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 42 об.–44. № 37.
[687] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 31. Л. 385–386. В монографии Б.О. Долгих указывается, что их «побили» в 1632 г. (См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 279). Надо полагать, что эта ошибка в датировке связана с тем, что сведения, указанные в подготовленном П. Головиным и М. Глебовым документе, взяты из челобитной участников похода И. Галкина 1632 г. При этом в монографии Б.О. Долгих в сноске на ДАИ на этой странице содержится роспись рек от Куты вверх по Лене. СМ.: ДАИ. Т. 2. № 89. С. 246, 247.
[688] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 279–280.

Неоднократно возникали вооруженные столкновения с родовой группой Звероула у енисейских ясачных сборщиков в 1630-е гг.

Князец Звероул был весьма авторитетным предводителем у налягиров. Даже когда его удалось захватить в плен в 1639 г. и направить в Илимский острог, он смог, при помощи сородичей (жены) и, притупив бдительность караульных, сбежать. Поиски сбежавшего князца представляли собой целую воинскую операцию, которую возглавил находившийся в остроге пятидесятник С. Родюков[689].

Численность проживавших на территории Илимского уезда налягиров Б.О. Долгих определял приблизительно в 800 человек[690], что действительно представляло собой весьма внушительную силу, особенно учитывая занимаемую ими сравнительно небольшую территорию и, как следствие этого, возможность объединяться в короткий срок.

В низовьях р. Олекма, где также проживали нанагиры, енисейские служилые люди стали собирать ясак со времени своего прихода на эту территорию. Первым с них взял ясак, вероятно, атаман И. Галкин еще во время своего первого похода в землю якутов в 1631 г. В 1633 г. с них брал ясак основатель Олекминского зимовья сын боярский И. Козьмин. А зимой 1634–1635 г. сбором ясака из Олекминска занимался пятидесятник С. Родюков, возглавлявший отряд годовальщиков, отправленных из Енисейска непосредственно в это зимовье. Обосновавшись на Лене у устья Олекмы, енисейские служилые люди теперь имели возможность более основательно заниматься поиском не плативших ранее ясак тунгусов. Поэтому С. Родюков собирал ясак с нанагиров не только в устье Олекмы, но и прошелся по ее притоку р. Чара, где нашел многочисленных вилюйских нанагиров князцов Конкочана и Ильняктана и их родственника киндигирского князца Якона[691]. Получается, что нанагиры и киндигиры были родственными племенами (большими родовыми группами).

---

[689] Подробнее об этих событиях будет ниже.
[690] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 281.
[691] Там же. С. 480.

Киндигиры

На восток от налягиров проживало еще одно большое племя (или племена) киндигиров, которое представляло собой несколько вполне автономных объединений родовых групп**.**

В верховьях Лены, у самых ее истоков, и в верховьях Киренги до самого Байкала, проживали камчагиры, численность которых составляла 200 – 300 человек[692]. Так как икогиры проявили в 1640 г. инициативу в объясачивании енисейскими служилыми людьми этой группы тунгусов, а налягиры, по всей видимости, практически не имели с ними контактов, то стоит предположить, что камчагиры не состояли в родственных отношениях с этими двумя племенами. Более того, учитывая их небольшую численность и постоянные связи с тунгусами Забайкалья, есть основания считать, что камчагиры представляли собой недавно отколовшуюся группу забайкальских тунгусов, но еще сохранявшую определенные отношения с ними. По мнению Б.О. Долгих название «камчагир» есть не что иное, как искаженное название «киндигир»[693]. Но в сферу ясачных интересов енисейской воеводской администрации и служилых людей эта группа тунгусов попала после 1640 г., что лежит за хронологическими рамками нашего исследования[694].

Другое ответвление киндигиров, группы тунгусов, зафиксированные в источниках под названием нанагиров. Б.О. Долгих с осторожностью отмечает: «возможно, что нанагиры представляли собой ответвление киндигиров»[695]. Они встречались на северо-восток от налягиров, вниз по Лене (на расстоянии более 1000 км от впадения в Лену Киренги. – *А. Б.*), в районе устья р. Олекмы, где енисейские ясачные сборщики стали собирать с них ясак. Очень вероятно, что первым с нанагиров собрал ясак енисейский атаман И. Галкин в 1631 г. во время своего первого похода в Якутию. В 1633 г. ясак с них там же, на устье Олекмы, собрал енисейский сын боярский Иван Козьмин во время своего продвиже-

[692] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 282–284.
[693] Там же. С. 283.
[694] Там же. С. 282, 283.
[695] Там же. С. 288.

ния в Якутский острог. Тогда же он неподалеку от устья Олекмы поставил на Лене зимовье[696].

В 1634 г. ясак с олекминских нанагиров собрал енисейский десятник С. Родюков, направленный из Енисейска с небольшой группой служилых людей уже непосредственно в это зимовье. Остановившись в зимовье, Родюков получил возможность со своим отрядом заняться поиском тунгусов не только в низовьях Олекмы, но и на соседних территориях. Как результат, енисейские ясачные сборщики на притоке Олекмы р. Чара, в одном дне ходу от Лены, обнаружили довольно большую группу нанагиров, численностью до 500 луков[697] (**Приложение 4**). Родюкову удалось установить, что часть из них была нанагирами с Вилюя, во главе которых были князцы Конкочан и Ильняктан. А на Олекму и Чару они пришли к своим сородичам киндигирам князца Якона для совместной охоты.

В 1635 г. ясак в устье Олекмы собирал П. Бекетов. Кроме сбора ясака с тунгусов ближайших территорий, енисейский стрелецкий сотник на месте зимовья поставил острожек. Аргументируя выбор места под строительство острога, П. Бекетов отмечал, что вокруг мета богатые рыбой и зверем, в том числе – соболем. Поэтому «в прошлых годах тунгусские люди прихаживали со многих рек»[698]. Но в следующем году П. Бекетову в Олекминске взять ясак с этой группы нанагиров не удалось, так как они к острожку не подходили. При этом известно, что в 1635 г. нанагиры платили ясак на Вилюе В. Шахову[699]. Да и в последующие годы они платили ясак в вилюйские ясачные зимовья, где содержались захваченные у них аманаты[700]. Стоит обратить внимание, что по среднему течению Вилюя в устье р. Мархи проживала большая группа нанагиров (мурга-

[696] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 82 об.–83 об. № 64.
[697] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 95 об.–101. № 72. Фрагмент документа опубликован в издании: Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. III. С. 226–227 № 44. Полная публикация документа осуществлена нами. См.: Бродников А.А. Отписка сына боярского П. Бекетова с устья Олекмы (к вопросу о русско-тунгусских отношениях на Средней Лене в середине 30-х годов XVII в.) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 11, вып. 1. История. 2012. С. 137–144.
[698] Якутия в XVII в. С. 186.
[699] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 476–477.
[700] Там же. С. 477.

тов), численность которых в 1630 г. мангазейские служилые люди определяли более чем в 700 человек[701].

Не смотря на, казалось бы, однозначную принадлежность ясачных нанагиров к территории, контролируемой мангазейскими служилыми людьми, часть тунгусов этой группы все же продолжала и в последующем платить ясак на Лене. В частности, в 1637 г. в новом острожке ясак с нанагиров и киндигиров собирал атаман Осип Галкин[702]. В середине XVII в. числилось плательщиками ясака в Олекминском зимовье, составляла 145 тунгусов. По принятому методу подсчета это свидетельствует, что общая численность олекминских тунгусов-нанагиров была до 600 человек[703].

Хотя места проживания основной части нанагиров были по притокам среднего Вилюя, тем не менее, стоит предположить, что они периодически выходили на Лену на достаточно большом промежутке от р. Нюи до р. Олекмы, чем влияли на расстановку межплеменных сил тунгусов в этом районе, усиливая позиции своих олекминских сородичей. В последующие годы, когда бассейн Лены перешел в ведения Якутского острога, вилюйские нанагиры также периодически появлялись на Лене. В частности, известно, что в мае 1642 г. они вновь платили ясак в Олекминском остроге. Сами же олекминские нанагиры носили название киндигиров и проживали не только по самой Олекме, но занимали достаточно большую территорию между Леной, Олекмой и Витимом до верховьев Чары, переходя иногда и на левый берег Лены на р. Нюя[704]. Вероятно, их территория не ограничивалась названным районом. В 1639 г., например, М. Перфирьев собирал ясак с олекминских киндигиров на Витиме у устья р. Муя[705]. Численность олекминских нанагиров в начале 30-х гг. XVII в. можно определить в 440 человек.

---

[701] См. РИБ. Т. II. № 213. С. 968.
[702] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 480.
[703] Там же. С. 444.
[704] Там же. С. 479–481.
[705] См.: ДАИ. Т. 2. № 96. С. 258–259.

У Б.О. Долгих не понятно представляли или нет нанагиры и киндигиры одно племя. Но, судя по тому, что киндигирский князец Якон был в «племени» нанагирских князцов с Вилюя, есть основание считать их одним племенем. Тем более что все же историк предполагает, что нанагиры представляли собой ответвление киндигиров. А сами киндигиры, подразделения или вкрапления которых занимали обширные пространства Восточной Сибири, на разных территориях имели разные названия, в том числе камчагиров в верховьях Лены и кондогиров в Мангазейском уезде. Юго-восточные киндигиры имели даже какие-то связи с баягирами и бирарами бассейна Зеи[706]. Таким образом, племя киндигиров со всеми его ответвлениями могло представлять собой весьма внушительную силу, только в рассматриваемых границах, на территории, контролируемой енисейскими ясачными сборщиками или примыкавшими к ней, насчитывая до 1500–1600 человек.

Еще одна группа тунгусов, встречающаяся в документальных источниках 1630-х гг. на территории, контролируемой енисейскими служилыми людьми – это буягиры (или пуягиры). Б.О. Долгих предполагает, что правильным названием этой группы тунгусов, в соответствии с нормами эвенкийского языка, должно быть буягир, а пуягир свойственно юкагирскому языку[707]. Эта группа тунгусов встречалась на территории между Леной и Вилюем от устья Олекмы до р. Синяя, в низовьях которой уже проживали якуты. Однако енисейцы собирали ясак с этой группы тунгусов всего лишь несколько раз в первой половине 1630-х гг. А в 1636–1639 гг. с них собирал ясак на Вилюе мангазейский приказной человек Воин Шахов[708]. Поэтому говорить о принадлежности буягиров к подведомственной Енисейскому острогу территории можно лишь условно, исходя из первых упоминаний этой группы тунгусов в письменных источниках.

Таким образом, в бассейнах Илима и Верхней и Средней Лены енисейские служилые люди в течение 30-х гг. XVII в. контактировали, главным образом, с тремя тунгусскими племенами (или тремя группами родственных родо-

[706] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 480.
[707] Там же. С. 476.
[708] Там же. С. 475.

вых образований, сохранивших близкие отношения), которые периодически оказывали серьезное сопротивление ясачным сборщикам и промышленным людям, и с которых не всегда удавалось получить ясак. Тем не менее, можно отметить определенную привязанность тунгусов этих групп к конкретным местам, на контролируемой енисейцами территории.

3.4. Механизм управления илимскими и ленскими тунгусскими волостями

Открывшиеся для служилых людей енисейского гарнизона перспективы с выходом на Лену поражали своими возможностями. Лежавшая на восток от Ангары территория была невероятно обширной. Только тунгусские волости бассейнов Илима и Верхней и Средней Лены, отошедшие после 1640 г. к вновь созданному Якутскому уезду, превосходили прежнюю территорию Енисейского уезда в несколько раз. При этом, несмотря на довольно многочисленное тунгусское население илимской и приленской тайги, взоры енисейцев были направлены, прежде всего, в «якольскую землицу».

Показательно, что уже В. Бугор, первым из енисейских служилых людей вышедший в 1628 г. на Лену и имевший в своем подчинении только десять человек и ограниченные припасы, приложил усилия для продвижения своих людей вниз по Лене. А отправленный в 1630 г. на Илим и Лену (в устье Куты) атаман И. Галкин, уже собрав в большом размере ясак с тунгусов Илима и Верхней Лены и получив в 1631 г. сведения о густонаселенной «якольской землице», приложил все усилия для ее достижения.

Собранное во время этого похода в Якутию людьми из отряда И. Галкина количество пушнины поражало воображение современников. Не случайно участники его похода получили в Москве большое вознаграждение. Поэтому в последующем енисейская воеводская администрация ориентировалась на организацию отрядов во главе с опытными предводителями, для расширения своей ясачной территории непосредственно в местах проживания якутов. Тем более

что в «якольской землице» необходимо было противостоять отрядам служилых людей из Мангазеи, а затем и Томска.

Отправляемые в начале лета из Енисейского острога с большим грузом продовольствия, боеприпасов и товаров (подарков) для местного населения, отряды годовальщиков к концу лета – началу осени достигали Илимского волока, где останавливались на зимовку. До начала следующей навигации эти служилые люди должны были перенести все грузы через волок. При этом часть людей рассылалась предводителем отряда по окрестным территориям для сбора ясака с тунгусов. А именно: вверх и вниз по Илиму, на Кату (правый приток Ангары, ниже по течению. – *А. Б.*), к устью Куты[709], вверх по Лене до Верхоленского острожка и вниз по Лене до устья Киренги и устья Олекмы, где были построены небольшие зимовья, еще отправленные В. Бугром служилыми людьми. Когда с наступлением следующей навигации отряд продолжал движение по Лене в сторону Якутска, отправленные из Илимского острога вниз по Лене ясачные сборщики присоединялись к нему. Таким образом, продвигавшиеся в Якутский острог енисейские служилые люди из Илимского острога контролировали достаточно обширную территорию от верховьев Илима, Лены и Киренги до границы проживания якутов.

Но сбор ясака с этой огромной территории в результате был нестабильным и зависел от определенной расторопности служилых людей, способности предводителей ясачных сборщиков убедить тунгусов платить ясак и просто от настроения тунгусов – их готовности, желания идти на контакт со служилыми людьми и платить ясак. А эта готовность могла определяться природными и погодными условиями, влиявшими на наличие в тайге пушного зверя, могла зависеть от воздействия на согласившихся ранее платить ясак тунгусов их соседей, воинственно настроенных в отношении ясачных сборщиков. Тем не менее, необходимо согласиться с Б.О. Долгих, который отмечает, что на этой территории (территории будущего Илимского уезда и приленской территории до

[709] ДАИ. Т. 2. № 89. С. 245.

р. Синяя, перешедшей в 1641 г. в состав Якутского уезда) не было термина «ясачное зимовье»[710].

Отправляемые по осени из Илимского острога небольшие группы ясачных сборщиков прилагали усилия для сбора ясака с местных тунгусов, обходя районы их более или менее постоянного проживания вокруг Илимска, вверх и вниз по Илиму и из Усть-Кутского острожка вверх и вниз по Лене, останавливаясь на зимовку в ранее построенных зимовьях и острожках. Такими пунктами остановок рассылаемых из Илимска служилых людей были построенный в 1631 г. П. Бекетовым Верхоленский острожек[711], в 1633 или 1634 г. был основан острожек в низовьях Киренги[712] и в 1633 г. енисейским сыном боярским Иваном Козьминым неподалеку от устья Олекмы было построено зимовье, преобразованное вскоре в Олекминский острожек[713].

Собственно говоря, Олекминское зимовье расширил до размеров острожка П. Бекетов, сменивший в нем С. Родюкова в 1635 г. Он же начал расширять территорию, с которой стали собирать ясак олекминские годовальщики. Если С. Родюков отправлял своих людей вверх по Олекме и Чаре, то Бекетов стал продвигаться вверх по Лене, охватывая своим ясачным сбором низовья Патомы и Нюи. В результате им были обнаружены ранее ушедшие с р. Жуи киндигиры[714]. Таким образом, поиск ране не плативших ясак тунгусов становился систематическим, и количество платильщиков ясака в Олекминском острожке продолжало увеличиваться. В 1637 г., сменивший годом ранее в том же Олекминском острожке П. Бекетова атаман О. Галкин, привез в Енисейск различной пушнины на сумму 1038 руб. 70 коп.[715] В 1639/ 1640 г. енисейских годовальщиков в Олекминском острожке возглавлял пятидесятник Шалам Иванов. Ясак собирался, в основном, с нанагиров[716].

---

[710] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 276.
[711] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 66 об., № 49.
[712] РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 40 Л. 53. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 281.
[713] СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 82 об.–83 об. № 64.
[714] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 480.
[715] Там же.
[716] Там же. С. 481.

В 1640 г. остановившиеся на зимовку на Ленском волоке первые якутские воеводы отправили в Олекминский острожек служилого человека Воина Богданова, который сменил в качестве его приказчика енисейского пятидесятника Ш. Иванова[717]. После этого Олекминский острожек перешел в подчинение якутской воеводской администрации.

Таким образом. после очередного увеличения численности енисейского гарнизона и строительства острожка в устье Олекмы из Енисейска стали в этот острожек направлять отдельные небольшие отряды годовальщиков. Следовательно Олекминский острожек имел важное значение, как центр сбора ясака с тунгусского населения части Средней Лены и ее притоков. Поэтому направлять в него из Енисейска отдельные отряды годовальщиков уже к середине 1630-х гг. заставляла необходимость. А позднее, когда эта территория перешла к Якутскому уезду, неподалеку от него появились Чаринское и Патомское зимовья, которые, по мнению Б.О. Долгих, «в некоторой степени представляли филиалы Олекминского острожка. К ним перешла большая часть тунгусов, плативших ясак вначале в Олекминске»[718]. Надо полагать, что необходимость иметь в этом районе пункт сбора ясака, определялась тем, что с окрестных тунгусов удавалось собирать значительное количество ясака. Во всяком случае, среди тунгусов Западной Якутии, платившие ясак в Олекминский острожек в 1650-е гг., по данным Б.О. Долгих, имели самый высокий оклад[719].

На этой территории более активно стали применяться и другие механизмы вовлечения аборигенноготнаселения в ясачный платеж, которые на прежней территории Енисейского уезда использовались эпизодически, «апробировались», но на Лене стали уже обязательными.

а) подкуп родовой верхушки

Надо полагать, что значительную (если не определяющую) роль в процессе вовлечения тунгусов в ясачный платеж, во всяком случае, при первых контактах, играли так называемые «государевы подарки» и угощение, предна-

[717] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 489.
[718] Там же. С. 442–443.
[719] Там же. С. 444.

значавшиеся для представителей родоплеменной верхушки. Как свидетельствуют источники, в те годы отправлявшиеся за ясаком служилые люди в обязательном порядке получали для одаривания князцов и «лучших» людей некоторое количество популярного (с точки зрения сибирской администрации) у «иноземцев» товара.

9 июля 1638 г. из Енисейского острога на р. Олекму был отправлен в качестве приказчика казачий пятидесятник Семейка Григорьев Родюков на перемену другому енисейскому пятидесятнику Евлампейку Иванову Шаламу. Согласно наказной памяти, выданной ему воеводой Никифором Веревкиным, Семейка должен был, «перво-наперво», собрать в острожке тунгусских князцов, которым сказать государево жаловальное слово, после чего напоить и накормить их государевыми запасами «довольно» и только после этого взять с них ясак. Традиционно с тех тунгусов, которые приведены под государеву руку вновь и ранее ясаку «не плачивали», рекомендовалось брать небольшое количество пушнины: «взяти с них государев ясак как мошно, чтоб им было не в тягость и тем б их наперво не ожесточить». Одновременно на вновь назначенного приказчика возлагалась обязанность оберегать русских промышленных людей от «иноземцов»: «грабить их и побивать на промыслех не давать»[720].

В случае нежелания князцов новых землиц подчинится и платить дань – «быти под государевою царевою высокою рукою … и ясаку с себя и своих улусных людей … давать» – С. Родюков получал свободу действий: «поиск над ними учинити и промышляти и битца с ними сколко милосердный бог помощи подаст, чтоб оне впредь были под государевою царевою высокою рукою послушны и стоятелны и в вечном холопстве неотступны»[721].

Для привлечения ясачных отправлявшиеся на годовую службу казаки и стрельцы отряда С. Родюкова везли к месту своего пребывания некоторое количество государева товара для обмена на пушнину и на подарки «иноземцом»:

[720] СПбф ИРИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–4.
[721] Там же. Л. 6.

пуд меди зеленой «в котлах и в тазех», пуд олова «в блюдех и в тарелех»[722]. Везли также и продукты для угощения: «Да иноземцом на корм пять чети муки ржаной, два ведра вина горячево»[723].

В 1638 г., направленный в Якутский острог приказчиком енисейский сын боярский П. Ходырев, отправляя служилых людей за ясаком с Ленского волока, выдавал им государевы товары. Собирая ясак под Ленским волоком и по р. Куте, ясачные сборщики издержали на подарки «иноземцом» и «вожем в наем» следующее количество государева товару: «пять фунтов с полуфунтом одекую, двенатцать фунт олова в блюдех и в торелех», «муки три пуда», «два безмена жиру рыбья»[724].

Ходившие вверх по р. Киренге служилые люди Васька Тимофеев «с товарыщи шесть человек» отдали на подарки «иноземцом» и «вожем в наем» «меди в котлех четыре фунта, семь фунт с полуфунтом олова в блюдех и в тарелех, четыре фунта одекую», «да государевы муки иноземцом на корм полтретья пуда, два безмена жиру рыбья»[725].

Вверх по Куте ходили Ивашко Овдеев «с товарыщи» три человека; в дополнение к полученным с тунгусов ясачным соболям они купили десять соболей «с хвосты», отдав за них государева товару «четыре фунта олова в блюдех и в тарелех, да полфунта одекую». Они же издержали на подарки и на наем вожей «три фунта олова, да два фунта одекую», да «на корм» тунгусом «извело государевы муки осмина без четверика, безмен жиру рыбья»[726].

«Да на Илиме ж» и его притоках служилые люди Гришка Кривогорлицын «с товарыщи» в дополнение к ясаку купили на государев товар шестьдесят один соболь «с хвосты». «А дано за те соболи … дватцать восемь фунтов олова в блюдех и в тарелех»[727].

---

[722] СПбф ИРИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.
[723] Там же. Л. 9.
[724] Там же. Д. 4. Л. 2.
[725] Там же. Л. 2–3.
[726] Там же. Л. 3.
[727] Там же.

При этом группы ясачных сборщиков Г. Кривогорлицына и отправленного в устье Илима Исачки Олфимова издержали на подарки, на наем вожей и на угощение «девять фунт с полуфунтом олова в блюдех и в торелех, сем фунт одекую, да государевы муки изошло у них четь с осминою без четверика, да четыре безмена жиру рыбья»[728].

Вверх по Илиму ходили ясачные сборщики Кормашка Иванов «с товарыщи» четыре человека. В дополнение к ясачной пушнине они купили на государев товар двенадцать соболей «с хвосты, да два недособолишка». Отдали они за эту покупку государева товару «пол осма фунта меди в котлех». На подарки, наем вожей и угощение было потрачено «пять фунт олова, четыре фунта одекую, … муки … осмина, да два безмена жиру рыбья»[729].

8 ноября 1638 г. одному из ленских таможенных целовальников Прокофью Загрышеву отправлялась из Енисейска от воеводы Н. Веревкина память, согласно которой он должен был выдать енисейским служилым людям Ивашке Дудорыкину «с товарыщи» для подарков «иноземцам» следующее количество государевых товаров: «два безмена одекуев синих, два безмена меди в котлех, два безмена олова, пуд муки ржаной, безмен сала говяжья»[730].

Сам П. Ходырев во время получения ясака с князца Бакшенги в устье р. Ичеры 3 мая 1639 г. в качестве подарков потратил пол фунта синего одекую и два с половиной фунта олова, «да на корм» пол пуда муки ржаной и безмен масла». Бравшая примерно в то же время ясак с рода Бакшенги группа енисейских ясачных сборщиков во главе с Константином Степановым Дунаем, также «издержала» за него государева товару фунт одекую, три фунта олова и пол пуда муки[731].

Таким образом, подарки и угощение являлись обязательным элементом при получении пушнины с аборигенного населения рассматриваемого района. Но в некоторых случаях и они не приносили ожидаемого результата. Например,

---

[728] СПбф ИРИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
[729] Там же. Л. 2. Л. 4.
[730] Там же. Д. 1. Л. 21.
[731] Там же. Д. 4. Л. 16–17.

существовали к концу 30-х гг. XVII в. серьезные проблемы с установлением каких-либо взаимоотношений с тунгусами, проживавшими в верховьях Илима и Лены. Причина заключалась в распространении бурятского влияния на эту территорию. Отправляемые в те районы ясачные сборщики жаловались, что буряты с верховьев Илима и Лены тунгусов от служилых людей «отбивают и обороняют»; служилых людей «от себя отсылают с бранью»; предлагаемые подарки – олово, медь, одекуй на огонь бросают, а служилых людей грабят: платьишко, котлы, топоры, огнива отбирают и «томарами» (томар – стрела с тупым костяным наконечником, предназначена для охоты на мелкого пушного зверя. – *А. Б.*) по ним стреляют[732].

Да и сами тунгусы илимских и ленских волостей оставшуюся после ясачного сбора пушнину предпочитали не менять на традиционные для Сибири «русские» товары – медь, олово и одекуй, а торговать с бурятами[733].

Возможна еще одна причина нежелания тунгусов торговать на государевы товары. Кутский тунгус Онка говорил казачьему десятнику Ивану Завьялову, что служилый человек Устинка Панков предлагал им торговать панцири на соболи. Это было одновременно и нарушением государева указа о запрете продавать «иноземцам» оружие и способствовало появлению у них ориентации на другие виды товаров, отличных от тех, что традиционно предлагала воеводская администрация[734].

Но и со стороны самих служилых людей, прежде всего, отправляемых за ясаком, интерес к самостоятельным торговым сделкам с тунгусами и промыслу пушнины был более чем очевидным. Иногда это приводило даже к их конфликтам с «начальными» людьми. Выше приводилась ситуация конфликта между группой ясачных сборщиков во главе с десятником С. Чухчеремом и сыном боярским П. Ходыревым, когда 11 служилых людей пройдя вверх по Лене вместо сбора ясака занялись промыслом соболя[735].

---

[732] СПбф ИРИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1. Л. 868–869.
[733] Там же. Л. 967–968.
[734] Там же. Д. 15. Л. 33.
[735] Там же. Д. 4. Л. 5, 6–8.

Когда на Ленский волок прибыли воеводы П. Головин и М. Глебов, служилые люди обратились к ним с челобитной, касавшейся как раз этой проблемы: разрешить им во время ясачного сбора самим промышлять, а после сбора ясака – торговать с «иноземцами»[736]. К этой челобитной со своим ходатайством присоединились и сами якутские воеводы с дьяком Е. Филатовым[737]. Однако наиболее красноречиво и наглядно демонстрирует комплекс проблем, существовавших на Ленском волоке и примыкающей к нему территории, ситуация с шамагирским князцом Звероулом (об этом ниже), который наряду с Бакшенгой фигурировал в челобитных служилых, торговых и промышленных людей[738].

Таким образом, при вовлечении в ясачный платеж тунгусов новых, ранее не объясаченных территорий правительство, местная сибирская администрация, да и сами служилые люди пытались стимулировать процесс, в том числе и путем откровенного подкупа родовой верхушки. Затраты, как можно судить по приведенным выше сведениям, были немалыми. Тем более что все эти товары и продукты надо было доставить сначала в Тобольск, потом перевезти в Енисейск, а затем, силами самих ясачных сборщиков, которые несли на себе собственный годовой (а то и двухгодовой) запас продовольствия и боеприпасов, дотащить до «новых землиц».

б) использование межродовых противоречий

Продолжая разбираться с ситуацией путем опроса служилых людей, якутские воеводы П. Головин и М. Глебов выяснили, что если Бакшенга все прошедшие годы платил ясак и значительную часть времени провел, находясь в аманатах, что вызывало некоторое сомнение в возможной организации им каких-либо незаконных действий, то наляжский князец Звероул действительно принимал самое активное участие в нападении на русских людей. В частности,

[736] СПбф ИРИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1. Л. 907–911.

[737] Там же. Л. 965–968. Проблема личного интереса ясачных сборщиков всегда стояла достаточно остро. Поэтому правительство регулярно напоминало служилым людям об их обязанности в первую очередь собирать государев ясак и только потом разрешало вступать в торговые сделки. См., например: СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 9 об. № 14; и др.

[738] Подробнее об этом см.: Бродников А.А. Побег Звероула (из истории русско-тунгусских отношений на Илимском волоке) // Бахрушинские чтения за 1998 г. Новосибирск, 2000. С. 39–48.

18 октября 1640 г. в съезжей избе на Ленском волоке якутские воеводы расспрашивали енисейских служилых людей десятника Илейку Ермолина «с товарищи». Енисейцы сказали, что тунгус Звероул «побил» на Лене енисейских же служилых людей Казаринка Кондратьева, Ивашка Григорьева, Ивашка Власьева, Гаврилка Оносова, Охряпка Устьянца, но не помнят в каком году[739].

Утвердившись в своем мнении о виновности некоторых тунгусских князцов, воеводы 30 октября 1640 г. принимают решение отправить отряд служилых людей на р. Куту и р. Туруку (левый приток Лены чуть выше Куты – *А.Б.*) для сбора ясака и возможного захвата самых опасных тунгусов, прежде всего, князца Звероула. Во главе отряда П. Головин и М. Глебов ставят десятника Ивашку Завьялова. Служилым людям велено поймать тунгусов Петелку, брата его Чумалду, Пинегу, шамагирских тунгусов Челбана и Звероула (почему-то здесь Звероула отнесли к шамагирам. – *А. Б.*) и прислать на Ленский волок[740].

Пока готовилась наказная память и формировалась команда ясачных сборщиков, к воеводам от лица всех своих «родников» и улусных людей обратился за помощью молодой шаман Нириукол, брат Белкоча, князца верхнекутских ясачных тунгусов-шамагиров. Шаман пришел на Ленский волок 20 ноября и сообщил, что прошедшим летом его род во время пребывания на устье р. Куты подвергся нападению со стороны налягов князца Звероула и верхоленских тунгусов. Б.О. Долгих выделяет родовую группу Звероула как автономную от остальной части налягиров, с собственным названием «ладагиры»[741]. Поэтому вполне естественным выглядит деление шамагирами своих противников на верхоленских и «князца Звероула». В результате этого нападения был убит брат вышеупомянутых Нириукола и Белкоча, князец Чалкич и еще один предводитель их родовой группы– «лучший тунгус ясачный человек». Шаман просил у якутских воевод «оборони» от Звероула и верхоленских тунгусов, но «оборони» своеобразной: отправить с ним в поход на Звероула «войною» 50 человек из

[739] СПбф ИРИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15. Л. 25.
[740] Там же. Л. 27.
[741] Долгих Б.О. Родовой и племенной состав… С. 279.

числа служилых людей. Если же поход закончится безрезультатно и Звероул уйдет, то он будет довольствоваться захватом жены и детей противника[742].

Выяснив, что князец Звероул находится неподалеку, на следующий день отряд служилых людей численностью в 11 человек вышел на поиски противника. Имея в своем распоряжении более трехсот человек, воеводы сочли возможным выделить на поимку опасного князца только такое количество служилых людей, обращение шамана не повлияло на первоначальный план воевод. Надо полагать, что остальные казаки были задействованы на перевозке через волок припасов для ленской службы и на строительстве судов для навигации следующего сезона. Через несколько дней, 23 ноября, шестеро из отправленных служилых людей вернулись в Илимский острог с отпиской от И. Завьялова, доставив с низовьев р. Куты собранный с налягиров ясак (148 соболей ясака «да государевых поминков восемь соболей») и захваченного ими князца Звероула. Остальные пятеро пошли вверх по реке продолжать ясачный сбор[743].

Воеводы велели доставленного князца поместить в караульную избу с соответствующей охраной и надеть на него кандалы («отдать на караул и держать в железах»). Для контроля над содержанием пленника был назначен целовальник Стенька Борисов, которому вменялось в обязанность надзирать над охранявшими Звероула казаками, контролировать состояние оков и ключ от них держать у себя[744]. Вскоре, 4 декабря, в острог пришли шаман Нириулко с женой и сыном Звероула. Нириулко в присутствии свидетелей объявил воеводам, что он со Звероулом помирился, так как за своего убитого брата получил от противника компенсацию в виде двух женщин («взял головщины две жонки») и претензий к своему противнику больше не имеет[745]. Т. е. конфликт между двумя родовыми группами тунгусов был разрешен в соответствии с естественным правом тунгусов и по закону кровной мести.

---

[742] СПбф ИРИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15. Л. 28.
[743] Там же. Л. 28–29.
[744] Там же. Л. 30.
[745] Там же. Л. 31.

В тот же день в Илимский острожек вернулись остальные ясачные сборщики и сообщили, что сразу после захвата Звероула его сородичи хотели идти на Ленский волок, собрав на подарки воеводам и дьяку 90 соболей. Возглавлявший группу казаков Иван Завьялов опечатал мешок с той пушниной своей печатью, и жена Звероула с сыном Минчаком отправились в острожек. Однако по дороге к волоку им на встречу попал служилый человек Устинка Панков, который также был послан на поиск Звероула, но вверх по Илиму. У. Панков вскрыл у тунгусов мешок и забрал себе 15 соболей в качестве компенсации за потраченное на розыск князца время – «за хоженое». На печать он даже не обратил внимания, заявив, что она «зырянская», то есть промышленного человека, действовавшего «воровски», а не по государеву указу, и не являвшегося представителем власти. Обескураженные родственники Звероула с половины пути вернулись к стойбищу. Спустя некоторое время они сделали еще одну попытку обратиться к воеводам, собрав им для подарков бобров. Об этом 20 декабря 1640 г. рассказал в съезжей избе служилый человек Якунка Нужа, который по дороге с Куты на волок зашел погреться в юрту к сыну и жене Звероула и увидел у них 8 бобров, ранее приготовленных для подарка. Как сказали ему сами тунгусы, на этот раз по пути к волоку им повстречался промышленный человек Самсонка Вологжанин, который сказал, что Звероула повесили и казаки расстреляли его из пищалей, после чего они вновь вернулись в свое стойбище[746]. Таким образом, попытки родственников помочь Звероулу и разрешить конфликтную ситуацию миром были пресечены произволом служилого человека и обманом промысловика.

Но Звероул и сам искал выход из сложившейся для него неблагополучной ситуации: поздно вечером 28 декабря 1640 г. ему удалось бежать из-под стражи. Как сказано в источнике, «в ночи в десятом часу с караула из караульной избы … аманат Звероул ушел»[747]. Охранявшие Звероула служилые люди Гришка Сабачка, Офонька Винокуров и Пашка Иванов Метафья (который «карау-

[746] СПбф ИРИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15. Л. 32–35.
[747] Там же. Л. 36.

лил» за Олешку Самсыгина «без найму», то есть по какой-то причине поменялся с ним очередью на выполнение служебной обязанности) позднее на следствии сообщили следующее. Метафья на аманата «железа накладывал» и замыкал, а Винокуров закреплял их основательно («догнетал»). Целовальник С. Борисов, вопреки требованиям, на этот раз надежность крепления оков не проверял («в вечеру на аманате железа не осматривал»), а ключ оставил в караульном помещении. После чего на двор со Звероулом выходил Г. Сабачка. Как говорил незадачливый караульный, подождав на дворе пленника достаточно долго («многое время»), он пошел погреться в избу «на час», а когда вышел Звероул внезапно нанес своему охраннику удар оковами и бежал: «ударил иво шубою (?) и железом в грУди и бежал за реку»[748].

Подняв по тревоге гарнизон (имевшиеся в распоряжении П. Головина и М. Глебова 300 человек березовских и тобольских казаков были разосланы «по службам» для ясачного сбора, поэтому в острожке их оставались единицы; находившихся в то время на Ленском волоке енисейских служилых людей так же было немного, т. е. численность служилых людей, которых воеводы могли послать в погоню, была небольшой), воеводы всех отправили за Илим, пообещав за поимку беглеца государево денежное жалованье. Меры эти явно были вызваны опасением всплеска активности со стороны тунгусов, обретавших авторитетного предводителя: «тунгусы блиско от волока», а Звероул «у них всех лутчей человек».

След Звероула за Илимом был найден достаточно быстро. Понимая, что отправлять за бежавшим аманатом весь гарнизон бессмысленно, воеводы послали небольшую группу казаков – 5 человек – во главе с пятидесятником Семейкой Родюковым, служившим в енисейском гарнизоне с середины 20-х гг., прошедшим по служебной лестнице путь от рядового стрельца и обладавшим большим опытом походов на тунгусов, в том числе и в зимних условиях[749]. Так как С. Родюков со своим небольшим отрядом подключился к поимке князца

[748] СПбф ИРИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15. Л. 37.
[749] Там же. Л. 38.

наспех, без подготовки к большому, возможно, многодневному переходу, сразу же по его следам отправились еще 6 человек служилых во главе с десятником Федькой Баранниковым с запасом продовольствия – «с хлебом». Той же ночью они догнали С. Родюкова на одном из притоков Илима р. Зырянке, где и передали «хлеб». Трое из отряда Баранникова присоединились к Родюкову, а остальные трое и один человек из первой группы преследователей вернулись 30 декабря в Илимский острожек.

Продолжив погоню, отряд Родюкова еще двое суток («два дни и две ночи») шел по следу Звероула до верховьев р. Муки (приток Илима) когда наткнулся на свежее костровище: «нашли огонь, где тот беглой тунгус ночевал». Понимая, что Звероул не мог уйти далеко, пятидесятник отправил вперед трех человек наиболее выносливых и подвижных («лехких людей»), которые и схватили князца: «угнали его на лесу и поймали». Удивление у служилых людей вызвала полная для такого случая экипировка беглеца: он был в тунгусской собольей шубе, пимах, рукавицах и ноговицах, в которых они нашли отказ (лезвие ножа без рукоятки), трут, кремень и огниво, была у Звероула и войлочная подстилка для сна на снегу («постеля»). Все это свидетельствовало о спланированности побега[750].

2 января 1641 г. пятидесятник Родюков со своими людьми вернулся на волок, доставив в съезжую избу бежавшего князца[751]. Проведенный сыск показал, что все необходимое для побега Звероулу передали жена и сын во время доставки продуктов: в караульную избу они приносили ему мясо. Шуба была передана с согласия караульных. А не полностью замкнутые оковы оказались тем редким случаем, которым аманат умело воспользовался.

Этот небольшой эпизод из истории взаимоотношений русских людей и тунгусов достаточно наглядно демонстрирует сложность и противоречивость взаимоотношений. В единый клубок сплетаются не только интересы служилых людей, как представителей российской государственности, и аборигенного

[750] СПбф ИРИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15. Л. 41, 43, 48.
[751] Там же. Л. 39.

населения конкретного района, но и межплеменные и межродовые отношения тунгусов, бывшие для русских далеко не всегда понятными. Являвшиеся для тунгусов вполне нормальными и обыденными нападения с целью захвата имущества на всех, кто был иного рода или не представлял интереса как союзник, вызывали у русских ощущение полного хаоса. А способность тунгусов преодолевать в тайге достаточно большие расстояния за сравнительно короткие промежутки времени создавала видимость их вездесущности. Выбранная служилыми людьми тактика «замирения» тунгусов путем захвата наиболее авторитетных и воинственных князцов была в целом верной, но часто давала сбои по причине откровенно корыстных действий промышленных людей и определенной доли беспечности у самих служилых, по крайней мере, той их части, которая еще не имела достаточного опыта взаимоотношений с аборигенами Восточной Сибири, как, например, большинство служилых людей из отряда первых якутских воевод.

Территория бассейнов Илима и Верхней и Средней Лены хотя и была населена, как Нижнее и Среднее Приангарье, тунгусами, но имела свою специфику. Кроме значительной отдаленности от Енисейского острога, являвшегося административным центром расширявшейся на восток территории, ее особенностью было также отличие в поведении аборигенного населения. Если приангарские тунгусы находились в родственных отношениях и перемещались в основном по берегам Ангары и ее притокам, то тунгусы Ленского волока и Верхней Лены представляли собой несколько самостоятельных групп родов, часто находившихся в конфронтации и перемещавшихся по тайге на достаточно большие расстояния. Учитывая это обстоятельство, ясачным сборщикам приходилось не только привлекать на свою сторону родовую верхушку тунгусов путем «прикармливания» и «одаривания», но и действительно защищать некоторых из них от более сильного и агрессивного противника.

Спецификой этой территории было и ее транзитное значение в течение 30-х гг. XVII в., что мешало русской администрации обратить на нее более пристальное внимание. В результате чего не только нападавшие на русских людей

тунгусы могли безнаказанно уходить в более отдаленные таежные места, но и сами служилые и промышленные люди становились бесконтрольными и грабили уже «замиренных» тунгусов, вызывая с их стороны соответствующие действия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование территории Енисейского уезда в истории присоединения Сибири к Русскому государству является одним из важнейших эпизодов этого процесса – распространения русской государственности на восток. Сам факт принятия решения о создании новой административной единицы на восточной окраине русских владений говорит о том, что возможности ранее созданного Кетского уезда были уже исчерпаны и для дальнейшего распространения власти русской сибирской администрации, для расширения русских владений в Сибири было необходимо найти какую-то новую точку опоры. Поэтому тобольскими воеводами, по согласованию с правительством, принимается решение о создании новой территориально-административной единицы – нового уезда. При этом, как свидетельствуют источники, первоначально центр нового уезда предполагалось основать в низовьях Ангары (Верхней Тунгусски), на территории проживания тунгусов.

Однако реалии, о которых московские и тобольские инициаторы создания нового уезда имели весьма смутное представление – сопротивление тунгусов, регулярно совершавших набеги на левобережье Среднего Енисея и терроризировавших енисейских остяков – заставили отправленных для строительства острога служилых людей действовать несколько иным образом, исходя из сложившихся обстоятельств. В результате новый острог был поставлен не на Ангаре, а на левом, сравнительно безопасном, берегу Енисея. Дальнейшие события показали, что место под строительство острога было выбрано очень удачно: во-первых, присутствие постоянного гарнизона служилых людей обеспечивало постоянную защиту енисейских остяков от тунгусов, и во-вторых, удобный путь из бассейна Оби в бассейн Енисея через несколько лет превратил Енисейский острог в базу проникновения отрядов служилых людей в Восточную Сибирь, а в последующем – в Забайкалье и Приамурье.

Проникновение отрядов русских служилых людей на Средний Енисей с последующим закреплением этой территории как новой «государевой вотчи-

ны» Русского государства было явлением закономерным. При этом, с одной стороны, расширение русских владений в Сибири до Енисея завершало процесс присоединения Западной Сибири, начатый еще казаками Ермака, с другой, закрепление левобережья Среднего Енисея под властью русской администрации стало созданием плацдарма для начала присоединения Восточной Сибири. Отобразившаяся в русских письменных источниках проблема внешней активности приангарских тунгусов, которые во втором десятилетии XVII в. осуществляли весьма агрессивные действия в отношении енисейских остяков, стимулировала и сибирскую администрацию, и самих служилых людей к «замирению» тунгусов Нижнего, а затем и Среднего Приангарья.

Основание Енисейского острога позволило сибирской администрации в короткий срок – за несколько лет – установить контроль за правобережьем Среднего Енисея и прекратить начавшуюся было борьбу между некоторыми гарнизонами Западной Сибири за новые ясачные территории. Казалось бы, у служилых людей появилась возможность обхождения с местным населением «приветом и ласкою», на чем стало настаивать московское правительство. Однако новые реалии Восточной Сибири – воинственность тунгусов и их невероятная мобильность – при начавшемся в середине 1620-х гг. сопротивлении приангарских родовых групп потребовали от енисейской администрации и самих служилых людей поиска новых способов «замирения» непокорных аборигенов. Потребовало определенных усилий и выяснение причин этого внезапного и непонятного для енисейцев сопротивления. В итоге к концу 20-х гг. XVII в. на территории Нижнего и Среднего Приангарья был выработан впоследствии оправдавший себя на просторах Восточной Сибири и Забайкалья способ надежного подчинения аборигенного населения – создание укрепленных пунктов с гарнизонами служилых людей в наиболее стратегически удобных местах и захват аманатов. Таким образом, в довольно короткий промежуток времени (в течение нескольких лет) на территории Енисейского уезда было сформировано два механизма сбора ясака с аборигенного населения: сбор пушнины с волостей енисейских остяков путем их обхода небольшими группами служилых людей,

отправляемых из Енисейского острога, и строительство укрепленных пунктов, острожков, в Приангарье, куда из Енисейска отправлялись отряды годовальщиков и где содержались захваченные тунгусские аманаты, гарантировавшие уплату ясака своими сородичами.

Немаловажную роль в процессе «замирения» приангарских тунгусов сыграли представители командного состава енисейского гарнизона, получившие впоследствии известность как землепроходцы: М. Перфирьев, П. Бекетов и И. Галкин, отличавшиеся хоризмой, умевшие действовать инициативно и решительно и обладавшие авторитетом среди служилых людей Енисейского острога. Увеличение численности гарнизона в первой половине 1630-х гг. позволило енисейской администрации инициировать продвижение служилых людей дальше на восток, что привело к их активному проникновению в бассейн Лены. А представители командного состава енисейского гарнизона, возглавлявшие эти походы, играли если не ключевую, то весьма заметную роль в этих событиях.

Выход енисейских служилых людей в бассейн Лены, так же, как и прежний выход к берегам Енисея, показал сложность этнополитической ситуации на другой территории Восточной Сибири, к которой «замирившие» приангарских тунгусов енисейцы оказались не совсем готовы. В отличие от Приангарья, где родовые группы тунгусов находились в родственных отношениях, на Верхней Лене существовали, судя по всему, многолетние межродовые столкновения, причиной которых были, в том числе, и борьба за охотничьи угодья. Появление русских служилых, торговых и промышленных людей обострило эти столкновения и перевело их в новое качественное состояние – родовые группы тунгусов, теперь уже «замиренные» и «незамиренные», вели борьбу за охотничьи угодья и с русскими промышленными людьми, и между собой, а русская администрация вынуждена была пытаться ориентироваться в этой борьбе. Ситуация усугублялась отдаленностью территории и ее транзитным положением, что, в условиях отсутствия контроля, создавало возможность для русских людей совершать в отношении тунгусов беззаконные действия. Как позволяет заключить

анализ использованных источников, поиск путей установления стабильности показал, что наряду с прежним механизмом – строительством укрепленных пунктов и захватом аманатов – необходимо было учитывать и реалии этого региона: более активно стали использоваться межродовые противоречия тунгусов и более щедрое одаривание представителей родовой верхушки «государевым жалованьем», которое можно рассматривать как подкуп.

Еще одной особенностью этого региона можно считать то, что он оказался транзитным. После того, как отряды енисейцев дошли до плотно заселенной Средней Лены с якутским населением, бассейны Илима и Верхней Лены с относительно небольшим тунгусским населением поначалу оказались малоинтересными для них. Как результат, ясак с этих территорий собирали отправляемые с Ленского волока небольшие отряды, в то время, пока основная часть отряда в течение зимы занималась переносом припасов годовальщиков через волок. Только с середины 1630-х гг. енисейские служилые проявляют интерес к притокам Верхней Лены, результатом чего становится основание Олекминского острожка, куда начинают отправлять из Енисейска отдельные отряды годовальщиков.

В целом впервые в отечественной историографии в ходе проведенного исследования истории формирования территории Енисейского уезда и создания на ней механизма ясачного сбора нам удалось восстановить всю хронологию процесса присоединения к Русскому государству этого региона от времени образования Енисейского уезда как новой административной единицы, до утраты значительной части его территории в связи с ее передачей Якутскому уезду в 1641 г. Удалось также выявить специфику инкорпорации этого обширного региона в состав Российского государства. Проведенное исследование позволило существенно углубить распространенные в историографии представления о мотивах тех или иных поступков представителей администрации Енисейского острога, ввести в научный оборот новые данные биографического характера как о воеводах, так и о нижестоящих служилых людях, составлявших местный гарнизон.

Кроме того, в случае с историей образования Енисейского уезда обращает на себя внимание особенность формирования его территории. При создании уездов в Западной Сибири на новой, еще только присоединяемой территории, сначала строился город, становившийся ее военно-административным центром со своим гарнизоном, получавший воеводское управление, из которого велось ее дальнейшее расширение и закрепление. Енисейский же уезд, в его первоначальных границах, был создан путем передачи ему части территории Кетского уезда, когда самого уездного центра (Енисейского острога) еще не существовало. Более того, поначалу и тобольские воеводы, организаторы и инициаторы создания уезда, и служилые люди во главе с П. Албычевым и Ч. Рукиным, имели весьма смутное представление о том, где его следовало построить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные:

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН)

Тихомировское собрание рукописей. Тих. Дп. XXVI 8.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Фонд 199. Портфели Г.Ф. Миллера

Опись 1. Единица хранения 477. Часть I. Дело 1; Часть II. Дело 7.

Фонд 214. Сибирский приказ

Опись 1. Книги: 1, 27, 47, 70, 153.

Опись 3. Стболбцы 3, 11, 12, 16, 30, 31, 37, 45, 49, 53, 72, 75, 98, 307, 339, 1674.

Опись 4. Дело 26.

Фонд 838. Енисейская приказная изба

Опись 1. Дело 4.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбф АРАН)

Фонд 21. Копийные книги Г.Ф. Миллера.

Опись 4. Дело 5. № 92; Дело 16. № 8; Дело 22: №№ 1, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 24, 25, 27, 28, 30, 31, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 46, 47, 49; 64, 72, 93, 96, 103, 113.

Санкт-Петербургский филиал Института российской истории Российской академии наук (СПбф ИРИ РАН)

Фонд 160. Якутские акты

Опись 1. Дела: 1, 4, 7, 15.

Опубликованные:

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ). – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии. Т. 4: 1645–1676. – 1842. – 592 с.

2. Арсеньев Ю.В. Статейный список посольства Николая Спафария в Китай (1675–1678 гг.) / Ю.В. Арсеньев. – СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1906. – 178 с. – Отд. отт. из «Вестника археологии и истории», вып. 17.

3. Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII века: [Сборник документов в 2-х.] / составитель Ошанина Е.н., отв. редактор Преображенский А.А. – М.: Изд-во Института истории СССР, 1982. – Вып. 1. – 160 с.

4. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (ДАИ). СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии. Т. 2: [1613–1645]. – 1846. – 295 с.

5. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии. Т. 8. – 1862. – 366 с.

6. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии. Т. 11. – 1869. – 312 с.

7. Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: сборник документов. – Л.: Издательство Института Народов севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. – 281 с.

8. Материалы для истории Сибири / собр. Г. Н. Потанин. Москва: издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1867. – 324 с.

9. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. Т. I. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 630 с.: ил., карта.

10. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. Т. II. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 796 с.: карты.

11. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. – 598 с.: ил., карты.

12. Первое столетие Иркутска: Сб. материалов для истории города с «Введением» и заключит. ст. прив.-доц. П.М. Головачева: «Состав населения и экономический быт Иркутска до 40-х годов XVIII в. В память 250-летия Иркутска». – СПб.: В.П. Сукачев, 1902. – [2], XIII, 187 с., 6 л. ил.; 24.

13. Первое столетие сибирских городов. XVII век: [Докум. материалы]. История Сибири. Первоисточники. Выпуск VII. / отв. ред. Н.Н. Покровский; изд. подгот. Н.Д. Зольникова и др. при участии А.А. Бродникова, И.Ю. Просекова. – Новосибирск: Науч.-изд. центр «Сибирский хронограф», 1996. – 192 с.

14. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария / с введ. и примеч. Ю.В. Арсеньева. СПб., 1882. 214 с.

15. Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 2. СПб., 1875. 656 с.

16. Сборник документов по истории Бурятии [Текст] / Сост. Г. Н. Румянцевым и С. Б. Окунь; [Предисл. Г. Н. Румянцева]; Акад. наук СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. комплексный науч.-исслед. ин-т. – Улан-Удэ: [б. и.], 1960. – Вып. 1. – 493.

17. Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий [Текст] / [опубликовал Н.А. Н[айденов].]. – Москва: Типография М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и К°), 1885. – [4], 144 с.: табл.: 30 см.

18. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. – СПб.: Тип. А.М. Котомина и К°, 1882. – [76] с.: карт.

19. Чертежная книга Сибири: Сост. тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году: [В 2 т.] / Федер. служба геодезии и картографии России, Рос. гос. б-ка, Обществ. фонд «Возрождение Тобольска»; [Редкол.: А.А. Дражнюк и др.]. – Факс. изд. – М.: Федер. служба геодезии и картографии России: Рос. гос. б-ка, 2003. – Т. 1. – 104 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрианов С.А. К вопросу о покорении Сибири // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1893. № 4. С. 522–550.

2. Алексеев В.В. и др. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. – М.: Наука, 2004. – 599 с.

3. Александров В.А. «Войско» – организация сибирских служилых людей XVII века // История СССР. 1988. № 3. С.94–113.

4. Александров В.А. Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII века. // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 352–366.

5. Александров В.А. Начало хозяйственного освоения и присоединения к России северной части Енисейского края // Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. Вып. 1. Сибирь XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 7–29.

6. Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). – М.: Наука, 1969. – 240 с.

7. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая / Академия наук СССР. Новая серия; Т. 87. – М.: Наука, 1964. – 303 с.

8. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. – Новосибирск: Наука, 1991. – 402 с.

9. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. – М.: Наука, 1982. – 292 с.

10. Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на Северо-Востоке Якутии. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996. – 152 с.

11. Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. – Иркутск, 1932. – 368 с.

12. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. – М.: Наука, 2004. – 600 с.

13. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН наук СССР [Ленингр. отд-ние]. 1960. Вып.1: XVII век. – 275 с.

14. Андриевич В.К. История Сибири [Ч. 1–2] / сост. В.К. Андриевич. – СПб., 1889. – Ч. 1: Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. – XVI, 220 с.

15. Апполова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. – М.: Наука, 1976. – 372 с.

16. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток: Б. и., 1999. – 336 с.

17. Аференко В.А. Тюменцевы: V веков на сибирской земле. – Красноярск, 2009. – 132 с.

18. Банников А.Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. – М.: Государственное изд-во географической лит., 1949. – 52 с.

19. Барахович П.Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории / П.Н. Барахович. – Красноярск: Литера-принт, 2019. – 304 с.

20. Барахович П.Н. Службы красноярского атамана Милослава Кольцова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2015. Т. 14, вып. 1: История. – С. 47–57.

21. Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам / сост. Александр Барсуков. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. – 614 с.

22. Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III, ч. 1. – С. 252–296.

23. Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III, ч. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 176–224.

24. Бахрушин С.В. Исторические судьбы Якутии // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III, ч. 2. – С. 13–48.

25. Бахрушин С.В. Казаки на Амуре / С.В. Бахрушин. – Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925. – 97 с.

26. Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – С. 17–65.

27. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII веках // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т.III, ч. 1. – С. 15–160.

28. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. IV. – С. 7–192.

29. Бахрушин С.В. Покрута на соболиных промыслах XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды**.** – М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т.III. Ч.1. – С. 137–225.

30. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III. Ч. 2. – С. 49–85.

31. Башарин Г.П. В составе свободной России. – М.: Арт-Флекс, 2002. – 383 с.

32. Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века // История открытия и освоения Северного морского пути. – М.: Морск. транспорт, 1956. Т. 1. – 592 с.

33. Белов М.И. Подвиг Семена Дежнева. – М.: Мысль, 1973. – 221 с.

34. Белов М.И. По следам полярных экспедиций. – Л.: Гидрометеоиздат, 1977. – 144 с.

35. Белов М.И. Путь через Ледовитый океан: Очерки из истории открытия и освоения Северного морского пути. – М.: Морск. транспорт, 1963. – 237 с.

36. Белов М.И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сборник документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке. – Л.-М.: Изд-во Главсевморпути, 1952. – 386 с.

37. Белов М. И. Семен Дежнев. – М.: Морск. транспорт, 1955. – 152 с.

38. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея / Под ред. М.И. Белова. – Л.: Гидрометеоиздат, 1980. Ч. 1: Мангазейский морской ход. – 163 с.; – М.: Гидрометеоиздат, 1981. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – 146 с.

39. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского гос. ун-та. – Томск, 1950. Т. 112. – С. 100–271.

40. Бродников А.А. Братские острожки: от устья Илима до устья Оки (документальные источники о строительстве братских острожков в 1627–1631 годах) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Новосибирск, 2017. Т. 16, вып. 3: Ареология и этнография. – С. 39–47.

41. Бродников А.А. Документальные источники о русско-тунгусских отношениях в Нижнем Приангарье в 20-е гг. XVII в. // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Новосибирск, 2003. Т.2, вып.2. История. – С. 127–132.

42. Бродников А.А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века) А.А. Бродников. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2019. – 382 с.

43. Бродников А.А. Енисейск против Красноярска: из истории борьбы гарнизонов за ясачные территории в XVII в. // Сибирь в XVII–XX веках. Проблемы политической истории. Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. – С. 19–30.

44. Бродников А.А. Енисейский острог: Енисейск в XVII веке. Очерки из истории города и уезда. – Красноярск: Енисейский благовест, 1994. – 144 с.

45. Бродников А.А. Иван Максимович Перфирьев (из истории сибирской служилой династии XVII в.) // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX веков / Сост. и отв. ред.: Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев. – Тобольск, 2005. –С. 151–168.

46. Бродников А.А. К вопросу о механизме образования уезда // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. – С. 67–76.

47. Бродников А.А. К вопросу о хронологии первого похода атамана И. Галкина в Якутию // Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. – С. 36–47.

48. Бродников А.А. О причинах и последствиях Енисейского бунта 1626 г. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и

литературных памятниках XVI–XX вв. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – С. 11–19.

49. Бродников А.А. Отписка сына боярского П. Бекетова с устья Олекмы (к вопросу о русско-тунгусских отношениях на Средней Лене в середине 30-х годов XVII в.) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. История. – Новосибирск, 2012. Т. 11, вып. 1. – 137–144.

50. Бродников А.А. Побег Звероула (из истории русско-тунгусских отношений на Илимском волоке) // Бахрушинские чтения за 1998 г. – Новосибирск: НГУ, 2000. – С. 39–48.

51. Бродников А.А. Подарки аборигенам как элемент механизма их вовлечения в ясачный платеж (на примере Ленского волока и прилегающей территории) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. История. – Новосибирск, 2013. Т.12, вып. 1. –С. 23–26.

52. Бродников А.А. Послать «людей добрых, с вогненным боем» // Родина. – 2004. № 6. – С. 40–43.

53. Бродников А.А. Потестарно-политическая ситуация на Средней Лене и русско-якутские отношения в 30–40-е годы XVII века // Якутия – форпост освоения северо-востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII–XX века). Мат-лы науч. конф. – Якутск, 2004. – С. 85–95.

54. Бродников А.А. Пребывание отряда П. Головина и М. Глебова в Енисейске: к вопросу об образовании Якутского воеводства // Социально-демографические проблемы истории Сибири XVII–XVIII вв. – Новосибирск: НГУ, 1996. – С. 3–7.

55. Бродников А.А. Серебряная экспедиция Я.И. Хрипунова (1627–1630 гг.) // Провинция в русской культуре. II Ремезовские чтения 2005. – Новосибирск, 2008. – С. 367–380.

56. Бродников А.А. Сибирский служилый человек Максим Перфирьев (опыт биографического исследования) // Книга и литература в культурном контексте / Сост. и отв. ред.: Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев. – Новосибирск, 2003. – С. 213–227.

57. Бродников А.А. Территория Якутского уезда: к вопросу об образовании Якутского воеводства // Социокультурное развитие Сибири XVII−XX века. Бахрушинские чтения 1996 г. – Новосибирск: НГУ, 1998. – С. 3−11.

58. Бродников А.А. Третье поколение Перфирьевых (из истории сибирской служилой династии XVII века) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Новосибирск, 2012. Т. 11, вып. 8. История. – С. 27–34.

59. Буланков В.В., Шумов К.Ю. Енисейск 1619–1999. Очерки по истории развития и застройки города / В. В. Буланков, К. Ю. Шумов. – Красноярск: Кн. изд-во, 1999. – 216 с.

60. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников / исслед. П.Н. Буцинского. – Харьков: Типография Губернского правления, 1889. – 345 с.

61. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 1. – 328 с.

62. Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 2. – С. 79–110.

63. Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601 г.–1645 г.) // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 2. – С. 5–78.

64. Буцинский П.Н. Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 2. – С. 199–250.

65. Быконя Г.Ф. Андрей Дубенский – основатель Красноярска. – Красноярск: Буква, 1998. – 64 с.

66. Васильевский Р.С., Резун Д.Я. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1989. – 304 с.

67. Вернадский Г.В. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. – Пг., 1915. Ч. 56. № 4. – С. 332–354.

68. Виргинский В.С. Проект превращения северо-восточной России в английскую колонию в XVII веке // Исторический журнал. – М., 1940. № 11. – С. 89–95.

69. Висковатов С.С. Об основании, устройстве и развитии города Енисейска // Вторая памятная книжка Енисейской губернии. – СПб., 1865. – С. 3–12.

70. Головачев П.Н. Очерк заселения Сибири в XVI и XVII столетиях. – СПб.: Тип. Альтшулера, 1906. – 44 с.

71. Головнёв А.В. Европейские мореходы на Русском Севере: путешествия и геополитика XVI–XVII веков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. № 3. – С. 11–21.

72. Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука: Сиб. отделение, 1984. – 320 с.

73. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. С. Ремезов и сыновья. Служебная чертежная книга. Факсимильное воспроизведение рукописи РНБ. – Тобольск: Возрождение Тобольска, 2006. – 167 с.

74. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-ао АН СССР, 1960. – 608 с.

75. Ермолова Н.В. Возвращаясь к тунгусской проблеме: поиск этнических истоков эвенков и новые предположения // Сибирь. Древние этносы и их культуры. – СПб., 1996. – С. 117–145.

76. Замысловский Е.Е. Чертежи сибирских земель XVI–XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1891. Май. – С. 334–347.

77. Замысловский Е.Е. Чертежи сибирских земель XVI–XVII века. – СПб.: тип. В.С. Балашова, 1891. – 16 с.

78. Зуев А. С. От завоевания к вхождению, или как присоединяли Сибирь к России советские историки // Родина. – М., 2000. № 5. – С. 56–63.

79. Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. – Новосибирск, 2007. – 120 с.

80. Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем Северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002. – 330 с.

81. Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. – Новосибирск, 1999. – С. 124–136.

82. Иванов В.Н. Вхождение Северо-востока Азии в состав Русского государства. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. – 200 с.

83. Иванов В.Н. Вхождение Якутии в состав Российского государства: как это было // Илин. – 2002, № 2. – С. 12–15, 76–77.

84. Иванов В.Н. Вхождение Якутии в состав Российского государства: как это было // Якутский архив. – 2002. № 2. – С. 4–5.

85. Иванов В.Н. Социально-экономические отношения у якутов: XVII в. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1966. – 422 с.

86. Иванов В.Н. Якутия в составе Русского государства (XVII век). – Якутск: Якут. филиал Изд-ва СО РАН, 2002. – 155 с.

87. Иванова Л.М. Сибирский фронтир: изучение вопроса в отечественной исторической науке // Вестник Томского государственного университета. – 2016. № 410. – С. 72–76.

88. Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай. – М.: Наука, 1967. – 404 с.

89. Ионова О.В. Из истории якутского народа: (Первая половина XVII века). – Якутск: Гос. изд-во ЯАССР, 1945. – 112 с.

90. Историко-этнографический атлас Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 498 с.

91. Карлов В.В. Социальная и этническая структура енисейских эвенков в XVII–XVIII веках // Советская этнография. – 1971. №1. – С. 14–25.

92. Карлов В.В. Эвенки в XVII – начале XX в. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 160 с.

93. Карцов В. Народы Сибири. Очерки прошлого. – М.: Мол. гвардия, 1935. – 195 с.

94. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. – М.: Мысль, 1989. Т. VI. – 476 с.

95. Козьмин Н.Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. – СПб.: Типография «Печатный труд», 1910. – 266 с.

96. Козьмин Н.Н. Заселение русскими Сибири в Московскую эпоху. – Красноярск, 1917. – 23 с.

97. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. – Новосибирск: Редакционно-издательский отдел СО АН, 1965. – 300 с.

98. Косвен М.И. Материалы к истории русской этнографии XVII в. // Советская этнография. – 1955. №1. – С. 126–150.

99. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. – СПб.: издание Археогр. комис., 1884. – 260 с.

100. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск: Наука, 1982. – 504 с.

101. Крупенкин Е.Н. Концепция фронтира в современной отечественной литературе: эвристические возможности и пределы применения // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. № 1. – С. 87–92.

102. Кудрявцев Ф.А. Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века. – Иркутск: Иркутск. обл. изд-во, 1939. – 98 с.

103. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год. – Красноярск: СФУ, 2016. – 852 с.

104. Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. – СПб.: Тип. и литогр. В. А. Тиханова, 1892. – 442 с.

105. Латкин Н.В. Кеть // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1895. Т. XV. – С. 33–34.

106. Леонтьева Г.А. Волнения служилых людей в Восточной Сибири в 80-х гг. XVII в. // Русское население Поморья и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 94–105.

107. Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. – М.: Просвещение, 1991. – 144 с.

108. Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII– первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). – М.: МПГУ, 2012. – 321 с.

109. Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Информ.-внедренч. центр «Маркетинг», 1997. – 189 с.

110. Леонтьева Г.А. Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII– начале XVIII в. // Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. – С. 76–94.

111. Любименко И.И. Английский проект 1612 г. о подчинении русского севера протекторату короля Иакова I // Научный исторический журнал. – СПб., 1914. № 5. – С. 1–16.

112. Малютина А.И. Город Енисейск: историко-краеведческий очерк. – Красноярск: Кн. изд-во, 1957. – 163 с.

113. Манькова И.Л. Экспедиция Я. Хрипунова 1627–1630 гг.: Первый опыт геологоразведок в Восточной Сибири // Проблемы истории России. – Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. – С. 131–157.

114. Мирзоев В.Г. Историография Сибири. I половина XIX в. – Кемерово: Кн. изд-во, 1965. – 292 с.

115. Мирзоев В.Г. Историография Сибири (домарксистский период). – М.: Мысль, 1970. – 392 с.

116. Морган Л.Г. Лига ходеносауни, или ирокезов. – М.: Наука, 1983. – 301 с.

117. Муратов Б.А. и др. История фамилии Тюменцовых – 2 // Бюллетень этногеномико-исторического проекта (БЭИП) «СУЮН». – 2016, Январь. Т. 3. – № 1 [1, 2]; ISSN62410-1788 http://suyun.info/userfiles/bulletin/2016-1/Tyumentcevs-2_3_20160 103_1_%5B1_2%5D_3_BEHPS_2016_1.pdf. (посещение 12.10.2023 г.)

118. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. – М.: Наука, 1987. – 176 с.

119. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 256 с.

120. Оглоблин Н.Н. Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина // Русская старина. – Спб., 1896. Январь. – С. 205–224.

121. Оглоблин Н.Н. Восточносибирские полярные мореходы XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1903. Май. – С. 38–62.

122. Оглоблин Н.Н. Две сказки Вл. Атласова об открытии Камчатки // Чтения Общества истории древностей российских. – М., 1891. Кн. 3. Отд. I. Материалы исторические. – С. 1–18.

123. Оглоблин Н.Н. Заговор томской «литвы» в 1634 г. // Чтения в обществе Нестора-летописца. – Киев, 1894. Кн. 8. – С. 1–11.

124. Оглоблин Н.Н. К биографии Владимира Атласова. – М.: Унив. тип., 1894. – 18 с.

125. Оглоблин Н.Н. К русской историографии. Герард Миллер и его отношения к первоисточникам // Библиограф. – 1889. №1. – С. 1–11.

126. Оглоблин Н.Н. Красноярский бунт 1695–1698 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1901. – С. 25–69.

127. Оглоблин Н.Н. Нерчинский заговор о побеге на Амур и на острова Восточного океана // Русская старина. – СПб., 1896. Октябрь. – С. 121–129.

128. Оглоблин Н.Н. Обозрение историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа. – М.: тип. Л.Ф. Снегирева, 1884. – 391 с.

129. Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). – М.: Унив. тип., 1895. Ч. 1. – 429 с.; 1897. Ч. 2. – 162 с.; 1900. Ч. 3. – 393 с.; 1901. Ч. 4. – 288 с.

130. Оглоблин Н.Н. Остяцкие знамена XVII в. // Исторический вестник. – 1889. № 16. – С. 135–149.

131. Оглоблин Н.Н. Остяцкие князья в XVII в. // Русская старина. – 1891. № 8. – С. 395–401.

132. Оглоблин Н.Н. Семен Дежнев. (1638–1671 гг.) (Новые данные и пересмотр старых). – СПб.: тип. Балашева, 1890. – 60 с.

133. Оглоблин Н.Н. Семен Дежнев (1638–1771 гг.) // Журнал Министерства народного просвещения. – 1890. Ч. 272, № 12. – С. 249–306.

134. Оглоблин Н.Н. Якутский розыск о розни боярских детей и казаков // Русская старина. – СПб., 1897. Август. – С. 375–392.

135. Огородников В. И. Из истории инородческих волнений в Сибири // Вестник просвещения: Журнал Министерства просвещения. – Чита, 1922. № 1. – С. 1–20.

136. Огородников В. И. Очерки истории Сибири до начала XIX столетия. – Владивосток: тип. Гос. Дальневосточ. ун-та, 1924. Ч. 2. Вып. 1: Завоевание русскими Сибири. – 108 с.

137. Огородников В. И. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. // Сб. тр. профессоров и преподавателей Иркут. ун-та. – Иркутск: иркутское отделение, 1921. – С. 69–113.

138. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. – Л.: Соцэкгиз. Ленингр. отд-ние, 1937. – 340 с.

139. Очерки истории г. Енисейска и Енисейского уезда (XVII–XIX вв.). – Енисейск, 2009. – 260 с.

140. Павлинская Л.Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). – СПб.: Европейский дом, 2008. – 255 с.

141. Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. – Красноярск: Краснояр. пед. ин-т, 1974. – 240 с.

142. Парникова А.С. Расселение якутов в XVII–начале XX в. – Якутск: Кн. изд-во, 1971. – 152 с.

143. Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1911. – 210 с.

144. Покровский Н.Н. Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по

истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 24–61.

145. Полевой Б.П. К истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии XVII в. (Известие о «Каменной преграде». Возникновение и дальнейшая метаморфоза легенды о «необходимом носе») // Сиб. геогр. сб. – М; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. 3. – С. 224–270.

146. Полевой Б.П. Находка подлинных документов С.И. Дежнева о его историческом походе 1648 г. // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. Геология, география. – 1962. Т. 6, вып. 1. – С. 145–152.

147. Полевой Б.П. Новое об открытии Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Камчатск. печат. двор, 1997. Ч. 1. – 159 с.; Ч. 2. – 202 с.

148. Полевой Б.П. Новое о Семене Дежневе // Дальний Восток: Лит.-худ. и общ.-полит. журнал. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. № 1. – С. 132–139.

149. Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Из истории русских географических открытий на Тихом океане в XVIII в. – Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во, 1982. – 208 с.

150. Полевой Б.П. Первый русский поход на Тихий океан в 1639–1641 гг. в свете этнографических данных // Советская этнография. – 1991. № 3. – С. 56–69.

151. Поршнев Б.Ф. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // История СССР. – 1957. № 5. – С. 112–140.

152. Преображенский А.А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии. – М.: Наука, 1976. – С. 376–384.

153. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М.: Наука, 1975. – 281 с.

154. Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 1993. – 246 с.

155. Рычков Ю.Г. и др. Генетика и антропология популяций таежных охотников-оленеводов Сибири: (Эвенки Средней Сибири). Сообщение 1. Родовая

структура, субизоляты и инбридинг в эвенкийской популяции // Вопросы антропологии. – 1974. Вып. 47. – С. 3–26.

156. Садовников Д.Н. Наши землепроходцы: Рассказы о заселении Сибири (1581–1712 гг.). – М.: Типолитография Высочайше утв. Т-ва «И. Н. Кушнерев и К», 1898. – 212 с.

157. Садовников Д. Подвиги русских в Сибири. Ерофей Хабаров и Семен Дежнев (Рассказы о завоевании и заселении Сибири). – М.: В.Д. Карчагин, 1906. – 61 с.

158. Сафронов Ф.Г. Русские на Северо-востоке Азии в XVII– середине XIX века. – М.: Наука, 1978. – 258 с.

159. Сафронов Ф.Г. Ссылка в Восточную Сибирь в 17 в. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1967. – 96 с.

160. Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. – М.: Наука, 1983. – 128 с.

161. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1886. Кн.1. – 326 с.

162. Служилые люди Сибири конца XVI–начала XVIII века: биобиблиографический словарь / отв. ред. И.П. Каменецкий. – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 992 с.

163. Солодкин Я.Г. Родоначальники «династий» березовских казаков XVII века // Альманах «Казачество». История. – 2017. № 27. – С. 66–75.

164. Спасский Г.Н. Список с чертежа Сибирской земли, заимствованный из рукописного сборника XVII века и объясненный примечаниями. – М.: Унив. тип., 1849. – 48 с.

165. Степанов Н.Н. Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII веке // Изв. ВГО. – 1958. Т. 90. № 5. – С. 438–452.

166. Степанов Н.Н. «Пешие тунгусы» Охотского побережья в XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. – Новосибирск: «Наука» Сиб. отд., 1966. – С. 128–140.

167. Степанов Н.Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 106–124.

168. Степанов Н.Н. Социальный строй тунгусов в XVII в. // Советский Север. – Л., 1939. № 3. – С. 47–72.

169. Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. – Москва: ОГИЗ Государственное социально-экономическое издательство, 1940. – 248 с.

170. Троцкий И.М. Некоторые проблемы истории Якутии XVII века // Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. – Л.: Издательство Института Народов севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. – С. III–XXX.

171. Туголуков В.А. Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири. – М.: Наука, 1985. – 286 с.

172. Урсул Д.Т. Николай Гаврилович Милеску Спафарий. – М.: Мысль, 1980. – 191 с.

173. Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири. – СПб.: При Имп. Акад. наук, 1774. – 641 с.

174. Чивтаев Ю.И. Усть-Кутский сользавод (очерки из истории XVII–XX вв.). – Иркутск, 2021. – 336 с.

175. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня: В 2 т. – Иркутск: Иркутское обл. гос. изд-во, 1949. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. – 596 с.

176. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII– начала XVIII веков. – М.; Л.: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1946. – 228 с.

177. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 430 с.

178. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. – Иркутск, 1883. – 778 с.; – Сургут: «Северный дом», 1993. – 463 с.

179. Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1990. – 248 с.

180. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония // Ядринцев Н.М. Сочинения. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. Т. 1. – 480 с.

181. Якутия в XVII в. (очерки). – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1953. – 439 с.

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды): дисс. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2016. – 438 с.

2. Леонтьева Г.А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. (По материалам Иркутского и Нерчинского уездов): дисс. … канд. ист. наук. – М., 1972. – 368 с.

3. Никитин Н.И. Военно-служилые люди Западной Сибири XVII в. (Из истории классово-сословного строя позднефеодальной России): автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1975. – 39 с.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией

БЭИП – Бюллетень этногеномико-исторического проекта

ГПНТБ СО РАН – Государственная публичная научная техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ЗИРГО – Записки Императорского Русского географического общества

ОГИЗ – Объединение государственных книжно-журнальных издательств

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РИБ – Русская историческая библиотека

СДИБ – Сборник документов по истории Бурятии

СПбИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

СПбф АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СЭ – Советская этнография

ЧОИДР – Чтения Общества истории древностей российских

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

1627/1628 гг. – «Книга приходная ясашной мягкой рухляди» Енисейского острога за 7126 г.

Да во 136-м году сентября 1 числа да сентября по 1 число 137 году при воеводе при Василье Аргамакове ясашные и поминочные и десятинные мяхкие рухледи, что взято с ясашныхи торговых и промышленных людей и в ясашных и в десятинных книгах в приходе.

На реке Кети с Пумпокольские волости князца с Урнука Пименова с товарыщи с 30 человек поминочные 30 соболей ясак по 11 соболей с человека.

Итого: 8 сороков 10 соболей.

С остяка Тенетенка взято государева ясаку для толмачества поминочной соболь, да ясаку 5 соболей.

В доимке осталось за 135 год 24 соболя.

На реке Кети с Кацкие волости с князца Епенки Кобыцына с товарыщи с 20 человек поминок 20 соболей. Ясаку – по 11 с человека.

Итого: 5 сороков 20 соболей.

С Атабака Кобыцына для толмачества взято с поминочной и 5 ясачных соболей.

С недоросля с остяка Бобайна – 6 соболей.

С Кадцкие ж волости князца Епеи с товарыщи из доимки за 135 год поминочных и ясачных 20 соболей. Осталось 4 поминочных и 47 ясачных.

На реке Енисее с Кузнецкие волости князца Тымки Переорова с 11 человек 11 поминочных соболей, ясак – по 11 с человека.

Итого: 3 сорока 1 соболь.

Донять за 134 и 135 годы поминочных 19 соболей, ясачных – 5 сороков 7 соболей.

На Енисее с Сымские и Касовские волости с князцов Калгана и Акдона с 23-х человек взято поминочных 23 соболя, ясачных 6 сороков 1 соболь, да за 3 соболя – бобр и кошлык рыжие.

Всего ясачных окладных волостей с 87 человек взято поминков 2 сорока 6 соболей, ясаку 23 сорока 8 соболей.

Да из доимки за 135 год взято 20 ясачных и 1 поминочный.

Осталось за 134–135 годы поминков 23 соболя, ясачных – 6 сороков 38 соболей.

Неокладные волости

Кемские вершины с Атыни с Вочетаево с товарыщи 60 соболей и 10 недособолей с пупки и с хвосты.

Весловские с 2-х остяков – 20 соболей с пупки и с хвосты.

Тюлкинской землицы князца Татуша – 2 сорока 12 соболей, 8 недособолей с пупки и с хвосты.

Васанские землицы князца Тупорока – 38 соболей, 2 недособоля с пупки и с хвосты.

Пицкие тунгусы князец Лупа – 3 сорока 1 соболь с пупки и с хвосты, шуба соболья тунгуская 6 пластин собольих, лиса красная.

На реке Тунгуске на Рыбной ловле князец Сердитка и князец Лукашка – 30 соболей, 6 недособолей с пупки и с хвосты, шуба соболья тунгуская.

На реке Тунгуске на Карабели князец Мендизинкур – 40 соболей, 8 недособолей с пупки и с хвосты.

В реке Тасееве по реке Чюне с князца Ыркинея – 45 соболей, 10 недособолей с пупки и с хвосты.

С князцов Ыркинея, Бонкея, Маймуги – 5 сороков 32 соболя, 12 недособолей с пупки и с хвосты, 2 шубы собольи тунгуские 1 – без рукава, пола шубная в ней 6 пластин собольих.

Аплинские землицы князец Тюлкиней – 36 соболей, 4 недособоля с пупки и с хвосты.

Новые землицы под Брацким порогом, где збирал атаман Максим Перфирьев.

Шаманские землицы князец Когоня – 3 сорока 23 соболя с пупки и с хвосты, 2 шубы собольи тунгуские.

Чипогирских и Лапагирских тунгусов – 2 сорока 22 соболя с пупки и с хвосты, шуба соболья тунгуская, пластина соболья, лиса красная.

Наляги князец Корюбыль – 2 сорока 25 соболей, 30 недособолей с пупки и с хвосты.

Мунгума князец Едок – 25 соболей с пупки и с хвосты.

Верхние тунгусы Шаман – 25 соболей с пупки и с хвосты.

Чипогурский тунгус – 8 соболей с пупки и с хвосты, пластина соболья.

Шаманский тунгус Малца – 10 соболей с пупки и с хвосты, пластина соболья.

Шаманский тунгус Болтурин – 10 соболей с пупки и с хвосты.

На Рыбной ловле князца Иркинея – 35 соболей с пупки и с хвосты.

На Рыбной ловле соянцы 7 человек – 36 соболей с пупки и с хвосты. 10 пластин собольих, 2 шубы тунгуские.

На Рыбной ловле с Мукотеевых детей тунгусов – 25 соболей с пупки и с хвосты.

С Яганка Сердикотва брата – 10 соболей с пупки и с хвосты.

С Бугунка Ялымкова брата – 10 соболей с пупки и с хвосты.

Всего с неокладных волостей и новых землиц – 31 сорок 18 соболей, 2 сорока 10 недособолей, 9 шуб собольих, пола соболья из 6 пластин, 2 лисы красных, 19 пластин собольих.

Цена поминкам – 105 рублев 16 алтын 4 денги.

ясаку – 1228 рублев 5 алтын.

С торговых и промышленных людей взято пошлин

102 сорока 7 соболей, 4 шубы, 2 бобра, 96 сороков 26 пупков собольих, 7 сороков, 20 хвостов собольих. Цена – 3385 рублев 22 алтына 4 денги.

Всего за 136 год: 4719 рублев 11 алтын.

А та государева соболиная казна отпущена ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии к Москве во 136-м году июля в 10 день с енисейскими служилыми людми з десятники с Ылейкою Ермолиным да з Богдашком Тумовым, да стрелцы с Елескою Юрьевым, да с Семейкою Ивашковым.

СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. № 22. Л. 16–18 об. № 24. Оригинал.

Приложение 2

1629/1630 г. – Окладная книга хлебного жалованья Енисейского острога

Книги окладные 138 году Енисейского острогу служилым людем и ружником, и оброчником с хлебными оклады.

Ружники

Оклад 5 чети ржи, 4 чети овса веденской поп Кондрат Нестеров.

Оклад 5 четей с осминою ржи 4 чети овса церковной дьячек Давыдко Наумов.

Оклад 4 чети ржи 3 чети овса пономарь старец Антоней.

Подьячие

Оклад 8 чети ржи 5 чети овса подьячей Ерофейко Квашнин.

Оклад 12 четей ржи 12 четей овса подьячей Иван Ер<моли>н

Служивые люди

Оклад 7 четей с осьминою ржи 4 чети овса сотник стрелецкой Петр Бекетов.

Оклад 14 четей ржи 8 четей овса атаман Иван Галкин.

Оклад 7 чети ржи 4 чети овса атаман Максим Перфирьев.

Пятидесятником и десятником и рядовым стрельцом оклад по 5 чети с осьминою ржи, да по 4 чети овса.

Пятидесятники:

Терентий Савин Терской Василей Черменин

Десятники:

Илья Ермолин Фирс Микифоров

Семен Родюков Тарас Мелентьев

Павел Аврамов Василей Бугор

Ондрей Иванов Сидор Оникиев.

Рядовые стрельцы:

Ивашко Тимофеев Колмогор Епишко Соловьев

Федька Васильев Чюрочка Марко Яковлев Котков

Микитка Офонасьев Конной Федька Патракеев Парман

Ерофейко Спиридонов Якушка Онтипин Жито

Исачко Васильев
Петрушка Панкратов
Первушка Яковлев Мошонкин
Елфимко Михайлов Зипунец
Ивашко Архипов
Омелька Васильев
Федоско Ефремов
Дружинка Васильев
Гришка Савастьянов
Якунка Софонов
Буторка Онтонов
Гришка Микитин
Вторко Захаров
Тренька Корешок
Васька Назаров Белокопыт
Ивашко Яковлев Луков
Якунка Васильев
Степанко Потылицын
Мишка Шорин
Фомка Кондратьев
Ивашко Кирилов
Сава Тимофеев
Дружинка Семенов
Фока Самсонов
Серешка Иванов
Пронька Вычегжанин
Тимошка Лукьянов Лом
Васька Котовщик
Гаврилко Микитин
Богдашко Онцифоров

Сенька Тимофеев Толстой
Васька Шелковнин
Поспелко Семенов
Семейка Ильин
Гришка Ярославец
Ивашко Панкратов
Еремка Федоров
Савка Ильин Черной
Ивашко Романов
Васька Степанов
Костя Данилов
Олешка Иванов Гнутой
Левка Кобылин
Онтонко Беляев
Володька Федоров
Степанко Марков
Нехорошко Павлов
Олешка Семенов
Васька Сумороков
Семейка Сернин
Федька Михайлов
Гуляйко Гаврилов
Елейка Юрьев
Васька Клементьев Кокшар
Пятунка Федоров
Федька Сернин
Савка Максимов
Олешка Овдокимов
Мишка Садухин
Калинка Федоров

Пронька Трофимов Попов
Дружинка Чистяков
Тренька Каляга
Федотко Венедиктов
Завьялко Ондреев
Васька Микитин
Петрушка Корова
Костя Котельник
Понфилко Петров
Ивашко Аврамов
Еремка Митрофанов.
Мишка Микитин Тарской
Васька Колесник
Оксенко Васильев
Данилко Михайлов
Богдашко Волконской
Офонька Брусенкин
Марко Любовской
Исачко Савастьянов
Илейка Перфирьев
Микляшка Полиехтов

Оброчники

Оклад 5 четей с осьминой ржи 4 чети овса — пушкарь Трофимко Федоров.
Оклад 5 четей с осьминою ржи 4 чети овса — кузнец Оксенко Варламов.
Оклад 5 четей ржи 4 чети овса — мельник Филька Ефимов.
Оклад 5 четей с осьминою ржи 4 чети овса — тунгуской толмач Федька Петров.
Оклад 5 четей с осьминою ржи 4 чети овса — братцкой толмач Гришка Яковлев.
Оклад 5 четей с осьминою ржи 4 чети овса — съезжей избы сторож Онтонко Мартынов.
Оклад 5 четей с осьминою ржи 4 чети овса — палач и тюремной сторож Оська Семенов.
Оклад 5 чети ржи 4 чети овса — острожной воротник Ивашко Демидов.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 302–310. Оригинал.

Приложение 3

1632/1633 г. – Окладная книга денежного жалованья Енисейского острога

Книги имянные Енисейского острогу государевым служилым людем и ружником и оброчником з денежными их оклады на 141 год.

Оклад в 12 рублев 8 алтын 2 денги — сотник стрелецкой Петр Бекетов.

Оклад по 18 рублев — сын боярский Парфен Хондырев, атаман Иван Галкин.

Оклад 10 рублев — атаман Максим Перфирьев.

Оклад в 12 рублев — подьячие Василей Борисов, Иван Ермолин.

Оклад старым енисейским служивым людем по 5 рублев 16 алтын 4 деньги.

Пятидесятник Терентий Савин.

Пятидесятник Васька Черменин.

Десятники:

Илейка Ермолин — Васька Ермолин

Фирска Микифоров — Сидорко Оникиев

Тараско Мелентьев — Ивашко Панкратов

Павлик Аврамов — Ондрюшка Иванов.

По 5 рублев рядовые стрельцы:

Вторко Захаров — Оська Семенов

Фомка Самсонов — Гришка Микишин Пермяк

Костька Данилов — Богдашко Онцыферов Кола

Левка Кобылин — Тренька Нифантов

Онтонко Беляев — Васька Назаров Белокопыт

Ивашко Романов — Харка Михайлов Васток

Васька Иванов Колесник — Оксенка Васильев

Дружинка Петров Чистяков — Мишка Шорин

Тренька Григорьев Каляга — Степанко Иванов Потылицын

Нехорошко Павлов — Ивашко Яковлев Лютко

Степанко Марков — Якунка Васильев

Олешка Семенов Голой
Васька Ондреев Суморокoв
Васька Клементьев Кокшар
Семка Серкин
Ивашко Кирилов Трескин
Федька Семенов Зырянин
Федька Михайлов
Якунка Онтипин Жито
Елисейко Бердь
Буторка Онтонов
Ивашко Тимофеев Колмогор
Епишка Соловьев
Федька Патрекеев Гарман
Давыдко Наумов
Васька Микитин Вихорев

Семейка Тимофеев Толстой
Васька Савелов Шолковник
Первушка Яковлев Моточников
Офонька Иванов Брусенкин
Семейка Ильин
Васька Левонтьев Котовщик
Петрушка Клементьев Корова
Омелька Васильев Тюменцов
Калинка Федоров Студа
Сергушка Иванов
Еремка Федоров Толстой
Мишка Микитин Тарской
Савка Ильин Черной
Якунка Сафонов

Пятунка Федоров
Данилко Михайлов
Фомка Кондратьев
Пронька Васильев
Завьялко Ондреев
Савка Тимофеев
Гулятко Гаврилов
Семейка Костентинов
Исачко Савастьянов
Богдашка Овдокимов
Ерофейко Спиридонов
Федька Васильев Чурочка
Микитка Офонасьев Конный
Исачко Васильев
Гришка Яковлев Кривогорницын
Ефимко Михайлов Зипунец
Петрушка Панкратов
Поспелко Семенов
Микляшка Полуехтов
Гришка Евсеев Ярославец
Панфилко Петров
Ивашко Архипов Чурочка
Олешка Овдокимов Олень
Тимошка Лукьянов Лом
Федорко Ефремов
Дружинка Васильев
Гришка Савостьянов Тарской
Васька Степанов Окула
Костька Петров

Гаврилко Микитин
Марко Худяков Любовской
Еремка Митрофанов
Богдашко Фадеев
Олешка Иванов Гнутов
Марко Котков.
Савка Максимов
Мишка Васильев Стадухин
Пятунка Семенов
Вторушка Ильин
Пронька Трофимов

Ружники и оброчники.

Оклад 6 рублев	введенский поп Кузьма Артемьев.
4 рубли 8 алтын 2 денги	церковной дьячек Федька Федосеев.
3 рубли 16 алтын 4 денги	пономарь Митька Ефтропев.
3 рубли	просвирница Агрипеница.
6 рублев 16 алтын 4 денги	кузнец Оксенко Варламов.
5 рублев	житничной подьячей Мишка Кузмин Кожевников съезжие избы сторож Онтонко Мартынов мельник Филька Ефимов тунгуской толмач Федька Петров брацкой толмач Гришка Яковлев полач и теремной сторож Оська Семенов.
4 рубли	острожной воротник Онтонко Тимофеев Табак.
3 рубли	гостина двора таможенные избы сторож Ондрюшка Семенов.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 47. Л. 82–90. Опубликован: Бродников А.А. Енисейский острог. Енисейск в XVII веке: Очерки из истории города и уезда. – Красноярск: Енисейский благовест, 1994. – С. 129–130.

Приложение 4

1635 г. не ранее июня 10. Отписка с устья реки Олекмы енисейского сына боярского Петра Бекетова, отправленного в 142 г. на реки Витим, Чичуй и Олекму, енисейскому воеводе Андрею Андреевичу Племянникову о «плутовстве» ранее отправленного на те реки десятника Семена Родюкова «с товарищи» и столкновениях с тунгусами по притокам Лены

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Ондрею Ондреевичю Енисеиского острогу сыно боярскои Петр Бекетов челом бьет. В прошлом во 142-м году июля в 12 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу послан я, Петр, служивыми людми на государеву службу на Витим реку, и на Чючюи реку, и на Олекну реку, и в новые и в ыные захребетные землицы для государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии ясачново збору и вновь землиц приводу под государскую царскую высокую руку, немирных и непослушных земель князцеи и их улусных людеи, а из Енисеиского острогу государевым ясачным людем имянные кънигы мне, Петру, не даны были. И в прошлом во 141-м году посланы были преже меня, Петра, из Енисеиского острогу служивые люди десятник Семен Родюков, да Пятои Федоров, да Осип Федоров, да Первои Яковлев, да Костянтин Данилов с товарыщы на ту ж государеву службу на Витим реку, и на Чичюи реку, и на Окъну[752] реку для государева ясачново збору, и мне, Петру, велено по государеву указу взять у них служивых людеи у Семена Родюкова с товарыщы государевым ясачным людем именные книги. И в нынешнем во 143-м году, маия в 16 день приплыл яз, Петр, служивыми людми на усть Олекну реку[753], нашел енисейских служивых людеи десятника Семена Ротюкова с товарыщы и взял по государеву указу у них служивых людеи у Семена Родюкова с товарыщы государевым ясачным людем имянные книги. По тем имянным ясачным книгам у них служивых людеи у Семена Родюкова с товарыщы собрано государева ясаку на нынешнеи на 143-й год девять сороков дватцать один соболь со Олекны реки, и с

[752] *Так в рукописи, следует читать* Олекъну.
[753] *Далее знак вставки – три кружочка, вставка на левом поле* и на усть Олекны реки.

Патомы реки с Киндигирскои волости с князца Якона и с людеи ево, взято у них служивых людеи у Семена Родюкова с товарыщы государева ясаку три сорока дватцать соболеи, да с Вилюя реки, с Нанагирскои волости бурнагирсково роду с князца Конкочана да с князца Инняктакана, да с князца Дачеги взято государева ясаку у них у служивых у Семена Родюкова с товарыщы шесть сороков соболей один соболь. А зъбирали де они, служивые люди Семен Родюков с товарыщы, весь государев ясак и за аманатов, а поиманы были аманаты у них у служивых людеи у Семена Родюкова с товарыщы с Вилюя реки Нанагирскои волости бурнагирсково роду два князца, Конкочан князец да Инняк Такан князец. А собрав государев ясак, те служивые люди Семен Родюков, да Пятко Федоров, да Оска Федоров, да Костя Данилов, да Первушка Яковлев, для своеи безделнои корысти тех атаманов[754] князца Конкочана да князца Инняктакана, спустили в свою землю, а те князцы, Колкочан князец да Иниякатакан князец, вышли от них из аманатов от служивых людеи от Семена Родюкова с товарыщы сами, дали им, служивым людем Семену Родюкову, да Пятку Федорову, да Оске Федорову, да Первушке Яковлеву, да Косте Данилову, детеи своих в аманаты впредь для государева ясачново збору и для всякие шатости. Те служивые люди Семен Родюков, да Пятко Федоров, да Оска Федоров, да Первушка Яковлев, да Костя Данилов, не похотя государю прибыли впредь в ясачном зборе и утвержения земли новои, не радеючи праведному государю ни в чем, для своеи безъделнои корысти тем князцам вилюиским, князцу Конкочану да князцу Инняктакану, детеи их им, князцам, выдали для своеи безъделнои корысти. А до меня, Петра, тех аманатов не додержали, и мне тех аманатов не отдали. А довелось было им, служивым людем Семену Родюкову, да Пятку Федорову, да Оске Федорову, да Первушке Яковлеву, да Косте Данилову, по государеву указу тех аманатов, князковых детеи, с Вилюя реки держать до государева указу для государева ясачново збору и для всякои шатости, потому что те землицы новые и дикие, без аманатов их топерво взять негде, а прокормить было тех аманатов мочно им, служивым людем, у Пятка Федорова, да

[754] *Так в рукописи, следует читать* аманатов.

у Оски Федорова, да у Первашка Яковлева, да у Костьки Данилова своеи[755] муки было влишке много ж, да государевы запасы с ними[756] были ж, и они, не похотя государю прибыли и утеклись на свою[757] безъделную корысть, продавали запасы свои промышленым людем и всяким людем, весно про то всяким людем. А по иным городам по государеву указу посылают служивых людеи по новым землицам для государева ясачново збору, и служивые люди емлют по тем по[758] новым землям аманатов[759] для государева ясачново збору и для всякои шатости и держат тех аманатов до перемены, а будет перемены им нет, и оне вывозят тех аманатов в городы и в острожки, где сидят государевы воеводы, а не спускают тех аманатов[760] и в новых землях тем смуты не чинят. А таковы те служивые люди Семен Родюков, да Пятко Федорав, да Оска Федоров, да Костя Данилов, да Первушка Яковлев тех аманатов князца Конкочана да князца Инияктакана или детеи их для своеи безделнои корысти не отпустили, и государю бы с Вилюя реки с тех новых землиц с князца Конкочана да с князца Инияктакина и с людеи их впред прибыль была великая в ясачном зборе, потому что сказывают, то перво здесь промышленые люди и толмач Оска Степанов есть-де под теми вилюискими князцами под князцем Конкочаном и под князцем Илняктаканом, людеи их луков за пятьсот, да и шатости бы никакои в тех новых землях и убоиства промышленым людем не было нигде, а то перво их, служивых людеи, воровством Семена Родюкова, да Пятка Федорова, да Оски Федорова, да Первушки Яковлева, да Коски Данилова и старова государева ясаку собрать будет негде, несково взять ни однова соболя – вся земля отложилась прочь от их, служилых людеи, от Семена Родюкова с товарыщы, плутовства и насилства по всем рекам: по Олекне реке, и по Витиму реке, и по Чичюю реке, и по Патоме реки[761] – все с тех рек розбегались по иным по далным рекам по захребетным жить, где бы их, тунгуских людеи, житья наиттить

[755] *На этом опубликованный в издании* Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. III. *текст заканчивается*.
[756] *Далее над строкой зачеркнуто* ж.
[757] *Далее в рукописи зачеркнуто* на свою.
[758] *Слово написано над строкой.*
[759] *В рукописи исправлено, ранее было написано* атаманов.
[760] *Слово написано над строкой над зачеркнутым* атаманов.
[761] *Так в рукописи, далее в рукописи написано над строкой* и по Нее реке.

немочно было государевым служивым людем. И у меня, Петра, служивыми людми поперво здесь государев ясачьной збор залег. Достать будет тех вилюских князцеи нелзя, потому что на Вилюи реку итти горою до тех князцеи недель пять, и служивым людем запасу на себя не навести будет на дороге умереть голодною смертию, а рекою водяным путем их, тунгуских людеи, не достать же будет: с усть Олекны реки по Лене реке на низ плыть до усть Вилюя реки две недели, а с усть Вилюя реки вверх итти по Вилюю до тех князцеи Нанагирскои волости до князца Конкочина, а до князца Инняктакана десять недель ходу. А им, служивым людем, Семену Родюкову с товарыщы, пришел черед тех князцеи изымать на Чаре реке в росплох. А Чара река впала в Олекну реку, по Олекне реке вверх до Чары реки день ходу. А жили по Чаре реке и по Олекне реке государевы ясачные люди – Якон князец своими людми, а те князцы Конкочан да Инняктакан с Вилюя реки пришли на Чару реку ко князцу Якону для того, что тот князц[762] Якон им, вилюиским князцам, во племини, и оне хотели зверовать вместе за один человек. И яз, Петр, служивыми людми ходил по Олекне реке и по Чаре реке немалое время после их, служивых людей Семена Родюкова с товарыщы, и тунгуских людеи не мог наити ни одново человека – все збежали с тех рек, а как те аманаты с Вилюя реки князец Конкочан да Инняктакин сами[763] сидели в аманатах, и после их, князцеи, дети их сидели аманатах[764] у них служивых людеи у Семена Родюкова с товирыщи[765], и в те поры по всем рекам шатости и убоиства промышленым людем в тех новых землях не было нигде, и все с тех рек тунгуские люди сами приходили з государевым ясаком за теми[766] аманаты, а как они, служивые люди Семен Родюков, да Пятко Федоров, да Оска Федоров, да Костя Данилов, да Первушка Яковлев, тех аманатов отпустили и детеи их им после отдали[767], с тех мест по всем рекам, в тунгуских людех, учинилась шатость великая и промышленым людем стало быть убоиства много где. Промышленые люди ни сидели на своих

[762] *Так в рукописи, следует читать* князец.
[763] *Далее в рукописи зачеркнуто* ми.
[764] *В рукописи исправлено, ранее было написано* атаманах.
[765] *Так в рукописи, следует читать* товарыщи.
[766] *Далее в рукописи написано над строкой* своими.
[767] *Далее в рукописи зачеркнуто* и и.

соболиных промыслах, и тунгуские люди промышлять им, промышленым людем, не дали и многих промышленых побили и к ним промышленым достальным к зимовью их тунгуские люди приступали и держали их в осаде промышленых до весны до полои воды, а отпустили те служивые люди Семен Родюков с товарищи тех аманатов до Филипова заговенья – незадолго, промышленым людем отпромышлять не дали. А в Нюе реке те аманаты и на Лене реке до меня, Петра, с людми своими, которых спустили служивые люди, Семен Родюков с товарыщы, убили промышленых людеи десять человек Мамрука да Верещагу с товарыщы. Да те же тунгуские люди пониже Витима реки устья за полднища на краи Лены реки приступали весною по полои воде к промышленым людям, к зимовью к торговому человеку к Ивану Пеунова покрученикомм и к ево ужинником к Меншику Ефимову да к Веске Павлову и на приступе у них, у промышленных людеи, ранили двух человек, а зимовье у промышленых людеи кругом все обожгли и хламье всякое и невод у промышленых людей сожгли, да и суды и судовые снасти все у них присекли, да и самих промышленых людеи мало не взяли. Да в нынешнем во 143-м году торговои человек Иван Пеунов с покрученики своими, да промышленые люди Меншик Еуфимьев, да Веска Павлов, да Корнилко Дмитреев с покрученики своими, сели со мною, Петром и служивыми людми, на усть Олекны реки в новом острожке для своих соболиных промыслов и послали было оне для рыбнои ловли покрученикоов своих по Лене реке вверх на усть Июю[768] реку осмнатцать человек. И яз, Петр, послал с ними ж, промышлеными людми, двух человек служивых людеи Олешку Евдокимова да Фетку Мартемьянова, для тово либо где увидеть тунгуских людеи, и мы бы служивым людем тех тунгуских людеи[769] призывать ко государскои милости, как промышленые люди Ивана Пеунова покрученики да Корнилка Дмитреева, да и служивые люди пошли в Нюю реку для рыбные своеи ловли и тунгуские люди их, промышленых[770] и служивых людеи, не допустя до Нюи реки за пол днища, как промышленые люди хотели пристать дощаником г берегу вытти на бечеву и тунгуские люди, выскоча из-за кустов из-

[768] *Так в рукописи, следует читать* Нюю.
[769] *Далее в рукописи зачеркнуто* и мы бы служивым людем тех тунгуских людеи.
[770] *Далее в рукописи зачеркнуто* людеи.

за колодья, по них, по промышленых, почали стрелять из луков в пример и убили у них, у промышленых[771], дву человек Ивана Пеунова убили покрученика, да трех человек у него ж, Ивана, ранили, да у промышленово человека у Корнилка Дмитреева убили в те же поры покрученика, да и собак у них всех тунгуские люди пристреляли. И оне, промышленые люди, от берегу на якорь судном откинулись, и тунгуские люди вышли на берег против судна их человек с пятнатцать и почали кликать толмача и они, промышленые люки[772], которые умеют из ниг[773] тунгускому языку, почали говорить тем тунгуским людем: за что[774] вы нас руских людеи тунгуские люди побиваете? И те[775] тунгуские люди против говорили[776]: для тово мы, тунгуские люди, и ныне станем побивать руских людеи, везде имали как тунгуских лутчих[777] людеи ныне зимою в аманаты на усть Олекны реки служивые люди Семен Родюков, да Пятко Федоров, да Оска Федоров, да Первушка Яковлев, да Костя Данилов с товарыщы и нас, тунгуских людеи, лутчих у себя в зимовье мучили для своего торгу не по нашеи охоте своим насилством сверх государева ясаку. Иные наша братья и детеи[778] своих по иным землицам иззакладывали в соболях да в шубах, а ныне де нас опять имать в оманаты вы идете и теперво вам, руским людем, нас, тунгуских людеи, не видати у себя в аманатах, и как де мы у вас были в руках и вы нас на что спустили, ныне де нас разьве е[779] мертвых возмите в аманаты, тако де хотите имать нас опять в аманаты и вы пристаите к берегу. А те служивые люди Семен Родюков с товарыщы шли за теми промышлеными людми неподалеку в верстах в четырех, а пошли в Енисейскои острог и у них, у служивых, у Семена Родюкова с товарыщы промышленые люди помощи прошали на тунгуских воровских людеи и они, служивые люди Семен Родюков с товарыщы, нерадеючи государю послужить непохотели – им, промышленым людем,

---

[771] *Далее в рукописи зачеркнуто* людеи.
[772] *Так в рукописи, следует читать* люди.
[773] *Так в рукописи, следует читать* из них.
[774] *Далее в рукописи зачеркнуто* де.
[775] *Слово написано над строкой.*
[776] *Написано над строкой* рили*, далее зачеркнуто* рят.
[777] *Слово написано над строкой.*
[778] *Далее в рукописи зачеркнуто* и детеи.
[779] *Так в рукописи, следует читать* де.

отказали. И торговои человек Иван Пеунов, да промышленые люди Меншик Ефимов, да Веска Павлов, да Корнилко Дмитреев с покрученники своими видя то, что им, промышленым людем, от тунгуских людеи убоиства стало быть великое, а все от тех служивых людеи, от Семена Родюкова с товарыщы плутовства, да и обороны им, промышленым людем, и управы от служилых людеи нет, от тех мест воротились и приплыли на усть Олекны реки ко мне, Петру, и хотели врознь розбрестись, иные хотели плыть на низ по Лене реке, а иные хотели промышленые люди итти на Турухан по иныя свои соболиные промыслы. И яз, Петр, их, промышленых людеи, иных розговаривал добром, а иных и не по охоте имал с собою и ходил сам служивыми людми и с торговым человеком с Ываном Пеуновым да со всеми промышлеными людми на государеву службу вверх по Лене реке с усть Олекны реки на тех тунгуских воровских людеи, которые тунгуские люди промышленых людеи побивали. И в нынешнем во 143-м году июня в 11 день на Лене реке повыше Патомы реки, а не дошед Нюи реки, в тех же местех тех тунгуских людей воровских нашел яз, Петр, и оне, тунгуские воровские люди, увидели, что со мною, Петром, служивых и промышленых людей много и все побежали вразнь, а бою своего с нами не поставили никакова, а было со мною всяких людеи 52 человека. И мне, Петру, служивыми людми и с торговым человеком с Иваном Пеуновым и с промышлеными людми божиею милостию и государским счастием государь подручил. Тут в те поры взяли ис тех тунгуских[780] воровских людеи Якона князца, Нанагирскои волости лутчева князца со Олекны реки и с Патомы реки, по всем по тем рекам ево, Яконовы, люди живут да дети ево. И яз, Петр, тово князца Якона роспрашивал, за что руских людеи он, Якон, с людми своими побивал и многих руских людеи убил, и один ли своими людми руских людеи побивал или иных землиц люди с ним были в том воровстве. И он, Якон князец, мне, Петру, в роспросе[781] сказал: не один де яз руских людеи побивал, были де со мною в тех во всех убоиствах с Вилюя реки с Накагирской волости борнагирсково

[780] *Далее в рукописи зачеркнуто* сних.
[781] *В рукописи исправлено, ранее было написано* в допросе.

роду два князца: Колкочан княззец[782] да Иненяктакан княззец с людми своими, которые сидели в аманатах у служивых людеи у Семена Родюкова с товарыщы. А в том де яз, Якон, не запираюсь, убил яз с людми[783] своими руских людей пять человек Маврука с товарищи, а другую пять человек Верешагу с товарыщы убили те князцы, которые сидели в аманатах на усть Олекны реки у служивых людеи у Семена Родюкова с товарыщы, а дума де у нас, у тунгуских людеи, у всех была одна – побивать-де было нам руских людеи везде. А яз де Якон, убил руских людеи за то, что у меня, Якона, в прошлом годи зимою убили руские люди сына моево, да мне ж де Якону с лудми своими стало жить тежело под государскую высокою рукою от служивых людеи – на один год одною зимою трожды с меня и с людеи моих с однех служивые люди государю ясак имали. Здесь на усть Олекны реки яз, Якон князец, собрав со всех своих людей, дал служивым людем Семену Родюкову с товарыщы государева ясаку три сорока дватцать соболей, а в Нюе реке мои ж люди жили для зверовья потому, что та река моя. Яз, Якон князец, переходя однеми людми своими по тем рекам своим живут, а за тех людеи своих, которые в Нюе реке зверовали, дал яз ясак государев на усть Олекны реки служивым людем Семену Родюкову с товарыщы, а в Нюе реке с тех же с однех моих людеи взяли государева ясаку сорок без двух соболеи служивые люди Федор Чакула да Тимошка Ломко, да они ж, служивые люди, держали у себя после государева ясаку моих людеи в железах для своей безделные корысти, да на Лене реке пониже устья Витимсково. А ныне весною по полои воде взял государева ясаку тритцать соболеи с тех же моих людеи голова стрелецкои Богдан Болкашин. И яз, Якон князец, ныне в том не запираюсь, видячи такую к себе налогу от служивых людеи, побивал яз руских людей с теми аманаты, которых[784] отпустили служивые люди Семен Родюков с товарыщы. Да и ныне стреляли на Лене реке промышленых людеи, которые промышленые[785] пошли было в Нюю реку мои ж люди с теми ж аманаты, а приходили мы на Лену реку для руских людеи убоиства лехким

[782] *Так в рукописи.*
[783] *Написано над строкой вместо зачеркнутого* улусными.
[784] *Далее в рукописи зачеркнуто* которых.
[785] *Далее в рукописи зачеркнуто* люди.

делом от своево житья, а то перво здесь по всем по здешним рекам шатости и убоиства руским людем от моих людеи не будет, потому что то перво стал яз у вас в руках и меня дети и люди мои не покинут и государевым ясаком дети и люди мои промышлять станут зимою, лише б меня государь пожаловал ныне – не велел убить. И яз, Петр, для государева ясачново збору и для промышленых людеи промыслов и убоиства и для утверженья земли новой тово князца Якона велел береч накрепко с караулом служивым людем до государева указу и он, Якон князец, мало караулшика на поплаве в судне ночью не сколол стрелным железом, и яз, Петр, как приплыл, велел ему в зимовье князцу Якону положить для береженья колоду на ногу как мочно поднять дюжему человеку и не велел блиско ево держать ни ножа, ни топора и никаким людем подходить с ножем к нему не велел. Июня в 10 день в зимовье подшел по грешному делу к тому князцу Якону торгового человека Ивана Пеунова покрученик Семеика Кузмин. А у нево, Семеики, был нож на бедре в ножнях и он, Якон князец, кинясь, у того, Семеики, выхватил нож из ножен и ево, Семеику, резал поколол ево в левои бок и покинул ево, Семеику, замертва и почил гонятца с ножем за иными людми – бегает с колодою и неслышным еи на ноге. И яз, Петр, всеми людми одва у нево, Якона князца, нож выбили из рук и яз, видя ево, Яконово, великое воровство, велел зделати миром тюрму и выкинул ево, Якона, в тюрму до государева указу, да велел ему положить для береженья железа на ноги, и он, Якон, в тюрме железа на ногах изломал руками, а до государева указу яз, Петр, ево, Якона князца, убить не велел, да и для государева ясачново збору и для промышленых людеи, чтоб им, промышленым людем, за тем князцом отпромышлять[786] без убоиства, а мне бы, Петру, служивыми людми государев ясак собрать. А как государев ясак у меня, Петра, служивыми людми в зборе будет, и яз, Петр, возму дитей ево в аманаты, а ево, князца Якона, до государева указу не отпущу ж для тово, что он, Якон, по своеи земле у них багатырек, да и болшее воровство в нем, Яконе. Такова вора спустить жива нелзя, потому что во всеи земле шатость будет опять великая, да и промышленым

[786] *В рукописи исправлено, ранее было написано* от промыслов.

всяким руским людем от такова вора проходу нигде не будет, потому что государевы остраски им, тунгуским людем воровским, по здешним рекам нигде не бывало за их великое воровство, а без государева указу яз, Петр, тово князца Якона за ево великое воровство вершить не смею. И яз, Петр, ныне писал к тебе для тово в Енисейскои острог государеву воеводе обо всяких делах и об государеве указе и тебе б, государеву воеводе Ондрею Ондреевичю, обо всем мне об том на весну указ учинить. А и преже сего, как пошли с усть Олекны реки в Енисейскои острог служивые люди десятник Семен Родюков с товарыщы, и яз на них на служивых людеи, на Семена Родюкова с товарыщы, писал же об их плутовстве к тебе, государеву воеводе Ондрею Ондреевичю в Енисейскои острог, а послана та отписка с енисейским служивым человеком с Тренкою Устиновым.

СПбф РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. № 72. Л. 95 об.–101. (Л. 95 об.–96 об. опубликованы в: Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. Т. III. – С. 226–227. № 44). Полный текст опубликован в: Бродников А.А. Отписка сына боярского П. Бекетова с устья Олекмы (к вопросу о русско-тунгусских отношениях на Средней Лене в середине 30-х гг. XVII века) // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Новосибирск, 2012. Т. 11, вып. 1. История. – С. 137–144.

Приложение 5

1639 г. не позднее 16 июля. Роспись жителей Енисейского острога и Верхней Подгородней деревни, имеющих лошадей

Роспись Енисейского острогу детем боярским, и атаманов, и казаков, и сотника стрелецкова и пятидесятников у ково сколько лошадей у всяких служилых людей:

у сына боярсково у Петра Бекетова	четыре лошади
у атаманов у Ивана да у Осипа Галкиных у братьев	шесть лошадей
у сына боярсково у Павла Биюцково	лошадь
у сотника стрелецково у Василья Черменина	две лошади
у пятидесятников у Семена Серебреника	две лошади
у десятников:	
у Федора Торопчанина	лошадь
у Карпа Мокиева	две лошади
у Елисея Юрьева	три лошади
у Дементья Москвитина	две лошади
у Данила Еремеева	лошадь
у Семена Родюкова	лошадь
у Андрея Пермяка	лошадь
у Ивана Панкратова	две лошади
у Дружины Ондреева	лошадь
у редовых:	
у Второво Бренчанина	две лошади
у Григорья Тотарсково	три лошади
у Корнила Козлова	лошадь
у Федора Чеуса	две лошади
у вдовы Тимофеевской жены Лома	лошадь
у Максима Перфирьева	две лошади
у Василья Колесникова	лошадь
у Микиты Кецково	лошадь
у Совы Черново	лошадь

у Анкудина Выймитина	лошадь
у Ивашка Падеры	лошадь
у Ивашка Чюрки	лошадь
у Вторка Захарова	лошадь
у Ерамы Федорова	две лошади
у Баженка Ретькина	две лошади
у Гришки Попова	лошадь

К сей памяти черной поп Енисейскова острогу...

Имяна Енисейского острогу посадским людем, что и сколько у кого имянем лошадей:

у Нечая Ванегина	2 лошади
у Кондратья Лодыгина	2 лошади
у Ивана Коновала	3 лошади
у Богдана Потапова	2 лошади
у Третьяка Потапова	2 лошади
у Томила Потапова	2 лошади
у Семена Гурылева	2 лошади
у Онцыфора Ютлака	лошадь
у Луки Трескина	лошадь
у Савы Зыряна	2 лошади
у Гаврила Сурны	лошадь
у Гаврила Епифанова да у Оверки Григорьева	лошадь
у Ивана Черного	2 лошади
у Кондратья Короваева	лошадь

У Митьки Казанца и у Некраска Жарково в нынешнем во 147-м киргизы [и аринцы] лошадей отогнали все.

К сим имянам черной поп...

Имена пашенных крестьян Верхные Погоро<дные> деревни, у ково сколько лошадей:

у Митьки Калинка	две лошади
у Фетьки Каргопола	лошадь
у Васьки Каргопола	лошадь
у Кирилка Соловья	лошадь
у Фетьки Толстыкина	две лошади
у Оськи Сухотнина	4 лошади
у Васьки Дутово	2 лошади
у Меркушки Лоривонова да у Васьки Бездыря	лошадь
у Офоньки Сидорова	лошадь
у Кузьки Литвина да у Варламка Семенова	лошадь
у Карпунки Мокиева	лошадь
у Мишки Варакcина	лошадь
у Ивашка Захарьева да у Ивашка Прокофьева	лошадь
у Васьки Онтипиева	две лошади
у Семейки Тюфякина	лошадь
у Климка Данилова с товарищом	лощадь
у Кирилка Тимофеева да у Демки Ламаева	лошадь
у Ивашка Григорьева да у Осташка Литвина	лошадь
у Петрушки Аликсеева	лошадь
у Фетьки Вязьмы	две лошади
у Корнилка Павлова	две лошади
у Кирилка Воронова с товарищем	лошадь
у Кимка Михайлова с товарищем	лошадь
у Кирилка Таскина	две лошади
у Проньки Трофимова	лошадь
у Богдашка Денисова	лошадь
у Данилка Семенова да у Богдашки Батурина	лошадь
у Лерки Зорина	лошадь

у Незговорка Потапова лошадь
у Ондрюшки Лягалова лошадь
у Фетьки Андриева с товарищем лошадь
у Кирилка Зорколетова две лошади
у Петрушки Афонасьева лошадь
у Ивашка Тимофеева лошадь
у Якимка Васильева лошадь
у Спирки Савина две лошади
у Ивашка Костьника две лошади
у Стеньки Иванова лошадь
у Матюшки да у Малашки у двух лошадь
у Андрюшки Прокифьева две лошади
у Семейки Носа две лошади
у Ганки Скурихина лошадь
у Микитки да у Лучки лошадь
у Якунки Туголука лошадь.

Роспись пашенным крестьянам Енисейского острогу, сколько у ково лошадей:

у Фомки Григорьева две лошади
у Логина Макарова две лошади
у Ивана Чашки лошадь
у Гришки Щетника лошадь
у Ивашка Бороды две лошади
у Федьки Болотова да у Сеньки Стасова лошадь
у Ивашка Лодыги да у Андрюшки Чермнова лошадь
у Данилка Яковлева две лошади
у Первушки Савельева лошадь
у Трошки Иванова да у Тихонка Никитина лошадь
у Ондрюшки Никифорова, у Ермака Емельянова, у Олги Мякишева, у Онцыферка Прокопьева лошадь

у Микитки	лошадь
у Проньки Федорова да у Демки Ферапонтова	лошадь
у Васьки Кокшара да у Давыдка Семенова	лошадь
у Лаврушки Зайца, у Фильки Подпаса, да у Ларки Григорьева	лошадь
у Федьки Новокрещена да у Кости Ворожейки	лошадь
у Демки Лукьянова	две лошади
у Гришки Юрьева	лошадь
у Ромашки Клементьева	лошадь
у Федьки Сокола	лошадь
у Тишки Семенова	лошадь
у Титка Нестерова	лошадь
у Дружинки Иванова	лошадь
у Баженка Максимова	две лошади
у Фильки Михайлова	две лошади
у Гулейка да у Матюшки	лошадь
у Карги Павлова	лошадь
у Жданка Павлова	лошадь
у Ивашка Кытмана	лошадь
у Семейки Кочешка	лошадь
у Мишки Пастуха	лошадь

... Спасково мастыря Сергий руку приложил.

К сей памяти богоявленской поп Иван вместо сына своего духовнаго Никифора Галкина по его веленью руку приложил.

К сей росписи Андрюшка Сидоров сместо дядей своих атамана Осипа Галкина да пятидесятника Семена Серебреника руку приложил.

К сей памяти Ивашко Лукин Москветин вместо служивого человека Семена Родюкова по ево веленью руку приложил.

К сей росписи Корнилко Козлов в свое место и в место Ивана Панкратова по ево веленью руку приложил.

Томской казак вместо служивово человека Второво Брянчанина по ево велению руку приложил.

К сей росписи вместо старост пашеных крестьян Ивана Филипова для старости Дмитрея Савельива по их веленью богоявленской поп Григорий руку приложил.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 75. Л. 499–503 об. Опубликован: Бродников А.А. Енисейский острог. Енисейск в XVII веке: Очерки из истории города и уезда. – Красноярск: Енисейский благовест, 1994. – С. 135–137.